

КАК УБИЛИ СССР
25 ЛЕТ ВЕЛИЧАЙШЕЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЕ

РУСЛАН ХАСБУЛАТОВ

КАК РАЗВАЛИЛИ СССР

КРУШЕНИЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ

Руслан Хасбулатов

**Как развалили СССР.
Крушение Сверхдержавы**

«Яуза»

2017

УДК 94(47+57)"1985/91"
ББК 63.3(2)635

Хасбулатов Р. И.

Как развалили СССР. Крушение Сверхдержавы /
Р. И. Хасбулатов — «Яуза», 2017

ISBN 978-5-699-92491-2

«Великая геополитическая катастрофа» – эта книга подтверждает правоту слов президента Путина о гибели СССР как о страшной трагедии, обернувшейся колоссальными людскими и экономическими потерями. Однако то был еще не самый худший из возможных сценариев – 25 лет назад нельзя было исключить ни полномасштабной гражданской войны, ни даже ядерного апокалипсиса. В реальности же произошел не полный крах, а «полураспад» Советского Союза – ценой невероятных усилий и огромных жертв удалось спасти хотя бы Российскую Федерацию. Какие силы развалили СССР и почему им не удалось добить Россию? Благодаря кому мы удержались на краю и не погибли под обломками рухнувшей Сверхдержавы? Как из пепла Советского Союза начало возрождаться Российское государство? Будучи не просто свидетелем, а одним из главных участников событий, Руслан Хасбулатов рассказывает об увиденном и пережитом предельно откровенно, не обходя молчанием даже самые острые моменты, не замалчивая ни собственных ошибок, ни имен главных виновников и заказчиков Великой Геополитической Катастрофы.

УДК 94(47+57)"1985/91"
ББК 63.3(2)635

ISBN 978-5-699-92491-2

© Хасбулатов Р. И., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

Введение	7
Глава 1	17
Глава 2	28
Глава 3	51
Глава 4	68
Глава 5	84
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Руслан Имранович Хасбулатов

Как развалили СССР.

Крушение Сверхдержавы

© Хасбулатов Р.И., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Введение

1992 год – это самый тяжелый, самый ответственный период в жизни новой России как самостоятельного государства. Это был год, когда, по существу, решался вопрос: быть или не быть вообще России в ее современных границах или она распадается на множество частей, квазиреспублик? О необходимости дальнейшего «размежевания огромной России, в которой даже при распаде на отдельные части, в общей сложности, «должно проживать не более 15 млн человек», открыто говорили не только иностранные государственные деятели, но и весьма близкие к кремлевской власти представители политических кругов и СМИ. Именно такой исход они считали единственным для окончательного устранения самой возможности, даже гипотетической, «восстановлении СССР». Поэтому исчезновение Советского Союза с карты мира они считали всего лишь «половиной успеха», и не случайно я назвал одну из своих предыдущих книг «Полураспад СССР. Как добывали Великую державу (2012)».

Однако и я хотел бы подчеркнуть одну важную мысль, которая особенно актуальна в связи с современным, предельно обострившимся характером международных отношений, в которых важнейшим элементом являются противоречия России и Запада. Аналитики при этом объективно полагают, что они «начались сравнительно недавно, когда укрепляющаяся Россия стала на четкие позиции обеспечения своих национально-государственных интересов». Но это действительно стало происходить, во-первых, недавно; во-вторых, никак не при первом президенте. Пишу об этом не случайно, поскольку один уважаемый государственный деятель, нисколько не смущаясь (сравнительно недавно), заявил публично, что, дескать, «это стало происходить при Борисе Николаевиче». И привел в доказательство эпизод развертывания премьером Евгением Примаковым самолета над Атлантикой, направлявшегося в Вашингтон с целью ведения переговоров относительно ситуации в Сербии. Это решение развернуть самолет в обратном направлении Примаков принял самостоятельно, без каких-либо «консультаций» с президентом, когда узнал, что самолеты НАТО уже бомбят сербские города. Этим самым вызвал сильное раздражение в Белом доме и госдепартаменте США. Оттуда последовал «сигнал», что Примакова следует «убрать» – слишком самостоятельный политик. Вот это указание США охотно и выполнил «уважаемый Борис Николаевич», который к тому времени стал побаиваться премьера, авторитет которого все более возрастал в российском обществе, с ним стали серьезно считаться в международных политических и деловых кругах. Об этом мне говорил сам академик Евгений Примаков. Ельцин ему сказал: «Я не хочу ссориться с США, они нам сильно помогают».

Хотя я неоднократно подчеркивал в предыдущих книгах важную мысль о том, что ни США, ни другие иностранные государства не играли какой-либо существенной роли в падении СССР, этого нельзя сказать о длительном периоде, охватывающем все 90-е годы, когда их влияние на все направления внутренней и внешней политики были попросту безграничными. Известна народная кличка одного из любимцев Ельцина, министра иностранных дел Андрея Козырева – «мистер чего изволите». Ныне этот «бывший любимец российского президента» и вершитель внешней политики России живет в США и публично призывает американские власти ужесточить санкции против России. Это огромное влияние иностранного фактора привело к навязыванию ущербной социально-экономической политики, которая привела к «деиндустриализации» экономики России и стран Содружества (СНГ). И почти полному «уходу» страны из системы международных отношений, ее вес и влияние в мире предельно сократились. Эмиссары Ельцина выпрашивали займы у западных правительств и международных финансовых организаций. (Ситуация, зеркально отражающая сегодняшнее положение Украины, даже в деталях. Уже поэтому украинский народ заслуживает самого искреннего сочувствия.) Одновременно, в соответствии с ельцинской идеей «об ускорен-

ном создании собственников», такие и появились как следствие мошеннической приватизации, операций с нефтью, лесом, удобрениями, различного рода товарами, которые в обход таможи и уплаты налогов переправлялись за границу или ввозились в страну. Часто сложное в технологическом плане заводское оборудование и станки приватизированных предприятий новые хозяева превращали в груды металлолома и вывозили за границу, этой участи подверглись даже рельсы на БАМе. Народ обнищал, скрытые формы безработицы приняли невиданные нигде размеры – до 30 % людей получали какие-то грошовые рубли за то, что «числились в штате». Возросла уголовная, особенно организованная форма преступности, кое-где в крупных городах она стала буквально срачиваться с властями; невиданных размеров достигла коррупция на всех уровнях власти. Все стало продаваться и покупаться, в том числе большие должности (включая губернаторские и мэские). Это было особенно опасным явлением, поскольку эти пороки становились органическими свойствами молодого российского капитализма.

Вот почему, несмотря на довольно энергичные усилия государственных органов власти по борьбе с коррупцией в последние времена, создается впечатление, что она не только не сокращается, а скорее, возрастает. Это связано как раз с тем, что она, эта коррупция, оказалась буквально «встроенным элементом» в процессе формирования самых ранних его стадий. Отечественные капиталисты мало интересовались понятием конкуренции, себестоимостью, изделий, состоянием рабочей силы, новыми технологиями, условиями свободного рынка и т. п. и т. пр., что является насущной необходимостью любого капиталистического производителя товаров и услуг. «Наших» интересовали другие вопросы: как получить «левое» сырье и материалы, каким образом упрятать часть произведенной продукции от налога, как перевезти товар через границу, как «перегнать» большие деньги на зарубежные счета и в офшорные банки и т. д. И даже – как «наехать» на некую успешную фирму и захватить завод, фабрику и прочие активы. Откуда при таком «строительстве капитализма» было возможным процветание общества?

Одной из главнейших задач того, как я выше указывал, самого ответственного периода в развитии Российской Федерации как самостоятельного государства было принятие основных (органических) законов, подводивших правовые основания под формирующееся капиталистическое государство – его политическую, экономическую и судебную системы. И это было сделано в ходе нашей неутомимой работы в течение почти четырех лет съездами народных депутатов и сессиями Верховного Совета Российской Федерации под моим председательством. При этом мы, законодатели, нашли согласие в том, что это новое формирующееся российское государство должно быть реально свободным, демократическим, с той социальной системой, которая сложилась за десятилетия существования СССР и была образцом для подражания даже для стран Запада.

Экономический, социальный и моральный кризисы сильно поразили не только экономику, но и общество, его связи и взаимосвязи, семейные отношения и действовавшие на протяжении многих десятилетий и, казалось, незыблемые, товарищеские отношения в рабочих коллективах. Они мощно подрывались новыми отношениями: «начальник – подчиненный / рабочий или служащий». Профсоюзы были, по сути, умерщвлены (окончательно их уничтожат после событий осени 1993 года). Появился унижительный термин «работодатель», внутренний смысл которого уже воплощает в себе всесильного владельца – собственника, которому принадлежит уже все. По телевидению – хамство, плоские шуточки, неприкрытая нецензурщина. Кризис сильнейшим образом поразили экономику в силу ее растущей разбалансированности, она быстро теряла свойства единого народно-хозяйственного комплекса – происходил упадок основных промышленных отраслей и сельского хозяйства, сокращалось животноводство и птицеводство, а также кисломолочное производство, зато все больше поступали различного рода иностранные продукты не естественного происхож-

дения; особенно популярными стали «ножки Буша», которые полностью заменили отечественное мясо птицы. В ходе приватизации еще на первом этапе многие огромные птицеводческие комплексы (десятки!) были скуплены иностранцами и немедленно остановлены, а позже – вообще демонтированы с превращением дорогостоящего импортного оборудования, закупленного в 1981–1984 гг., в металлолом. Усилился поток бегства ученых и специалистов из страны в дальнее зарубежье, причем в намного больших масштабах по сравнению с тем, который образовался после Февральской и Октябрьской революций 1917 года и в период Гражданской войны (1918–1920 гг.). Социальные травмы, шоки, деформации общественного сознания в условиях ускоренной ломки привычных общественно-экономических и человеческих отношений, умноженные на явно демонстрируемое высшим чиновничеством (правительством Ельца – Бурбулиса – Чубайса и Ко) откровенно пренебрежительное отношение к людям, увеличивало осознание пропасти между сложившейся буржуазной властью и народом.

Эти совершенно нерегулируемые отношения неизбежно привели к формированию типа капитализма, который был свойствен эпохе конца XVIII–XIX вв. в наиболее продвинутой в те времена стране, Англии. Он был блистательно описан в книге Ф. Энгельса «Развитие капитализма в Англии», в которой был представлен анализ чудовищных преступлений молодого капитализма во имя прибыли; эта работа до сегодняшнего дня является классической, раскрывающей подлинные отношения между трудом и капиталом. На нее не ссылаются даже «знаменитые» лауреаты Нобелевской премии, часто получающие этот почетный титул за тщательное описание, к примеру, «поведение дворника в процессе использования им метлы и его внутренние мотивы к производительной деятельности при нестабильности конъюнктуры».

Несомненно одно – социализм исторически явился в громадной мере первым прогрессивным общественно-экономическим строем по сравнению с любой фазой развития капитализма. Его следовало мировому научному сообществу улучшать, избавляя от «вредных примесей», а не уничтожать, понимая, что он представляет собой величайший, грандиозный социальный эксперимент по коренному переустройству традиционного государства и общества как его альтернативы. По мере своего развития практический социализм подвергался качественной трансформации.

Он развивался в направлении большей гуманизации, участия людей в принятии решений во всех касающихся их жизни вопросах, с учетом положительных сторон иных социальных систем, то есть развивался процесс конвергенции. Так, предельно жесткая модель сталинского типа социализма была трансформирована в хрущевскую модель, когда были полностью отсечены репрессивные функции государства, а правоохранительные органы поставлены под жесткий контроль государственно-партийной бюрократии, была осуждена вся репрессивная практика сталинизма. Затем мы видели брежневскую модель социализма и несомненный рост материального благосостояния общества; вряд ли было бы справедливо характеризовать этот период правления как «застой» (термин, впервые использованный Михаилом Горбачевым в 1986 г.). И наконец, Горбачев предпринял серьезные попытки еще больше «очеловечить социализм», достигнуть в короткое время изобилия (собственно, это была та же цель, которую ставил еще Никита Хрущев, и, возможно, – достижимая, если бы она достигалась адекватными средствами). В общем, в СССР также развивался процесс конвергенции, когда в общественном развитии использовались наилучшие стороны разных мировых социальных систем. Мы это видим на примере эволюции современного Китая, хотя трудно сказать, куда в конечном счете качнется политика этого Великого государства. Скорее всего, так произошло бы и в СССР, и, видимо, Горбачеву удалось бы подписать с большинством союзных республик Новый союзный договор и были бы преодолены многие серьезные проблемы эволюции СССР в новое качество. Проблема реформирования в

СССР, а затем и в Российской Федерации сильно осложнилась под влиянием двух международных факторов. Во-первых, основные центры «зрелого» капитализма – США, страны Западной Европы и Япония, уже с конца 1990 года оказались в глубоком экономическом кризисе. В нашей стране, все общество которой находилось в ожесточенных дискуссиях вокруг заката перестройки и растущих дефицитов, «не заметило» этого кризиса. А он означал не что иное, как то, что Запад не может и не будет оказывать какую-либо существенную помощь ни СССР, ни России (после 8 декабря 1991 года). Кризис мировой экономики длился вплоть до начала 1993 года (выйти из кризиса «помогли» гибель СССР, начавшаяся деиндустриализация, громадный переход капиталов, технологий и «мозгов» из союзных республик) на Запад. Во-вторых, на Западе завершался переход от модели социального государства всеобщего благоденствия (кейнсианский капитализм) к другому типу (модели) капитализма – к предельно жесткому, реакционному (не демократическому), лишенному сострадания к ближним, больным, плохо обеспеченным, всецело ориентированному на интересы Большого Бизнеса и безграничное потребление всего того, что они производят и вбрасывают на всемогущий мировой рынок. Он, по мнению новых идеологов суперкапитализма, является всеобщим уравнивателем и аллокатором ресурсов и вполне может заменить государство. Поэтому, по их мнению, правительства не должны нести ответственность за состояние экономики. Надо всего лишь осуществить полную денационализацию (приватизацию) государственной собственности – и дело в шляпе, и ослепленное человечество будет славить Рынок, учение Милтона Фридмана и Вашингтонский консенсус, и вероятно, более фанатично, чем это делали сторонники Маркса. Эти весьма простенькие до примитивности идейки были восприняты в России значительной частью научно-экономической экспертной мысли и в правительственных кругах. Бесчисленное количество этих «идеологов» нового капитализма в качестве «советников», как новые гунны, бродили во всех властных кабинетах России и стран Содружества, руководя «реформами».

Такова была общая обстановка, когда на чрезвычайной сессии Верховного Совета, созванной в связи с ГКЧП, я в своем докладе «О политической ситуации в стране, сложившейся в результате государственного переворота» сделал заявление о необходимости перехода России к «мягкой модели капитализма». При этом было сказано, что надо это сделать с сохранением всех социальных завоеваний социализма; но если в последующем этот выбор окажется ошибочным, следует изменить соответствующую политику и вернуться к обновленному социализму. Но этим должны заняться уже другие лица в руководстве страны.

Я, конечно же, тогда даже предполагать не мог, что на авансцену большой политики выходят люди, намного более опасные и циничные по сравнению с любыми комвождями, менее грамотные, но жестокие, жадные до денег и роскошной жизни за счет народа и не склонные уходить от власти, полученной ими в результате стечения случайных исторических и ситуационных обстоятельств.

Некоторые аналитики проводят аналогии ситуации, сложившейся в России в начале 90-х, с ситуацией, характерной для Германии, – Веймарской республикой после Первой мировой войны: такое же униженное положение народа, потерявшего веру в будущее, нищета, безработица, миллионы беспризорных детей, кандидаты наук – продавцы в грязных лавках, вчерашние благородные школьные учительницы, роющиеся в мусорных баках в поисках еды для голодных детей, и т. д. Но на деле между двумя странами, и особенно причинами, приведшими к таким трагическим последствиям, нет и не было абсолютно ничего общего, даже в отдаленной мере.

Германия, потерпев поражение в мировой войне, которую она породила, вынуждена была признать и выполнить требования победителей, прежде всего Англии и Франции: ликвидировать армию и военно-промышленное производство, передать Эльзас и Лотарингию

Франции (захваченные Бисмарком в 1870–1871 гг.), выплатить огромные контрибуции победителям и т. д.

Ничего этого не было в случае с СССР и Россией – никто не нападал на страну, не было ни военных поражений, ни контрибуций, ни аннексии ее территории. Были слабость, некомпетентность, предательство и измена. До предельно плачевного состояния СССР и ее последующего «раздела» довели бездарные действия союзной и союзно-республиканской партийно-государственной бюрократии. При этом, вплоть до прихода к власти в РСФСР Ельцина, влияние иностранного фактора в делах СССР было малосущественным. Но ельцинисты предали страну и стали служить иностранным интересам, усматривая в них своих единомышленников в проведении разрушительных реформ, которые преследовали цели создания в стране крупных магнатов за счет передачи им государственной собственности. Конечно, это было откровенное мошенничество, по сути, ограбленным остался народ, который поверил новым властям.

В этой связи откровенным поступком гражданского мужества явилось заявление (в марте 2014 г.) замечательного драматурга и кинопродюсера Никиты Михалкова о необходимости дать правдивую оценку событиям 93-го, а также осуществленной приватизации в 90-х годах.

Пагубная роль в разрушении СССР, а затем и длительных конвульсий России в немалой мере была связана с предельно неудачной формой встраивания в политическую систему СССР-России президентского института. Несмотря на огромные полномочия, которыми были наделены и президент СССР Горбачев, и президент России Ельцин, оба так и не сумели стать подлинными лидерами, развить парламентаризм, местное самоуправление в направлении муниципализации Советов, и самое главное – при них началась деиндустриализация могучей промышленности СССР-России, а страна скатилась на второразрядные роли в мировой политике, потеряв вес и влияние в системе международных отношений.

Особенно наглядно это проявилось в деятельности президентской власти в России в ельцинское десятилетие, что едва не окончилось разрушением уже России. Несмотря на все попытки «подмять» парламент в 1992 году, политический процесс ускоренно перетекал из Кремля в Дом Советов (Парламентский дворец), подводя общество к мысли «о ненужности в России президентства». Несомненно и то, что индикаторами, способствовавшими переходу ельцинистов к экстремистским методам, послужило и все более выявляющееся недовольство граждан России Беловежскими соглашениями, положившими конец СССР.

На мое имя в Верховный Совет приходили десятки тысяч писем и обращений от граждан страны (и СНГ), в которых представители, по сути, всех социальных групп ставили вопросы: почему развалили СССР? Почему нет объяснений причин этой трагедии? Почему 25 млн русских людей вдруг оказались за пределами своей страны? Как так получилось, что исконно российские территории оказались отторгнутыми? Думаю, что и президент получал письма такого содержания. И это стало тревожить «предателей-подписантов». В силу такого сильнейшего давления «снизу» Межпарламентская ассамблея СНГ приняла постановление, в соответствии с которым Российской академии наук (РАН) было поручено исследовать причины гибели СССР. Если иметь в виду то общее, что характеризовало общество СССР накануне «ропуска» Советского Союза в декабре 1991 года и общество России накануне ельцинского переворота сентября – октября 1993 года, то здесь было много сходного.

Это – нахождение у власти ничтожных людей, чувство огромного национального унижения, в том числе как следствие того скотского состояния, в которое был вброшен народ.

Это – яростное отрицание нуворишей, грабящих народ, «новых собственников» и новых продажных чиновников как на федеральном, так и провинциальном уровнях, потерявших всякое представление о стыде, чести и совести.

Это – ненависть большинства общества к откровенному вмешательству иностранцев и их советников в дела страны (что стало уже заметным явлением с ноября – декабря 1991 г.); нежелание людей слушать и слышать их «советы», что делать и как делать.

Это – яростное отрицание всего того, что общество связывало с понятием «контрреволюция», обогащение узкого слоя нуворишей и чиновничества за счет государственной собственности, пренебрегая интересами людей. Унижение российского общества, навязанное правящим классом, было настолько уникальным, насколько и иррациональным явлением в своей пассивности в действиях; но оно же породило общественный психологический шок огромной силы, и он был всеобщим, универсальным.

К концу 1992-го – началу 1993 года российское общество стало выходить из этого шокового состояния, оно стало возвращаться к активной политической жизни. И уже не желало больше терпеть унижения и нищету – это было очевидно. Но не было определенности в том, откуда исходит угроза обществу. Вроде бы народ избрал своих представителей: съезд и Верховный Совет на базе горбачевских реформ и пробудившейся тогда энергии народа; был также избран президент РСФСР. И вдруг между ними начинается драка – кто прав? кто виноват? – конечно, это интересные вопросы, как писали классики (Ильф и Петров), для «пикейных жилетов», – но навряд ли они были так уж интересны для конкретной семьи простого труженика.

Драматическая проблема России в тот период состояла в том, что в обществе тогда не сформировалась массовая политическая сила, которая могла бы объединить большинство народа и предложить альтернативу и правящему тогда довольно «рыхлому» классу без определенных целей, и агрессивным наступающим «рыночным силам» с их «рыночно-торгашескими» моральными ценностями. Это была парадоксальная ситуация – умных, талантливых, перспективных потенциальных лидеров в стране было более чем достаточно, причем известных на просторах СССР, не только в России. Но возглавить общественный процесс на началах новой модели «социализма-капитализма», их конвергенции, как это сделал Ленин, перейдя к НЭПу, или как это сделали в Китае ее руководители, в новой России оказалось некому, кроме как парламентским лидерам, а их жестоко избивали, подвергали небывалому остракизму через контролируемые контрреволюцией СМИ. Коммунисты, точнее их лидеры, показали также свою неспособность к лидерству, по сути – они ушли в глухую оборону. Другие, кто их яростно атаковал, предпочли создать какие-то аморфные общественные организации на кабинетных сходках в «поддержку демократических реформ» и не стали реальной политической силой, но провокационной силой они стали; третьи стали с разрушительной маниакальной устремленностью обогащаться за счет народа и государства. Некоторые, в прошлом популярные «вроде бы» демократические лидеры, поторопились занять должности мэров крупных городов и пустились во всевозможные имущественные аферы. Фактически государства в России в этот период не было, были лишь отдельные его институты, и была привычка общества поклоняться сложившейся ситуации.

Но было две разновидности реальной власти: одна – наиболее эффективная, это представительная власть – съезд и Верховный Совет России; вторая – сугубо административная, действующая по инерции, из остатков и осколков былой советской власти, то есть президентско-правительственная власть с ее колоссальным чиновничеством. Это она произвольно использовала инструменты власти для захвата огромной государственной собственности в условиях предельного истощения казны и отсутствия контроля со стороны центральной власти и общества. Она обеспечила обогащение целого слоя новых бюрократов и новых собственников. Это «новое нечестивое согласие» и «новый союз» оказались самым аморальным, циничным и плохо подготовленным в профессиональном плане правящим классом. Но, собственно, контрреволюция и не могла быть иной.

В результате сформировалась любопытная дихотомия: во-первых, съезд депутатов и Верховный Совет, восстановив иерархию представительных органов власти по всей вертикали, обеспечивали управляемость всей легислатуры и административной машины предельно ослабевшего государства; во-вторых, в такой обстановке Верховный законодатель формировал новое законодательство для нового государства и вносил коррективы в правительственную политику, не давая полностью разрушить слабую государственность; в-третьих, Верховный Совет не мог опираться ни на одну политическую силу, ни на одну партию, их не было. Некоторые аналитики проводили в те времена аналогии между гибнущей Россией и Веймарской республикой (Германии) 30-х годов XX века.

Однако для сравнения не было оснований. Там, в Германии, в частности, была другая проблема – выплаты огромных репараций победителям ослабевшей, побежденной страной, унижение от поражения и отхода Эльзаса и Лотарингии и т. д. Кстати, великий экономист XX века, уже широко известный в те времена, Дж. М. Кейнс написал несколько работ, в которых указывал о необходимости смягчения репарационных и иных обязательств, наложенных на Германию по условиям Версальского мирного договора. Ученый-экономист обосновал, что эти репарации и обязательства чрезмерны для германской экономики и ее населения, что неизбежно приведет к быстрой радикализации общественных настроений. Еще до поражения Германии во Второй мировой войне, обсуждая будущий передел Европы, при встрече в верхах в Ялте Уинстон Черчилль вспомнил эти мысли Кейнса и сообщил Сталину и Рузвельту, что он тогда попросил премьера Великобритании Эттли обратить внимание на этот взгляд, высказанный Кейнсом. Но это мнение не было услышано. Видимо, Черчилль вспомнил об этом не случайно, он, как и другие два лидера, тогда думал о формах послевоенного управления побежденной Германией, не говоря уже о европейском мирном порядке в целом.

Слом СССР оказал сокрушительное воздействие на экономику ее бывшей базовой опоры – Российской Федерации. В этих условиях правительства Егора Гайдара и Виктора Черномырдина – обоим пришлось, конечно, действовать в невероятно сложных условиях – не смогли установить отношения с Парламентом и совместно работать в целях достижения общей цели – стабилизировать социально-экономическую ситуацию, остановить спад и падение уровня жизни населения.

Первая задача для власти уже с ноября – декабря 1991 года, как мне представлялось, заключалась в том, чтобы минимизировать реальный ущерб для новой России в результате разрушившихся межреспубликанских хозяйственных связей. Тем более что, как бы плохо ни выглядели соглашения по СНГ, они сохраняли почти на протяжении первых восьми месяцев единую рублевую зону, не прерывали базовые производственно-хозяйственные связи, в частности, по взаимным поставкам предприятий и т. д. Это создавало реальную возможность адаптировать российскую экономику к новой «суверенной» обстановке за счет своего рода «переходного периода» (в условиях трансформации) к капиталистическим хозяйственным отношениям. Но этот курс был сознательно отвергнут, стал проводиться другой курс в соответствии с интересами иностранных государств.

В такой обстановке сама логика подсказывала осуществление, во-первых, быстрого перевода ряда производств из других бывших республик в пределы России (необходимость которых была критической), во-вторых, заключения большого числа новых договоров со смежниками из «суверенных» государств, в-третьих, проведения «мягкой» политики по созданию новой системы рыночных отношений. Все эти подходы, взаимно друг друга дополняющие, однако требовали одного условия – обеспечения управляемости всего народного хозяйства как единой народно-хозяйственной системы. Разумеется, достигнуть этой задачи было нелегко, поскольку все предыдущие годы непрерывного волюнтаристского экспериментаторства привели к предельной разбалансированности всех отраслей экономики Рос-

сийской Федерации. Но задача тем не менее была вполне решаемой, поскольку все главные отрасли экономики были государственными и управлялись через административные импульсы, исходящие из единого Центра, хотя они, как я выше указывал, были основательно разбалансированы и ослаблены. К тому же были высвобождены крупные финансовые ресурсы из сферы Министерства обороны и ВПК, которые могли играть позитивную роль в восстановительный период, компенсируя общее снижение доходов государственного бюджета (в результате остановки предприятий, начавшегося процесса уничтожения производственных мощностей, а затем и приватизации).

Следовательно, задача первого этапа реформы объективно заключалась в воссоздании системы управления на каких угодно основаниях – с целью быстро завершить период упадка и разбалансированности и создания прочной базы коренного реформирования. Эту простую логику, понятную для всякого среднеподготовленного управленца (что на частном, что на государственном предприятии – какая разница?), не поняли ни Ельцин, ни Гайдар, ни Черномырдин. Причем им всем была свойственна одна черта – маниакальная боязнь высокого начальства, готовность мгновенно изменить свое мнение при малейших признаках несогласия вышестоящего должностного лица.

А это именно та черта характера личности, которая никогда, ни при каких обстоятельствах не порождает из такого руководителя подлинного лидера. Он остается исполнителем чужой воли, элементарной марионеткой. И руководствуется лишь импульсами, исходящими из сферы высоких инстанций, и коль скоро «задача-программа» ему поставлена – порой нереальная и, возможно, с изъятиями, – он упорно, со страстью, будет добиваться ее выполнения.

А в нашем, отечественном, случае эта ущербная «задача-программа» была задана требованиями МВФ и подкреплена мощной прямой поддержкой Министерства финансов и Госдепартамента США. А «гарантами» исполнения всех этих договоренностей президентом и правительством стали граждане США – советники в том числе десятки третьестепенных профессоров и агентов спецслужб, самым продвинутым из которых оказался профессор из Гарварда Джеффри Сакс (на первом этапе), познания которого я сравнил с уровнем своего «неплохого аспиранта из Плехановского института» (после длительной беседы с ним). Хотя, возможно, я и не был прав, но такое у меня тогда сложилось мнение.

Так вот, вместо того чтобы упорядочить систему народно-хозяйственного управления, «правительство реформаторов» (с моей точки зрения – «правительство контрреформаторов») оставляет в стороне эту величайшую проблему и выдвигает совершенно другую задачу как главную – предельно ускоренный переход к рынку. И прежде всего объявляет курс «сплошной приватизации».

Я не буду затрагивать этот вопрос по сути, мы его разберем в самой книге, в разных ее частях, согласно логике публицистического исследования, не забывая, что книга предназначена не для профессиональных экономистов, а для широкого читателя. Сообщу лишь то, что эта модель реформы, которую взялся осуществить Гайдар, не была его изобретением, она широко дискутировалась в восточноевропейской литературе с того периода, когда премьер демократического правительства Польши Бальцерович первым вбросил этот термин в публику – «шоковая терапия». Но и он, пан Бальцерович, был всего лишь автором термина, а содержательная часть этой самой пресловутой «шоковой терапии» была полностью заимствована из известной доктрины «Вашингтонского консенсуса». Она, в свою очередь, первоначально была разработана рядом американских профессоров под эгидой МВФ, причем специально для стран Латинской Америки под руководством профессора Дж. В. Уильямсона из Петерсоновского института мировой экономики Гарвардского университета.

Вот эту программу реформ и взялся осуществить для российского народа Егор Гайдар, а затем и Виктор Черномырдин при полном одобрении со стороны Бориса Ельцина. Эту

программу еще осенью 1991 года доставили в Москву для Ельцина «посланцы» Гарвардского университета. Главная идея «программы» состояла в чисто умозрительном заключении: ускоренная приватизация приведет к тому, что проблема сбалансированности и управляемости экономикой, реально существующая, «рассосется сама собой». Быстро возникший якобы рынок полностью заменит необходимость государственного регулирования (в том числе проблемы взаимных поставок комплектующих, изделий, деталей, машин, оборудования, сырья и т. д.).

Это было предельно теоретическое, абстрактное суждение, основанное на «книжных» представлениях о рынке, в соединении с идеями иностранных советников, которые понятия не имели о том, что такое социалистическая экономика, что такое Российская Федерация, ее республики, области, края, как они развиваются. Оказав огромное давление на парламент и добившись тех задач, которых они хотели достигнуть на первом этапе, контрреформаторы осуществили и «свободные цены», и денационализацию. И буквально обвалили все производство, породив высочайший уровень инфляции и создав условия, когда жизненный уровень населения стремительно покатился вниз.

Обычно в демократических странах правительство, не справившееся с поставленными задачами, уходит в отставку – это правило, и ничего особенного в этом нет. Этого следовало ждать и от правительства Егора Гайдара, а затем и Виктора Черномырдина. Я думаю, он и сам готов был это сделать. Но здесь вступили в действие уже законы другого жанра борьбы за власть, к которым я не был готов.

К огромному моему (и не только моему) удивлению, президент Ельцин стал на путь откровенной борьбы... с парламентом, его же породившим! Это было для меня трагедией – моральной, нравственной, этической. Я тогда, поняв крах своих надежд, решил подать в отставку с поста председателя Верховного Совета – это было в марте 1992 года. Разговор с Ельциным был трудным, мучительным для нас обоих. Он долго, упорно уговаривал меня не уходить, заверял, что он, Ельцин, «демократ до мозга костей», у него нет замыслов стать диктатором, высшая цель для него – это процветание России. И для этого ему нужен я, который очень хорошо управляет Верховным Советом и съездом народных депутатов. «Вы, Руслан Имранович, делаете это лучше, чем я. Вы умеете проводить свою линию, умеете убеждать, никто лучше вас не подходит для роли председателя», – так и еще более убедительно говорил он тогда. Ельцин заверил меня в том, что все основные решения, касающиеся общегосударственного масштаба, его указы, назначения на ответственные должности – в части социальной, экономической и научной, он будет согласовывать с парламентом и во всяком случае со мной.

Ну как не поверить? Я думаю, это была моя большая ошибка. А дальше началось то, что неизбежно должно было начаться, – поиск виновного в провале политики. Должен сказать, что обвинения во вмешательстве в правительственную экономическую политику со стороны Верховного Совета – это правда. Но суть проблемы состояла в том, что, согласно действующей Конституции, за проведение экономической политики главной ответственной силой являлись не только правительство и президент, но и Верховный Совет. И для меня ясно и то, что, если бы российский парламент властно не вмешивался в дела управления страной, ельцинисты ее разнесли бы в клочья еще к концу 1992 года; кстати, некоторые близкие соратники Ельцина и не скрывали эти свои замыслы по разрушению уже Российской Федерации.

Создание «Уральской республики» одним из самых близких клеветов Ельцина было не случайностью, как и то обстоятельство, что в моей родной Чечено-Ингушетии, которая должна была быть моим общественным оплотом, слабый и ничтожный партбюрократ, разваливший богатейшую республику, был заменен подлым, коварным человеком в генеральских погонах, который начал буквально войну с председателем Верховного Совета России. А как восторженно захлебывалась тогда (1991–1993 гг.) московская «демократическая»

печатать, описывая «подвиги» этого ничтожного генерала по «уничтожению последних реликтов «империи зла – СССР», то есть Российской Федерации! Сегодня они, эти писаки-интриганы, вынужденно, из страха перед окрепшей властью, объявили себя «патриотами», но тогда, в 90-е годы, они готовы были разнести в клочья страну!

Я и мои соратники по Верховному Совету не могут забыть то время, когда ельцинисты бегали в перерывах между заседаниями парламента за советами в американское и другие европейские посольства, как они плаксиво жаловались на Председателя, – а их в этих посольствах «утешали». Так они готовили заговор, который подтолкнул к мятежу Ельцина и превращению России не просто в «младшего партнера», а в сателлита, сырьевой придаток США. Отсюда – и сегодняшние проблемы с Украиной, предельное обострение отношений с Западом, попытки изолировать Россию от внешнего мира с помощью санкций и многое другое.

Глава 1

Реформы (контрреформы): деиндустриализация, или Большой Хаос

«Ловушка Гайдара»

У известного социолога и экономиста Йозефа Шумпетера есть такой термин – «созидательное разрушение». Он означает формирование новых, передовых форм хозяйства в процессе модернизации и устранение старых, неэффективных, консервирующих отсталость. Правительство Ельцина – Гайдара – Бурбулиса в 1992 году взяло курс на осуществление тотального разрушения всей экономики, «обвинив» ее (то есть саму экономику) в «приверженности к коммунизму» (?!). И только парламент не позволил этим «реформаторам» разрушить основы экономики до основания; при этом о созидании речь вообще не шла. Правда, и последующие правительства на всем протяжении 90-х годов (особенно это относится к разрушительной деятельности Черномырдина) продолжили почти в неизменности эту линию, истощив экономический потенциал и способствуя «вымыванию» многих современных отраслей машиностроения. По-видимому, эти потери уже невозможны для российского народного хозяйства, как показывают события первого десятилетия XXI века и несколько лет второго десятилетия.

Имя Егора Гайдара, по нелепому стечению обстоятельств, прочно вошло в историю российских преобразовательных процессов, иначе говоря – реформ. Странно при этом, что его многочисленные критики, в том числе из серьезной научно-аналитической среды, не задают самый простой вопрос: что мог сделать человек, даже, предположим, весьма талантливый, многоопытный, в течение всего лишь одного года, когда он находился в должности министра финансов и экономики 6 месяцев и в должности и.о. премьера еще 6 месяцев? Какого позитивного результата он мог добиться за один год? Именно позитивного, поскольку негативный результат, разрушительный – это делается очень просто. И как, находясь в здравом уме, можно утверждать о чуть ли не мифической роли этого человека – «преобразователя страны» и, что еще глупее, – о деятеле, «спасшем Россию от голода»? Ну, разве это не идиотизм?!

И никто не спросит: как, каким это образом (технологически) Гайдару удалось спасти 145-миллионное население России от голода? Надо полагать, он сумел за этот год вырастить несколько урожаев на бескрайних просторах России. И мало – вырастить, урожай надо собрать, сделать из него муку, испечь хлеб, доставить потребителю и т. д. Очевидно также, что Гайдару удалось увеличить поголовье скота, овец, свиней, кур и т. д., превратить все это в продукты питания!

На самом-то деле произошло обратное: миллион единиц крупного рабочего скота пошло под нож, двукратно сократилось поголовье овец и свиней, а также производство птицы. Да, кстати, какие «потусторонние силы» использовал при этом Гайдар? Ясное дело, не колхозы и совхозы, которые он громил! Почему-то об этих «неведомых, таинственных силах» Гайдара, которые помогли ему при этом «уберечь страну от голода», мы ничего не слышали и не читали.

Он имел в своем активе не экономические исследования и разработки, серьезные идеи, серьезный опыт государственной деятельности, а громкое имя деда – молодого революционера, пламенного большевика, в молодые годы воевавшего с белогвардейцами и подавляв-

шего крестьянские восстания. И героически павшего осенью 1941 года, выходя из окружения, – он был спецкором «Комсомолки». Его знаменитые романы и повести служили примером для миллионов советских детей, юношей и девушек. Да, дед нашего героя, несомненно, был талантливым человеком.

А что касается реального Гайдара, это был совсем не гений, но злодеем он тоже не был (пока не призвал убивать депутатов и защитников Закона 3 октября 1993 г.). Гайдар – достаточно преуспевающий партийный журналист-публицист, получивший хорошее экономическое образование в МГУ. Никем и ничем он никогда не руководил, никакими экономическими исследованиями не занимался. Работал редактором в отделе экономики журнала ЦК КПСС «Коммунист» – это была, конечно, серьезная должность, высокооплачиваемая (синекура). Затем его повысили – перевели, кажется в 1989 году, редактором отдела экономики «Правды» – центрального органа ЦК КПСС. В силу этих самых должностей Гайдар стал консультантом министра финансов Валентина Павлова (позже и премьера), задавшегося целью выполнить две задачи, которые, на его, Павлова, взгляд, могли решить серьезные финансово-бюджетные проблемы СССР.

Первая задача: в 4–10 раз повысить цены на потребительские товары и продукты питания (при минимальном повышении заработной платы). Этот «план Павлова» был сорван благодаря развернувшейся всесоюзной дискуссии по вопросам цен и заработной платы (инициатором ее послужили мои публикации в центральной печати).

Вторая задача: «распылить» сбережения населения на счета сберегательных касс (то есть Госбанка). Министр финансов СССР Павлов исходил из вульгарной концептуальной идеи, что накопленные крупные сбережения населения (порядка 700 млрд руб., по сути – те же 700 млрд долл.) «давят» на бюджет, способствуют его неустойчивости, ограничивают инвестиционные возможности государства. Этот «план Павлова» также был сорван общественными выступлениями, хотя он сумел его частично осуществить вместе с Виктором Геращенко, который возглавлял Государственный банк СССР, – через «печатание» новых денежных купюр. Вот тогда впервые, за все послевоенные десятилетия, в СССР появилась инфляция как явление; деньги люди стали получать больше в результате мощного давления общества, а рынок потребительских товаров при низких ценах оставался прежним. Отсюда нарастание масштабов дефицита всего и вся – от одежды и обуви до спичек, мыла, стирального порошка, не говоря уже о продуктах питания (мясе, молоке и даже хлебе).

Одним из советчиков этих неразумных идей и являлся Гайдар.

«План Павлова» в полном объеме и был реализован Гайдаром, который Ельциным преподносился как высшее достижение реформаторской мысли! На самом деле объявленное тогда повышение цен со 2 января 1992 года имело мало отношения к позитивным реформам, оно было прямо и непосредственно разрушительным. Разумеется, ни к какой серьезной государственной должности Гайдар никак не подходил – он просто не знал, что это такое, ответственность перед государством, населением. Думаю, что он на всю жизнь остался несчастным человеком, вынужденным оправдывать все те нелепости, которые совершил по незнанию и неопытности, а не по злему умыслу. Хотя многие доныне свидетельствовали, что был и умысел. Никаким реформатором по духу Гайдар не был – для него что социализм, что капитализм – понятия достаточно абстрактные, главное – что может дать ему лично, его среде, его корпорации служение Власти, Кремлевскому правительству. Его внедрили в ельцинскую стаю своего рода историческая случайность и влиятельная либеральная группа, тесно связанная с заокеанскими силами, покровительствующими «новым демократам». Эта группа мгновенно оценила ситуацию в период заката СССР и бульдожьей хваткой вцепилась в финансово-экономический сектор правительства в ожидании грядущей приватизации. О своей истинной роли Гайдар вначале вполне мог не знать, скорее не знал – особым умом он не отличался, насколько я заметил. После августовских событий он был «рекомендован»

Бурбулису в качестве консультанта. Видимо, он ему понравился, отсюда – повышенное воздействие Бурбулиса на «команду Гайдара».

И никаким прямым «агентом» США, как утверждают, скорее всего он не был. В этом даже не было надобности – в силу абсолютного незнания того, что он должен был делать, и предельного влияния всей «ельцинистской среды», ориентирующейся на Америку, Гайдар больше прислушивался к своим заокеанским советникам, чем к законодателю. Возглавив финансово-экономический блок правительства, Гайдар в буквальном смысле слепо полагался на своих «советников», заполонивших коридоры власти. А эти, кстати, тоже представляли далеко не лучший сегмент научно-консультационного сообщества Америки. Так захлопнулась «ловушка Гайдара», которая стала «ловушкой для России». Всё, что сумел сделать Егор Гайдар (и Геннадий Бурбулис с Чубайсом) всего лишь за один год своего пребывания у власти – а это почти весь 1992 год (11 месяцев), плюс ноябрь – декабрь 1991 года, – это следующее:

Первое – полное блокирование производственного процесса в масштабах всей страны, и прежде всего в промышленности и сельском хозяйстве, отказ от их кредитования (в соответствии с монетарной идеологией в экономической политике); в результате чего развился мощный процесс деиндустриализации.

Второе – либерализация цен на все виды изделий, в том числе на продовольствие и товары народного потребления (при сохранении всей системы отношений государственной собственности). Это быстро сбросило весь народ в категорию нуждающихся, началось обнищание народа; гигантский вал спекуляций захлестнул сферу обращения.

Третье – «распыление» сбережений населения на счетах сберегательных касс без каких-либо государственных обязательств. Таким образом, государство, как уличный ловкач-меняла в Средневековье, освободило само себя от задолженности перед населением.

В этом «пункте» нетрудно заметить «заимствование» «новым либералом» Гайдаром главных идей и планов у бывшего министра финансов и премьера бывшего СССР Валентина Павлова. У меня еще в те времена (в 1992 г.) буквально возникало ощущение, что кто-то «водил» Гайдаром, как актер кукольного театра, – это были старые идеи советского министра – консерватора, специалиста по манипулированию ценами и народными сбережениями. Так причудливо сплелись в тугой узел идеи бывшего советского министра финансов и монетарной школы профессора Милтона Фридмана. Последний даже в бреду не мог предположить такой противоестественный альянс своих разработок с «остаточными» конструкциями финансовых теорий доктринеров-коммунистов в период их краха. Об этом, кстати, Фридман заявил в конце 90-х годов.

Эти общие направления политики (имевшие, однако, колоссальные губительные последствия для миллионов людей, для экономики страны) нашли свое конкретное воплощение в следующих мероприятиях:

Переход всей экономики со 2 января 1992 года на свободные цены, в том числе на продукты питания и потребительские товары. Как заявил Ельцин в своем докладе съезду, эта мера приведет к конкуренции и в течение «6 месяцев со времени перехода на свободные цены рынок наполнится товарами, и начнется снижение цен». Но какая конкуренция могла появиться со 2 января, когда вся экономика страны сплошь состояла из единого государственного сектора (абсолютная монополия)? Совершенно бессмысленное утверждение, имеющее, однако, концептуальное значение.

Изменение налоговой системы, в частности установление налога на добавленную стоимость в размере 32 %. При введении этого налога я настаивал на снижении его уровня до 20 %, но Ельцин просил согласиться хотя бы на время с правительственной инициативой, и мы утвердили этот норматив. Однако довольно быстро обнаружились крайне отрицательные последствия такого высокого уровня этого налога. И по моей инициативе Прези-

диум Верховного Совета сократил этот вид налога до 28 %, а в отраслях детского питания – до 20 %. Были также установлены новые бюджетные приоритеты с целью достижения бездефицитного годового бюджета – резкое сокращение всех расходных статей бюджета. Это было основное требование специалистов МВФ, которые в значительном количестве работали советниками (консультантами) у Гайдара. В результате были многократно сокращены государственные расходы на финансирование экономики и социальной сферы: промышленность, энергетика, транспорт, сельское хозяйство, гражданское строительство, здравоохранение, образование, наука, содержание домов отдыха, детских садов и яслей; заморожена заработная плата. Это в громадной мере подорвало экономику, отбросило уровень жизни населения на десятилетия назад. Задача бездефицитного бюджета, однако, оказалась нерешенной. И, более того, ввиду свирепствующей инфляции правительству пришлось перейти на планирование ежеквартального бюджета (по согласованию с Верховным Советом).

С начала 1992 года началась реализация первого этапа приватизации, которая в основном касалась сферы розничной торговли, но вскоре была перенесена и на промышленность. Приватизация проводилась с чудовищными искажениями закона, на основе президентских указов и постановлений «министерства приватизации», возглавляемого Чубайсом.

Что грядущий год готовит?

Встреча Нового года всегда была в советском обществе событием радостным, сулящим счастливые события и надежды, он был лишен какого-либо идеологического контекста. К нему готовились в каждой семье в СССР, закупали продукты, подарки, приглашали гостей. Многоквартирные дома становились уютными, соседи планировали совместные застолья, особенно радовались дети в ожидании подарков от Деда Мороза около 12 ночи. Все готовились выслушивать поздравления от руководителей государства – это был своего рода ритуал, к которому население относилось шутливо-доброжелательно, с некоторыми надеждами на лучшее будущее.

Я получил огромное количество поздравлений отовсюду, от друзей, коллег, председателей Советов, своих избирателей из Чечено-Ингушетии, лидеров зарубежных парламентов и партий, видных представителей мирового предпринимательства, и очень много телеграмм от неизвестных мне граждан страны. В них были не только поздравления, но и слова поддержки, пожелания успехов в работе на благо народа. Люди как будто предчувствовали будущий конфликт законодателя с президентом. Это, конечно, было связано с общей социально-экономической ситуацией.

События, связанные с Беловежскими соглашениями, которые положили конец СССР, народ воспринял предельно болезненно, хотя социальных протестов тогда было еще мало, но недовольство ситуацией стало почти всеобщим. К тому же ухудшение уровня жизни набирало обороты, и это становилось все очевиднее. Мало кто поддержал «либерализацию цен», умертвившую сбережения, при СССР считавшиеся абсолютно надежными и защищенными. Поэтому на этот раз накануне нового, 1992 года все и везде было по-другому.

Как я выше отмечал, люди находились в подавленном состоянии после объявления о прекращении существования СССР. Правда, они еще не сумели осознать трагедию в полном объеме – прошло всего три недели с этого события, и понимание того, что они навсегда потеряли огромную, великую страну, которая строилась столетиями их предками, приходило постепенно. Но уже тогда, в самом начале появления новой России, мало кто верил в ее счастливую судьбу во главе с Ельциным – он стремительно терял доверие общества. А приход в правительство маленьких «сереньких», никому не известных, весьма сомнительных личностей лишь усилил всеобщее недоверие к власти.

Тот высокий авторитет и доверие, которое возникло в обществе в период августовских событий к президенту и Верховному Совету, стали быстро таять. Кстати, с начала 1992 года, когда люди немедленно почувствовали плоды «реформы», вплоть до его ухода с поста президента в канун нового, 2000 года его рейтинг уже никогда не превышал 20 %, опускаясь до 2–3 % в иные периоды, а в августе – сентябре 1991 года он превышал 75 %. Об этом мне говорили многие социологи, которые проводили опросы в те годы, которые, по их словам, проявляли чудеса изобретательности, чтобы «показать» высокий уровень доверия президенту и, соответственно, занижали оценку законодателя. «Либерализация цен», о которой заявил Ельцин на V съезде, уже развертывалась в полной мере, многократно повышая цены на продукты питания и промышленные товары; люди были предельно недовольны таким ходом событий. И это перед самым новым, 1992 годом. И лишь предельно узкий социальный слой из представителей новой буржуазии и «культурной элиты» и, разумеется, бюрократии был вполне доволен ходом событий – они попросту обогащались на народном горе.

Телевидение еще верно показывало картины счастливого блаженства представителей столичной культурной элиты в шикарных ресторанах, уже нашедшей «крысиные тропы» к новым правителям; они веселились под Новый год искренне и широко, шампанское лилось рекой. «Что им Гекуба?»

Ельцинское правительство

6 ноября 1991 года Ельцин объявил новый состав правительства (которого не было с августа), в котором главой правительства объявил себя, Ельцина, но реально таковым стал Геннадий Бурбулис, откровенный авантюрист, плохо образованный человек, Егор Гайдар возглавил финансово-экономический блок, получив портфель министра финансов и экономики. Совершенно неопытными были и большинство других министров. Это, как я ранее писал, вызвало сильнейшее разочарование в парламенте.

Но надо было сотрудничать и с таким правительством, и я искренне стремился оказать ему реальную помощь. Мои сомнения были связаны главным образом с тем, что российская экономика уже находилась в ускоряющемся спаде промышленного производства и сельского хозяйства, а финансы – попросту разваливались. Многие мощности простаивали, производственную продукцию – не отгружали, заработные платы – не выдавали. Спад производства, начавшийся еще после 1989 года, в последующие годы продолжался, хотя и в замедленном режиме. Это прежде всего касалось экономики Российской Федерации. Уже тогда появились первые признаки деиндустриализации. Крупные промышленные и сельскохозяйственные предприятия, которые абсолютно доминировали в экономике и которые управлялись из единого центра, лишились и этого «центра», и регулярного финансирования, и источника снабжения, и сбыта. И одновременно оказались заблокированными многие кооперационные связи России с 14 бывшими союзными республиками, эта тенденция также быстро нарастала. Поэтому, как я выше отмечал, на первом этапе (конец 1991 – первая половина 1992 г.) была важна задача восстановить утерянную управляемость всеми хозяйственными организациями на всей территории России. Это была, несомненно, главная задача правительства, очевидная и понятная. Но, как оказалось вскоре, она не стала главной для Ельцина и его «новой команды».

Сама организация правительства, его структур, функции министерств и ведомств и, самое главное, подбор ключевых министров, руководителей финансово-экономического и социально-культурного блока правительства отчетливо показывали специалистам, что для правительства главное и как оно намерено выполнять свою главную задачу (задачи). Структура правительства, как система руководства, организации и управления, должна учитывать соответствующую сферу (объект) регулирования: состояние экономики, характер

общественных отношений, отрасли государственного сектора, взаимодействие с растущим частным предпринимательством, каналы аккумуляции доходов, расходы и т. д.

Если к моменту формирования правительства во главе с Ельциным (6 ноября 1991 г.) почти вся экономика, на 90 %, состояла из государственных предприятий, ясное дело – следовало сохранить деятельность отраслевых министерств (пусть временно), с тем чтобы было возможно упорядочить соответствующие отрасли, разобраться в них. А затем не спеша проводить в них нужные реформы в соответствии с общей экономической программой правительства, утвержденной Верховным Советом.

Однако новые руководители правительства поступили легкомысленно, они «свалили» все органы управления отраслей в «одну кучу» – отгородившись от отраслевого принципа. Лучше всего это можно проиллюстрировать на одном примере, наиболее характерном, – Министерстве экономики и финансов.

Министерство экономики и финансов

Правительство Российской Федерации 29 января 1992 года приняло Постановление № 149, скромно озаглавленное – «Вопросы Министерства экономики и финансов Российской Федерации», подписанное первым заместителем председателя Совета министров правительства России Г. Бурбулисом, которое, кстати, нигде не публиковалось. Как видим, первой акцией «демократов» стало засекречивание своих решений, что не практиковалось советскими руководителями начиная с хрущевских времен. Как писали тогда аналитики, основные пункты его воспринимались как раздольная залихватская песня ликующего чиновника-бюрократа. Например, численность работников центрального аппарата министерства, включая комитеты при нем, составила 3800 единиц без персонала по охране и обслуживанию здания (еще около 200 человек)! Каков размах! Далее постановление предусматривало для министра экономики и финансов, то есть Е. Гайдара, 15 заместителей, в том числе двух первых, а еще коллегия в составе 35 человек.

Первые заместители по условиям оплаты труда, медицинского и материально-бытового обслуживания приравнивались к министрам Российской Федерации. Далее постановление предписывало Комитету цен, входящему в данное министерство, иметь четырех заместителей председателя, в том числе одного первого, Комитету по драгоценным камням – четырех заместителей председателя, в том числе одного первого. И вся эта чиновничья рать начальства приравнивалась по зарплате и обслуживанию к министрам и замминистрам. А их зарплата в пять раз (в среднем) превышала соответствующую зарплату, например, профессора. А ведь в 80-е годы моя профессорская зарплата была на уровне министра СССР!

Вот что писал публицист Евгений Холмогоров по этому поводу: «Может быть, все это правильно? Может быть, все эти министры, замминистры, председатели и зампреды сделали нашу экономику процветающей? Или хотя бы процветание уже стучится в дверь? Дурацкий вопрос, считает читатель, и будет абсолютно прав – Россия в глубоком кризисе. Производство сокращается, инфляцию измеряют десятками процентов в месяц, налоги душат последних еще трепыхающихся предпринимателей, старики считают последние копейки, чтобы купить кусок хлеба, и на фоне всего этого – «Постановление», названное «Вопросы Министерства экономики и финансов Российской Федерации», выглядит особенно зловеще... есть в нем желание чиновников хорошо жить в условиях, когда 80 % населения страны живет за чертой бедности. Есть в этом постановлении презрение к своему народу, средняя зарплата которого вдвое меньше, чем у министерских секретарш, а пенсии большинства российских пенсионеров меньше этой зарплаты в 5–6 раз»¹.

---

¹ Холмогоров Евгений. Газета «Начало», № 23, 1992.

«Такие разрывы были бы понятны в процветающей державе, правительство которой создало все условия для эффективного развития экономики и соответственно пожинает плоды трудов своих. Но в сегодняшней России составители «Постановления» должны были бы задать своему Министерству экономики и финансов другие вопросы, прежде чем его утвердить, – в частности, следующие:

– Почему налоги на предприятия столь велики, что убивают всякий интерес к производству?

– Почему предприятия могут направлять в благотворительные фонды, на нужды культуры и искусства только 2 % от всей прибыли, освобождаясь от налогообложения? Почему не 10 % или не 20 %?

– Почему при отчислениях в Пенсионный фонд России трети от фонда заработной платы предприятий пенсионеры получают такие нищенские пенсии?»²

Когда я прочитал это постановление правительства за подписью Г. Бурбулиса – я пришел в изумление. Тут же позвонил Ельцину и спросил его, знает ли он о супергиганте, в котором «свалены в кучу» несколько самостоятельных министерств, включая министерство финансов? И как может управиться с этим монстром Гайдар, не имеющий опыта по руководству даже очень маленьким коллективом, вчерашний журналист? И почему не представили этот вопрос на парламент, как полагается, – мы могли бы помочь в формировании логически обоснованной структуры Совета министров – правительства?

Ельцин сказал, что «там у него опытные специалисты». Может быть, позже надо будет сделать какие-нибудь реорганизации. Но сейчас он счел возможным принять предложение Бурбулиса – Гайдара. «Надо дать им самостоятельность», – сказал президент.

«Я не против их самостоятельности, но они не имеют ни практического, ни теоретического опыта управления большими системами. В Госплане СССР работали что-то около 2200 человек, а им руководили такие крупнейшие специалисты, как Байбаков, Горегляд, Анчишкин, Рыжков, Рябов, Масляков и другие известные хозяйственники. А здесь что у нас? Дилетанты! Как можно создавать такое, изначально неуправляемое суперминистерство? У них месяца три уйдет на организации и реорганизации, затем – неизбежно новая реорганизация – это излюбленное занятие бюрократии», – ответил президенту.

«Ну, Руслан Иманович, вы – большой скептик, давайте посмотрим, что у них получится – они все молодые, перспективные».

«Молодость имеет свойство быстро исчезать, да и не является некой индульгенцией. Это в прошлом со стороны легкомысленных руководителей молодость рассматривалась как преимущество. Нам нужны опытные и мудрые люди, а не молодые и самоуверенные бездарности. Ну, хорошо, если вы так решили, но только ничего хорошего не получится», – сказал я президенту.

«Посмотрим», – сказал Ельцин. Чего там было «смотреть», когда было ясно, что в этом правительстве не было специалистов – они работали над новой «схемой» несколько месяцев, и... гора родила мышь! Вскоре было воссоздано Министерство финансов во главе с Борисом Федоровым, затем Министерство внешнеэкономических связей, которое возглавил Петр Авен, затем появился целый ряд других министерств и Государственных комитетов. В правительство пришли Ясин, Уринсон, Шохин, Нечаев, Лопухин, важные посты заняли Кудрин, Ройзман, Улюкаев и другие, «вроде бы либералы», но совершенно плохо подготовленные люди, которых трудно было даже назвать специалистами. Тогда и появился мощный отряд американских консультантов (свыше 100 человек), своего рода «мозговой центр» всей деятельности правительства в аппарате правительства и президента. Многие из них оказались такими же дилетантами, как и вся новая «команда», к тому же – «нечистыми на руку»

---

² Холмогоров Евгений. Газета «Начало», № 23, 1992.

дельцами, прибывшими для личного обогащения; они же – агенты спецслужб. Но они были предельно самоуверенными, наглыми, циничными, не желали никого слушать и буквально подавили всю эту ельцинскую команду морально-психологически, как Кашпировский гипнотизировал толпу.

У Цицерона есть замечательная мысль: многие молодые правители ввергали страны в неисчислимые беды, что приводило к гибели империй, в то время как многие правители старшего возраста спасали империи от этой участи. Все дело, подчеркивал этот мудрый философ, а не только знаменитый оратор, в умеренности в подборе руководителей государства – то есть в сочетании порыва и энергии молодости с умом, опытом и мудрой осторожностью людей старшего возраста.

Письмо академику Г.А. Арбатову

Ситуация после падения СССР в мире изменилась настолько стремительно и кардинально, что она не могла быть осмыслена в короткое время даже профессиональными политиками и дипломатами. В этой обстановке у парламентариев ощущался явный недостаток в новом мироощущении, что уже стало сказываться на законотворчестве. Я получал разного рода аналитические записки от директоров институтов международного профиля РАН, которые помогали общей ориентировке в новых условиях. Но нужны были более конкретные разработки, которые могли бы показать как новую картину мира, так и образцы международного и странового опыта крупномасштабного реформирования. Я переговорил с академиком Арбатовым, рассказал ему о наших проблемах в этой части. Он согласился помочь, только попросил дать приблизительный перечень тем, которые, на мой взгляд, нужны были Верховному Совету. «Набросав» эти темы, я отправил академику письмо.

*Директору Института США и Канады
Российской Академии Наук,
Академику РАН Г. А. АРБАТОВУ
Уважаемый Георгий Аркадьевич!*

Как Вы знаете, законодательная деятельность Российского Парламента сталкивается с немалыми трудностями. Одна из них – отсутствие концепции, доктрины как внешнеполитических, так и внутренних реформ на макроэкономическом и микроэкономическом уровнях. То же самое со сложными проблемами Содружества, прогнозными оценками его развития, внешних связей. Хотелось бы знать видение ученых на некоторые общие проблемы. Набросок вопросов прилагаю.

1. Общий взгляд (подход) на складывающиеся международные отношения. Новые реальности, тенденции:

- а) экономические;
- б) политические;
- в) дипломатические.

2. СНГ: что это такое в теоретическом плане, на категориальном уровне?

– некое полуконфедеративное образование, способное интегрироваться в конфедерацию, или промежуточное, аморфное, исчезающее состояние бывших союзных республик на пути формирования совершенно независимых государств; что в перспективе будет преобладать – интеграционные или дезинтеграционные тенденции?

– прогнозные сроки, в течение которых страны Содружества могут стать полноценными субъектами международных экономических и политических отношений, и соответственно – условия (критерии), при которых они могут стать таковыми (полноценными)?

– экономические связи в системе СНГ: приоритеты, формы, организация связей; какие мы делаем ошибки и как их избежать в дальнейшем;

– политические, оборонные связи – сможем ли мы «снять» противоречия? Насколько далеко они могут зайти, если их «не замечать»?

– придут ли другие политические игроки на пространство СНГ?

3. Оборонно-промышленный комплекс России: как реорганизовать наиболее рационально и безболезненно. Проблема конверсии, оказывается, это дорогостоящее дело.

4. Внешнеэкономические связи России: какими они стали после развала СССР и какими они должны быть?

Внешняя торговля России, какова она сегодня? Как она должна быть реформирована? Экспорт и импорт, проблемы:

– кредиты, займы, членство в МВФ;

– привлечение производственных инвестиций: что сдерживает;

– организация внешнеэкономических связей;

– проблемы задолженности России, как ее решить;

– перспективы регионального сотрудничества (Европа, Америка, Япония, Индия, Китай, Южная Корея, развивающиеся страны и арабские страны, и Турция, и т. д.).

5. Перевод российской экономики на принципы рыночной конкурентной экономики (в рамках «мягкого капитализма»):

– как это сделать? В чем наши ошибки?

Финансы, кредит, банковское дело, налоговая система, рыночная инфраструктура:

– проблемы приватизации: какова должна быть основная доктрина?

– как осуществить перевод госпредприятий на фирменные начала?

– как заинтересовать их руководителей и трудящихся в приватизации?

– надо ли стремиться к тому, чтобы все работающие стали «акционерами»? Я сильно в этом сомневаюсь. Как и в том, что надо подстегивать создание «армии собственников»;

– формы организации (и собственности) рыночной экономики; что предпочтительнее сейчас? Какие формы (альтернативные???) следовало бы стимулировать? Что показывает мировой опыт?

Конечно, Георгий Аркадьевич, Вы можете и расширить круг вопросов, учитывая большие возможности Вашего института, в том числе Центра конверсии и приватизации ИСКАН, который уже представил нам целый ряд аналитических записок.

Хотелось бы, однако, иметь первый материал в течение одного месяца.

С уважением,

Р. И. Хасбулатов

30 ноября 1991 года

Дом Советов

Вскоре я получил целый ряд материалов с полезными рекомендациями для политики и законопроектной деятельности.

Беседа с Гайдаром

Я знал, что есть такой Егор Гайдар, когда прочитал несколько его статей в журнале «Коммунист» – главном журнале ЦК КПСС. Сын журналиста-адмирала Тимура Гайдара, имя которого дал своему герою знаменитый писатель Аркадий Гайдар в повести «Тимур и его команда». Так вот, этот самый Тимур вместе со своей командой в условиях жестокой Гражданской войны помогал всем, кто нуждался в помощи и заботе: старикам, ребятишкам, выявлял шпионов и врагов советской власти. Эта книга стала своего рода настольной книгой для молодежи на всем протяжении СССР, а его автор, дед нашего героя, был воплощением чистоты, мужества и верности долгу, великим патриотом Советского Союза.

В первых числах января 1992 года я пригласил Егора Гайдара к себе и, интуитивно догадываясь, что не вопрос «управляемости» должен быть главным, попросил его рассказать кратко, как он мыслит работу правительства по взаимодействию с парламентом, в частности, в каких конкретных законах оно нуждается и какими ему видятся главные задачи. Нам, в Верховном Совете, надо иметь программу реформ с перечнем проектов законов, и более того, сами эти проекты законов должны быть подготовлены правительством.

Гайдар с увлечением стал рассказывать о том, что делают его специалисты в этой области; сообщил, что через две-три недели представит проект программы для обсуждения в Верховном Совете и проекты целого комплекса законов. Уже после этого я затронул вопрос о том, насколько хорошо он представляет себе конкретную ситуацию в стране – в промышленности, сельском хозяйстве, социально-экономическую обстановку, положение в провинциях. Я прямо задал вопрос: «Управляете ли вы обстановкой? Кто в правительстве этим занимается? Чтобы реформировать объект – надо его знать и контролировать в основных элементах».

Гайдар откровенно сказал, что управляемость народным хозяйством со стороны правительства предельно слабая. Они рассчитывают на то, что та модель реформы, которая разрабатывается ими, приведет к формированию «саморегулирующихся механизмов». Тогда проблемы «управляемости» не будет, она «растворится» в рыночном саморегулировании. Конечно, это была догматическая, чисто «книжная» модель. Но я не стал это говорить прямо, но подводил его к этой мысли чисто логически.

«Согласен, возможно, так это и произойдет в будущем, но вопрос в том, когда мы сможем ввести эту модель? Через месяц, два или год? А между тем заводы у нас в опасной ситуации, многие простаивают, совхозы и колхозы не имеют топлива, оборотных ресурсов, снабженческие организации пытаются выполнять свою работу и т. д. Как и кем они сегодня управляются? Согласитесь – никем и никак. Поэтому везде – сбой в поставках и промышленной продукции, продовольствия и потребительских товаров. Может быть, вам, Егор Тимурович, предпринять энергичные организационные меры для восстановления народно-хозяйственной управляемости? Например, в Москве можно провести (под вашим руководством) целую серию совещаний руководителей крупных предприятий на отраслевой основе – они должны почувствовать твердую руку правительства. К примеру, в 20–30 крупных регионов (Дальний Восток, Восточная Сибирь, Западная Сибирь, Урал, Северный Кавказ, Центральная Россия, Северо-Запад и т. д.) направить своих крупных специалистов во главе с министрами – для решения конкретных задач. В том числе и для принятия решений на местах. Повсюду создать какие-то консультативные организационные механизмы, способные оказать влияние на ситуацию и заодно узнать мнение отечественной технотрутуры. Одновременно сможете познакомиться с новыми, способными людьми, нужными нам всем для проведения реформ, и прежде всего вам, правительству. У вас пока что засилье людей, никогда не занимавшихся практической экономикой и финансами, начитавшихся книжек Милтона

Фридмана. Я давно провожу такого рода мероприятия, они приносят значительный эффект, – по признанию представителей регионов, их властей и промышленных кругов». – Примерно это я сказал, судя по моим дневниковым записям, собеседнику.

Гайдар был удивлен этими моими рекомендациями, но и доволен, уходя, сказал, что был бы рад время от времени приходить ко мне за советами. Я искренне заверил его в том, что «у нас – одна команда вместе с президентом» и я не мыслю себе другого подхода в нашем общем деле. У парламентариев, конечно, бывают разные точки зрения, но если мы будем согласовывать важные решения, исходя из очевидных интересов общества, нам несложно будет убедить большинство в необходимости тех из них, которые надо принимать и вводить в действие.

Но ничего из этого, в общем-то, самого элементарного и необходимого предпринято не было. Тревожные ожидания директоров десятков тысяч предприятий, руководителей областей, краев и республик смешались в направлении конкретных требований к Центру. В Верховный Совет непрерывно являлись представители директорского корпуса, они организовывались в общественные и профессиональные организации, создавали разного рода структуры и проводили свои заседания, а решения направляли в парламент, правительство, президенту. Главное требование в их воззваниях состояло в одном: как им работать дальше? По каким планам или заказам? Если нужна их продукция, тогда почему не финансируется их деятельность, почему плохо обстоит дело с организацией поставок? Почему еженедельно растут неплатежи по поставляемой продукции? Почему сократилось финансирование больниц, школ, детских садов и яслей?

Буквально с каждым днем ухудшалась социально-экономическая обстановка в целом по стране, забастовки, которых не было уже с конца 20-х годов, стали обычным делом. Несмотря на рост заработной платы, она не восполняла роста цен и инфляцию. Уровень жизни населения быстро падал, дефициты расширялись, недовольство и раздражение народа быстро возрастали.

В такой обстановке, вполне естественно, росло и недовольство наших парламентариев деятельностью правительства. Они тогда были очень тесно связаны со своими избирателями и часто встречались с ними. Им приходилось каким-то образом объяснять ситуацию, буквально изворачиваться от непрерывных обвинений в слабой деятельности. Граждане-избиратели, разумеется, винили во всем своих депутатов, обвиняли их в том, что они, их представители, «плохо работают с правительством». А либерал-пресса и ТВ захлебывалась от восторга по поводу «правительства-камикадзе», самоотверженно «бросившего свои судьбы навстречу опасности и спасающего Россию». И это – еще на первом этапе деятельности правительства Ельцина – Бурбулиса – Гайдара, когда противоречия между ним и законодателем даже не проглядывались и, кажется, не предвиделись. Уже тогда виновным в развертывании кризиса был обозначен законодатель, а не президент и его правительство, сумевшие углубить этот кризис своей неразумной политикой. Правительство даже не предоставило бюджет на 1992 год. Об этом я неоднократно говорил президенту; в результате Верховному Совету приходилось вынужденно пролонгировать расходы на базе показателей предыдущего бюджетного года.

Глава 2

Модели преобразований или реформирования

Модель президентско-правительственной политики

И, наконец, в начале февраля в Верховный Совет поступил проект бюджета на 1992 год и проект правительственной программы экономической реформы. Я дал указание парламентским структурам, а также Контрольно-Бюджетному комитету приступить к немедленной работе над этими документами. И сам стал внимательно читать программу; читал тщательно, выписывая главные моменты. Суть «программы», коротко говоря, состояла в следующих моментах:

- проведение курса свободных цен на все виды промышленной продукции, несмотря на очевидное негативное воздействие этого курса;

- ускоренная приватизация всего народного хозяйства;

- финансовая либерализация, соответствующая требованиям международных организаций;

- либерализация внешней торговли, переход к свободному притоку-оттоку финансовых ресурсов;

- многократное сокращение финансовых ресурсов в целях поддержания промышленности и сельского хозяйства;

- замораживание заработной платы, пенсий, пособий, стипендий;

- сокращение расходов на здравоохранение, образование, научно-исследовательские расходы;

- ориентация в политике на создание класса собственников;

- курс на максимальное заимствование финансовых ресурсов на международных рынках (и ведущих западных стран);

- 10-кратное сокращение военно-промышленного комплекса, проведение в нем ускоренной приватизации.

Это – основные качественные характеристики «программы», но было множество и других положений, которые вызывали либо сомнение, либо несогласие. Например, отказ от обязательных требований к новому частному собственнику (приватизированного предприятия) в части производства той или иной профильной продукции, нужной обществу, отсутствие гарантий сохранения занятости, обеспечение успешной деятельности и пр. А ведь такого рода требования были обязательными, когда приватизировались крупные предприятия в западных странах в 70–80-х годах; я этот вопрос хорошо изучил и знал. И самое главное – вся программа базировалась на известной доктрине «Вашингтонского консенсуса», о которой я выше писал. Даже простое сравнение 10 пунктов этих двух моделей показывает пусть и не зеркальное, но сходство в основных положениях.

«Вашингтонский консенсус»: основные положения

Обреченность намеченных правительством Ельцина реформ становилась очевидной по мере того, как я вчитывался в тексты основных программных документов, представленных правительством Верховному Совету, – это было вскоре после моей беседы с Гайдаром. Становился ясным предельно жестокий характер задуманных мероприятий, отсутствие какой-либо основы для их проведения, – то есть предпосылок для успешных результатов в

задуманных делах, в том числе в создании рыночной инфраструктуры, стабилизации производства, упрочнения финансов, сельского хозяйства, социальных отраслей и т. д.

И более того, я ловил себя на мысли, что уже приходилось читать аналогичные тексты или очень близкие к нему по содержанию материалы. Это в тех пунктах, где четко выделены основные моменты реальных действий. Без труда вспомнил: это же рекомендации из становившегося все более известным документа, называемого «Вашингтонский консенсус». История его возникновения следующая.

Все 80-е годы развивающиеся страны, особенно латиноамериканские, находились в сильнейшем долговом кризисе. МВФ и Вашингтон предпринимали все возможные меры, чтобы вывести континент из кризиса, как регион особых интересов Америки. Был, в частности, утвержден специальный «план Брэйди» (по имени министра финансов США), предполагающий мощную финансовую помощь этим странам, списание большей части долгов, либерализацию торговли и т. д. Ничто не помогало – страны континентов все глубже вползали в трясину финансового и экономического кризиса. Вот тогда и появился на свет этот пресловутый «Вашингтонский консенсус» (в начале 1990 г.).

Программа «Вашингтонский консенсус» была предназначена именно для этой, латиноамериканской группы стран, находившихся в безнадежной долговой зависимости, и главной ее задачей было достижение такой стабилизации, которая обеспечила бы возврат долгов американским банкам. Этим странам и было предложено принять программу «Вашингтонский консенсус». Термин «консенсус» использовался в значении интеллектуального согласия среди американских экономистов либерального направления – в противовес экономистам кейнсианского направления, которые осуществляли консультации по вопросам политики и экономики и занимались формулированием стратегии для Бреттон-Вудских учреждений и Межамериканского банка развития и финансовых властей США (ФРС и Министерства финансов). Это они, по поручению МВФ и Министерства финансов, при щедром финансировании разработали доктрину «Вашингтонский консенсус». Непосредственным разработчиком «консенсуса» стал профессор Дж. В. Уильямсон, ректор Петерсоновского института мировой экономики Гарвардского университета. Он собрал группу ученых-экономистов, сторонников Чикагской школы Фридмана, а протекцию оказывал МВФ. Вскоре принципы «Вашингтонского консенсуса» прочно вошли в стабилизационные программы международных финансовых учреждений; они приобрели всеобщий характер и были признаны правительствами большинства стран мира (под мощным давлением США и МВФ).

«В документе определялись 10 политических инструментов, при «правильном введении» которых Вашингтон достигнет значительного уровня консенсуса», – писал сам профессор Дж. Уильямсон³. Это – следующее:

укрепление бюджетной дисциплины (на базе нового Закона США – Закона Грэма – Рудмана – Холлингса с целью восстановления сбалансированного бюджета США к 1993 г.);

необходимость денационализации (приватизации) государственного сектора, передача предприятий в частные руки;

приватизация банковского сектора, развитие негосударственных инструментов финансового рынка (дерегулирование);

сокращение государственных расходов (образование, здравоохранение и социальная помощь в первую очередь);

общая либерализация торгового режима;

либерализация инвестиционных регионов;

отказ от лицензирования импорта и экспорта;

---

³ *G. Introduction // Latin American Adjustment: How much Has Happened? Wash., Institute for International Economics. April 1990. P. 1–3.*

либерализация обменного курса валюты;
либерализация режимов процентных ставок;
сокращение налогов на банки и предпринимательство (компании).

Разработанные первоначально как рекомендации в отношении стран Латинской Америки, положения «Вашингтонского консенсуса» были довольно энергично распространены на все бывшие социалистические страны, ставшие на путь капиталистической реставрации. Позже они заняли прочное место в глобальной политике Запада по либерализации всей мировой экономики и мировых финансов. Затем этот «Консенсус» как эталонная программа был навязан не только развитым, но и всем другим странам мира, за исключением некоторых. В частности, Китай взял на вооружение другую модель политики, которая способствовала выдающимся результатам на пути экономического, технологического и социально-культурного прогресса этой великой страны.

Как это ни покажется парадоксальным, но легче всего была осуществлена приватизация в бывших социалистических странах, а также тех развивающихся государствах, которые позже других приступили к аналогичным реформам. Первоначальный вариант «Вашингтонского консенсуса» не предусматривал либерализации режима движения иностранного капитала (это было введено лишь в 90-х годах)⁴, так как присутствие иностранных инвесторов усилило бы конкуренцию на местных рынках, способствовало бы распространению технологии (и привлечению некоторых денежных средств) и интеграции в международную экономику. В случае банковского сектора речь шла в основном об облегчении доступа к финансовым инструментам и услугам, которые имелись за рубежом. Один из авторов «Вашингтонского консенсуса» назвал первый период его действия «золотым веком реформы процентных ставок»⁵, учитывая, что введение этих положений позволило осуществить огромную экспансию американских ТНК и ТНБ.

Но позитивные результаты для развивающихся стран были скромными, как, впрочем, и для постсоциалистических стран. В Африке, например, реальные процентные ставки в некоторых странах после либерализации даже не достигли положительного значения, а разница между процентными ставками по депозитам и ссудам увеличилась вследствие монопольного влияния дерегулированных банков⁶. Это лишний раз свидетельствовало о неадекватности теоретических подходов новой модели экономической политики, несмотря на то что она рассматривалась в качестве позитивной, видимо «за неимением лучшего»⁷, – как иронически подчеркивали известные экономисты Линсей и Ланкастер.

Главное содержание «Вашингтонского консенсуса» заключалось в очень простой идее, которую еще с 60-х годов прошлого века развивали сторонники экономического либерализма. Первое требование: «Дайте свободу рынкам – корпорациям, банкам»; второе требование: «Осуществите дерегулирование (демонтаж) системы государственного регулирования экономики и финансов» – (введенные с периода эпохи Рузвельта и особенно укрепившиеся в послевоенные десятилетия).

Это направление экономической политики стало абсолютно доминировать, начиная с принятия Конгрессом США «Закона о дерегулировании», разработанного правительством

---

⁴ *Herman B., Stallings B. International Finance and the Developing Countries: Liberalization, Crisis and the Reform Agenda // Global Financial Turmoil and Reform; A United Nations Perspective. Barry Herman Ed., Tokyo, United Nations University Press, 1999. P. 13–17.*

⁵ *Bennet A. Behaviour of Nominal and Real Interest Rates // IMF Conditionality: Experience Under Stand-By and Extended Arrangements. Part II, Background Papers, International Monetary Fund, Occasional Paper № 129. Wash., D.C. September 1995. P. 37.*

⁶ *Brinkman H.-J. Financial Reforms in Africa and other Lessons from Asia // Global Financial Turmoil and Reform. P. 223.*

⁷ *Lindsey R.G., Lancaster K. The General Theory of Second Best // Review of Economic Studies. Vol. 24. 1956–1957. P. 11–32.*

Рональда Рейгана (январь 1980 г.), вплоть до наступления глобального кризиса в 2008 году – то есть ровно 28 лет. Соответственно в период нового кризиса началась эра дерегулирования, которая широко затронула гигантскую финансовую систему США, несмотря на сопротивление Алана Гринспена (главы Федеральной резервной системы (ФРС) США). Он во всем финансовом мире воспринимался как некий таинственный гуру, кому подвластны неведомые законы финансовых джунглей, а его двусмысленные, порою бессвязные высказывания трактовались финансовыми аналитиками как высшее проявление необычайной прозорливости. В том, что «король – голый», сами американцы убедились, когда в период глобального кризиса Алан Гринспен, вызванный в конгресс для объяснения кризиса, давал совершенно путаные разъяснения, самым разумным из которых было его признание в том, что «модели оказались ошибочными».

Так вот, этот «Вашингтонский консенсус» не дал позитивных результатов странам Латинской Америки, как выше отмечено, их трудности только усугубились в результате попыток применить положения «Консенсуса» к экономической политике в этих странах. Это было отмечено в международных организациях, в том числе в докладах ЮНКТАД. Ни единого шанса на успех она не могла иметь и в России, поэтому попытки ее внедрить вызывали мою огромную тревогу за будущее страны. Много раз я говорил об этом Ельцину и Гайдари, с трибуны Верховного Совета и съезда народных депутатов, в своих статьях, книгах, брошюрах и выступлениях того времени... Мне задают до сегодняшнего дня один вопрос: «Когда и по какому вопросу у вас начались разногласия с Ельциным?» – «По вопросам экономической политики», – отвечаю я неизменно.

Неадекватная Имплантация

Вот этот «документ» и привезли в Москву сразу же после подавления Верховным Советом путча (ГКЧП) американские «эксперты», возглавляемые Джерри Саксом. Предполагаю даже, что и Ельцина ввели в заблуждение Гайдар, Бурбулис, Чубайс и К°, – дескать, «зачем вводить президента в детали?». Во всяком случае, он казался удивленным, когда я рассказал ему всю историю с программой «Вашингтонский консенсус».

Но Ельцин упорно продолжал настаивать на верности «избранного курса» даже тогда, когда всему миру был очевиден крах «Консенсуса» везде, где пытались его осуществить. Конечно, «Программа» являлась мощным инструментом МВФ, ее курировало министерство финансов США и продвигал исполнительный директор МВФ Мишель Камдессю. Я с ним встречался в начале 1992 года, мы проговорили довольно долго, он «мягко» пытался подвести меня к необходимости принятия «Вашингтонского консенсуса», делая ударение на то, что лишь в этом случае «Запад может помогать России». Вот эта приманка – «Запад поможет» – увлекла и Ельцина, и Гайдара, и других; некоторые из них искренне верили в эту мессианскую роль Запада; другие, по моему глубокому убеждению, были попросту завербованы и послушно выполняли грязную роль по уничтожению экономики своей страны.

А между тем обстановка в обществе настолько осложнялась в силу непрерывного ухудшения материального положения людей, что это явилось причиной возникновения элементов гражданской войны как реальности. Всеобщее недовольство выливалось в забастовки, демонстрации, иные активные и пассивные акции, направленные против власти. В 1992 году дело не дошло до открытых массовых антиправительственных бунтов населения по всем регионам в силу одного обстоятельства – исключительно динамичной публичной деятельности Верховного Совета, который, несмотря на яростное сопротивление президентско-правительственной стороны, взял на себя задачу корректировки самых опасных последствий ельцинско-гайдаровской «шоковой терапии».

Этим самым мы спасли страну от полного распада. Я раньше писал, что сам широко распространившийся термин «шоковая терапия» принадлежал польскому премьеру Бальцеровичу, который первоначально принял указанную программу «Вашингтонский консенсус» и попытался ее внедрить, но быстро отказался от главных ее положений, просчитав губительные последствия. В результате «большая приватизация» в Польше началась спустя более 10 лет после того, как эта страна приступила к радикальным реформам (в период второго президентского срока социалиста Александра Квасьневского), в 2000 году. При нем же была принята «новая Конституция Польши, а первый президент, Лех Валенса, довольствовался тем, что в социалистической Конституции Польши были изменены всего лишь десять статей. Таким образом, «Вашингтонский консенсус» не был реализован в полном объеме ни в одной стране мира, кроме России. Тем не менее пан Бальцерович оставил в памяти поляков такое же презренное к себе отношение, как и Ельцин и Гайдар. Странное дело, все это в отечественной печати замалчивалось вплоть до глобального кризиса 2008–2010 годов, даже в трудах ученых-экономистов, что представлялось для меня загадкой. Хотя я все это подробно анализировал в целом ряде своих фундаментальных работ⁸.

Негативные результаты эффекта применения методологии «Вашингтонского консенсуса» для экономики переходных стран, а также развивающихся стран стали отмечать авторы международных исследований в рамках ООН, начиная уже с нового тысячелетия (доклады Экономического и Социального совета ООН, ЮНКТАД, ПРООН). Но как это ни странно, основные положения «Вашингтонского консенсуса» и донныне доминируют в российской экономической политике. Правда, когда специалисты выясняют, что более двух десятилетий (со времен Ельцина – Гайдара – Черномырдина) в финансово-экономическом блоке правительства, ЦБ, президентской администрации все еще активно представлены люди с твердым догматическим неолиберальным мышлением, становится ясным, почему эта политика не дает эффекта даже в условиях изобилия денежных доходов, начиная с нового тысячелетия. И почему экономика России еще до начала кризиса в российско-украинских отношениях с весны – лета 2013 года стала вползать в кризис, когда никаких объективных для этого оснований не было.

Первоначальные подходы

Но вначале наши замыслы были иные (то есть Верховного Совета и правительства Ивана Силаева), отличались рациональностью и прагматичностью. Так, в мае 1991 года, когда мы в Верховном Совете формировали законопроектную базу, мы обсудили общую концепцию приватизации. Предварительно я встретился с Ельциным, узнал его мнение по этому вопросу. В вопросах собственности, в частности, договорились о том, что необходимо осуществить поэтапную приватизацию, начиная с мелкой торговли.

На первом этапе – стабилизировать этот процесс, идущий уже «явочным порядком», подвести под него законодательную основу, расширить его за счет отраслей легкой промышленности и розничной торговли. И самое главное – дать жизнь большому числу частных индивидуальных производителей товаров и услуг с целью сформировать целый пласт мелкого предпринимательства.

На втором этапе – осуществить более широкую приватизацию, в частности, всей внутренней и внешней торговли (кроме военной продукции); одновременно обеспечить таможенное законодательство, предусматривающее регулирование внешнеторговых операций;

---

⁸ См.: Мировая экономика. М., 1994; Мировая экономика. Теория, принципы, политика. Том 1, 2. М., 2001; Мировая экономика и международные экономические отношения. Под ред. Р.И. Хасбулатова. М., 2006.

приватизировать сферу пищевой промышленности, упорядочить аграрные отношения на базе четкого формирования законодательства в этой области.

В целом речь шла о своеобразном «разделе» всей экономики на два уровня, или два сектора. Так, на целой серии встреч при участии Ельцина, меня и Силаева было решено оставить в государственной собственности, по крайней мере на ближайшую перспективу, все производство тяжелой индустрии, ВПК и, конечно, добычу и переработку стратегического сырья (природные ресурсы). Соответственно приватизация не распространялась на первый сектор народного хозяйства, включая следующие отрасли:

тяжелая промышленность, отдельные отрасли машиностроения, включая ВПК;

недра, добыча руд, нефти, газа и все трубопроводы;

железные дороги, морской транспортный и речной флот, весь гражданский флот.

Эти отрасли и сферы экономики должны были сформировать государственный сектор экономики. Здесь реформы предполагали необходимость перевода их предприятий на фирменные принципы деятельности (корпоративную). Но они должны были быть государственными компаниями, а их управляющие – иметь статус государственных служащих и иметь строго определенную заработную плату. Уставы этих компаний должны были утверждаться Верховным Советом и правительством. Устойчивость и стабильность этого сектора экономики могли бы гарантировать общую устойчивость всей экономики, что давало бы возможность безболезненного осуществления всей экономической политики на пути намеченных преобразований.

Второй сектор народного хозяйства, к приватизации которого следовало приступить немедленно, это следующие отрасли и сферы:

легкая и пищевая промышленность;

торговля – внутренняя и внешняя (касающаяся сфер приватизации), отрасли машиностроения, ориентированные на производство товаров для нужд экономики и населения;

гражданское строительство (кроме федеральных, региональных и муниципальных предприятий), а также лесо- и деревообрабатывающая промышленность;

производство различных стройматериалов и пр.;

производство бытовой техники (телевизионной и пр.) и многое другое, не попадающее в перечень «первой группы» отраслей.

Приватизацию следовало осуществлять строго по этапам, не пытаясь искусственно форсировать процесс. При этом важнейшим направлением приватизации рассматривался механизм стимулирования в деле создания новых предприятий частного сектора, а не просто перевод предприятий из одного качественного состояния в другое (то есть превращение государственной собственности в частную – что было делом весьма примитивным). Таким образом, речь шла в основном о развитии капитализма «снизу», через фактор предпринимательской способности, побуждение людей к успешной деловой работе. Примерно так, как сформировался классический европейский капитализм, снизу вверх и по горизонтали – только более ускоренными темпами в течение ряда лет, конечно, не в 500 лет, как проходило развитие капитализма в Европе и Америке.

Тогда же, при правительстве Ивана Силаева, весной 1991 года было намечено завершить законодательную базу для осуществления первого этапа приватизации к концу 1991 – началу 1992 года. А с начала 1992 года мы планировали приступить к довольно крупномасштабной приватизации (ее первому этапу); и по мере готовности к этой сложной «процедуре» отраслей народного хозяйства (инвентаризация, определение объекта, фазы приватизации и их технологии осуществления, то есть трансформации собственности, подготовленные технологически процедуры, в частности аукционы и т. п.) – приватизация должна была приобретать более масштабный характер, постепенно углубляясь и расширяясь. Но все предполагалось осуществлять не спеша, предельно организованно и при самой

жесткой контрольной процедуре (в том числе изучение лиц и организаций, претендующих на право стать собственником государственного имущества). К тому же была одна сложная проблема, которую нельзя было игнорировать: в стране почти не было подготовленных людей – будущих хозяев и управленцев, которые ответственно смогли бы осуществлять права по владению и управлению крупными частными предприятиями. Поэтому к претендентам на приватизируемые предприятия следовало обращать особое внимание, чтобы они впоследствии не угробили приобретенные активы.

Можно только сожалеть, что эти неплохо разработанные положения оказались отвергнутыми с приходом «людей» Ельцина: Гайдара – Бурбулиса – Чубайса – Федорова – Нечаева – Ясина и прочих – в правительство страны.

Политика свободных цен

Как я упоминал выше, Ельцин в своем докладе на V съезде народных депутатов (конец октября 1991 г.) объявил, что «его правительство перейдет со 2 января 1992 года к политике «свободных цен». Но этот «переход» осуществился уже на следующий день после выступления Ельцина – оно мгновенно вызвало на потребительском рынке шок огромной разрушительной силы. Все магазины одновременно опустели, невозможно было купить даже буханку хлеба, спички, соль, сахар, мясо, одежду – по вчерашней цене. Недовольство людей Ельциным (им лично прежде всего) по всей огромной стране достигло предела. Своеобразный социальный контракт – общественный договор, который был заключен между новым государством и обществом после августа, был взорван Ельциным, доверие к власти стало стремительно падать. Содержание этого «контракта», или «общественного договора», напомним, было следующим: общество доверяет нам, руководству России, проводить любые реформы, но при обязательном условии, что они не приведут к ухудшению положения народа.

Самым омерзительным в этой ценовой политике было то, что мгновенно превратились в прах сбережения людей, находившиеся на счетах сберегательных касс Центрального банка, а это свыше 25 млн человек, вместе с членами семей – более 70 млн человек. И все они лишились своих сбережений, которые многие из них откладывали «на черный день» десятилетиями (порядка 300 млрд долл. – накопления за весь период жизни этих людей в условиях социализма). Это была исключительная по своей жестокости мера тотального социально-экономического секвестра – именно это и предлагал МВФ. Конечно, парламент позже принял целый ряд законодательных актов, направленных на некоторое «смягчение» этого убийственного удара (в том числе специальная Резолюция VIII съезда, обязывающая правительство обеспечить выплату сбережений на базе индексации вкладов с учетом инфляции). Это обязывающее решение не выполнено до сегодняшнего дня.

Но в данном случае все российское общество, не только депутатов съезда, поразила жестокость Ельцина и его нового правительства экстремистов-либералов по отношению к народу. А все помнили еще недавние клятвенные заверения Ельцина, что «не допустит ухудшения положения россиян» и «скорее – ляжет на рельсы». Да и не было никаких оснований идти на такого рода безумные жертвы: обстановка в экономике при всей своей сложности вовсе не была критической – необходимо было жестко, с умением взяться за восстановление, укрепление и ее реорганизацию. Все благоприятные предпосылки для этого были, в том числе и субъективного характера: руководители предприятий, специалисты, инженеры, рабочие – все хотели упорядоченной, организованной работы, имея четкий план и перспективу. Ее, эту перспективу, им не дали, но зато объявили о «свободных ценах».

Заработная плата в те времена мгновенно превратилась в копейки, изумительно быстро возникла система «первобытного обмена» – вместо денежной оплаты труда директора пред-

приятый выдавали рабочим и инженерам часть произведенной продукции (в том числе ткани, самовары, стиральные порошки, детские игрушки!). Взрывным образом стала расти «подпольная экономика» – целые цеха переводились на производство каких-то товаров, пригодных к обмену на продовольствие. К примеру, на оборонных заводах – не выдашь ведь рабочим танк вместо заработной платы? Вот и стали они производить зажигалки, игрушки, садовое оборудование, медные самовары и пр. – своеобразная «конверсия по Гайдару», как стали с иронией называть этот «бизнес» сами работники ВПК.

Таким образом, потребительский рынок (если можно его назвать так) прореагировал мгновенно, уже на следующий день после объявления Ельциным о новой политике ценообразования – за два месяца до вступления в действие этого «нового порядка». Реакцию «рынка» на свой «новый, реформаторский подход» Ельцин мог увидеть лично, если бы он дал задачу своим новым членам правительства пройтись по московским магазинам и базарам. Кстати, он постоянно ссылался на то, что, работая хозяином Москвы в 1985–1987 годах (первым секретарем городского комитета КПСС), чуть ли не ежедневно ходил в магазины. Вот и прошел бы по ним – там творилось нечто невообразимое: огромные толпы людей чуть ли не штурмом брали прилавки и магазины. Растерянные продавщицы не могли объяснить, почему соли, спичек, молока, муки и прочего нет. Они готовы были бежать куда угодно, хотя они меньше всех были виновны в этой беде людской.

Я обо всем этом подробно сообщил Ельцину через несколько дней – он сделал недовольное лицо. Не обращая внимания на его недовольство, попросил его дать поручение своим новым министрам пройти по московским магазинам и послушать все то, что говорят люди о «свободных ценах». Добавил, что пока это безопасно для министров – их еще никто в лицо не знает, пусть воспользуются этим своим «преимуществом» и «пойдут в народ». Ельцин «убрал» свое недовольное лицо и стал более внимательно прислушиваться к тому, что я говорю. Потом спросил:

– Руслан Имранович, вы убеждены, что не следовало «отпускать» цены?

– Борис Николаевич, мы с вами обсуждали эту тему десятки раз, начиная с осени 1990 года. Эта проблема – самая простая из всех существующих, она – чисто «техническая». Но ее следовало очень серьезно готовить. Здесь должна была быть очевидная последовательность: первый этап – денационализация или приватизация; второй этап – создание рыночной инфраструктуры, третий этап – постепенный «отпуск цен», как завершающий этап всей реформы, «постепенный» отпуск цен! – понимаете? О чем сейчас говорить? – дело сделано. Важно, чтобы вы сами убедились в неверной последовательности сделанного и внесли необходимые изменения. В противном случае трудности, недовольство населения будут усиливаться, неизбежны недоразумения между правительством и Верховным Советом. Зачем это нам?

Ельцин казался озабоченным, потом сказал:

– Сразу после завершения (тогда еще продолжался V съезд депутатов) съезда я созову совещание в составе «узкого кабинета»: Гайдар, Бурбулис и еще... Давайте поступим так, Руслан Имранович, вы выскажете свои соображения относительно корректив, которые могли бы «уложиться» в тот доклад на съезде, который я сделал. Время-то у нас еще есть, хотя и немного».

Я выразил согласие. Но... никакого совещания Ельцин не провел. Я несколько раз напоминал ему о нашей договоренности – в ответ он сообщил, что соответствующее задание он дал Гайдару, тот будет докладывать мне о «ходе вопроса». Я понял, что это отговорка и вряд ли что-то правительство будет менять. Предстояла тяжелая работа – через законодательство Верховного Совета существенно корректировать деятельность нового правительства, минимизируя риски.

А социальная напряженность в стране нарастала, и прежде всего из-за «сброса цен». Сложилась уникальная ситуация – правительство еще не заработало как следует, общество его не знало, а негативные результаты его первых шагов были настолько масштабными, что они грозили массовыми выступлениями по всей стране. Вот где истоки той «тихой» гражданской войны, которая была буквально введена в российское общество начавшейся «новой политикой» правительства Ельцина – Гайдара – Бурбулиса и которую Верховный Совет в силу своих возможностей пытался погасить. И ему это удалось сделать. Вот тогда уже стало понятно, что пришло правительство не реформ, а правительство контрреформ.

Концепции приватизации и реальная политика

Президентско-правительственный подход. Какой-либо цельной, проработанной программы приватизации правительство так и не сформировало, если не иметь в виду один подход «сплошной приватизации». «Все надо было приватизировать и как можно скорее» – вот и вся концепция. Как позже вспоминал «отец» монетаризма, он в отношении российских реформ придерживался одной мысли: «Приватизировать, приватизировать, еще раз приватизировать!»

Поэтому я считал, что следует ускорить принятие законодательства, которое подвело бы необходимую нормативную базу для трансформации экономики. Поскольку в Верховном Совете уже были основательно проработанные законопроекты по вопросам приватизации, нам необходимо было иметь согласованный подход в этом сложнейшем вопросе – по сути, центральном вопросе всей экономической реформы. Поэтому я дал задание профильному комитету парламента обеспечить взаимодействие с правительством и выработать до 1 января 1992 года проект Закона о приватизации.

В тот период широко обсуждались несколько вариантов приватизации. Один, например, предполагал превращение коллектива предприятий в собственника. Этот вариант успешно применялся в целом ряде развитых стран, даже в Америке. Обобщенный американский опыт коллективного владения был хорошо описан в книге Луиса и Патрисии Келсо⁹. Эта книга, переведенная на русский язык, в 1992 году мной была передана нашим депутатам – она имела огромный успех, – все увлеченно ее читали. Достоинством этой книги являлось описание моделей, их разработка и внедрение – этим в США занимались сами авторы, супруги Луис и Патрисия Келсо при сильной поддержке губернаторов штатов и влиятельных профессоров. На коллективных предприятиях, описанных авторами, в США было занято около 10 млн человек. Приблизительно аналогичный подход, характеризующийся конкретным, адресным характером, был успешно внедрен академиком Святославом Федоровым в деятельности его МТК «Микрохирургия глаза» и имел международный успех. Соответствующий законопроект был уже на стадии готовности и мог быть успешно применен на практике.

Другой вариант, имеющий универсальный подход, исходил из введения ключевого момента – именного приватизационного чека, который получал каждый гражданин по мере проведения очередного этапа приватизации. Каждый общенациональный этап приватизации предполагал вручение каждому гражданину России нового приватизационного чека на основе оценочной стоимости доли приватизированной государственной собственности. Приватизационный чек не мог быть объектом купли-продажи, например, в течение 5–10 лет, но мог переходить по наследству, а также родственникам. В последующем предусматривался механизм его обращения на денежном рынке в качестве ценной бумаги. По мере успешной деятельности предприятия на счет владельца чека поступала соответствующая

---

⁹ См.: Луис О. Келсо, Патрисия Х. Келсо. Демократия и экономическая власть. Пер. с англ. М., 1992.

часть прибыли. Другая модель предполагала собственность «народных предприятий». Были и другие модели, при этом предусматривалось, что коллективы предприятий сами должны определить, какую модель они считают для себя приемлемой. Это был бы честный подход, правильная возможность выбора.

Если бы эти схемы приватизации не были загублены, можно представить себе, насколько существенно улучшили бы свое материальное положение миллионы семей только в результате повышения цен на нефть на мировом рынке! И что не менее важно, такие формы приватизации стали бы заслоном на пути спада и перекрыли бы пути для чубайсовской мошеннической приватизации. Основная цель, которую мы преследовали в Верховном Совете, это придать политике характер народной приватизации. Мы полагали, что нам следует законодательно утвердить ряд вариантов приватизации, когда сами коллективы могли бы сделать свой выбор в этом вопросе, – народы страны имели такое право, но ельцинисты его отняли у него, навязав мошеннические игры.

Такого выбора президентско-правительственная власть не дала народу Российской Федерации – она его ограбила, санкционировав под видом «приватизации» разграбление колоссальной по объему государственной собственности в пользу узкой группы авантюристов. Если до уничтожения Верховного Совета граждане получили какую-то часть доли, пусть самую мизерную, от проведенного первого этапа приватизации народного хозяйства (ваучеры), то в последующем, когда была проведена «большая приватизация», граждане страны не получили ни копейки. Правительство Ельцина фактически раздало (через липовые аукционы) основные предприятия государственного сектора экономики как свою личную собственность. Правящая бюрократия всецело распоряжалась ею по своему хотению, без какого-либо контроля со стороны общества, не руководствуясь никакими законами. Это была откровенно воровская мошенническая операция грандиозных масштабов. По самым скромным подсчетам, оценочная стоимость всей собственности, которая была «передана» в частные руки в 90-е годы, составила порядка 550 млрд долл. Такова цена расстрела Верховного Совета, которую народ заплатил за то, чтобы Ельцин, как абсолютный тиран, воцарился в Кремле. Еще в середине 1992 года мне принесли записи из стенограммы какого-то правительственного совещания. Один из главных «идеологов» официального Кремля заявил о необходимости «слома» всей социалистической экономики. По его словам, она (эта экономика) не может быть преобразована – все те государственные предприятия, которые составляют «социалистическую экономику», должны быть разрушены. Только при таком разрушении «исчезнет угроза реставрации социализма», – так рассуждали эти каннибалы, умышленно уничтожая экономику, вместо того чтобы модернизировать и преобразовать ее.

Первый этап приватизации

Собственно, история приватизации в СССР (и соответственно в России) началась задолго до ее начала в 1992 году – с момента принятия в 1988 году Верховным Советом СССР Закона «О государственном предприятии (объединении) в СССР». Этот закон предоставил государственным предприятиям достаточно широкую экономическую самостоятельность, но одновременно разрушил управленческую пирамиду: Госплан – министерства – предприятия. Директора фактически стали владельцами предприятий. Несколько раньше, на основе Закона «Об аренде в СССР», в массовом порядке появлялись хозяйственные организации, сформированные трудовыми коллективами – на правах аренды имущества своих предприятий (в аренду с выкупом и без такового); быстро возрастала численность кооперативов (на базе Закона «О кооперации в СССР»), акционерных обществ и товариществ. Аналитики отмечали, что «коммерциализация госсектора пошла настолько широко, что затронула даже Министерство обороны (СССР. – *Р.Х.*), вплоть до войсковых частей. Все это происходило

при отсутствии нормативной базы, системы специального учета и контроля, поэтому реальные масштабы первого этапа приватизации, которую мы называем стихийной, до сих пор неизвестны...»¹⁰. По сведениям Верховного Совета, она тем не менее была значительной – примерно 6 % стоимости активов в отраслях II подразделения. Это была в целом позитивная приватизация, своего рода предпосылка для создания смешанной экономики.

Второй этап приватизации

На следующем этапе (1990–1991 гг.) в России уже была начата разработка более фундаментальной законодательной (нормативной) базы, регулирующей владение, пользование и распоряжение собственностью – то есть создание полных оснований для частной собственности, ее переход из одной в другие формы собственности (от государственной – в частную), а также основания для новой частной собственности. Основой этого законодательства следует рассматривать Закон Российской Федерации от 3 июля 1991 года № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ» (отметим, этот закон был принят до ГКЧП и задолго до появления в российском правительстве Гайдара, Чубайса и прочих, принятых считать «отцами» российских реформ).

До середины 1992 года российским парламентом был принят целый свод законов и постановлений, регламентирующих фундаментальные отношения и процессы приватизации и регулирования новых экономических отношений, разрешение вопросов и банкротства хозяйствующих субъектов. Одним из основных в этом «пакете» был Закон Российской Федерации от 3 июля 1991 года «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР» (и эти законы, кстати, были приняты до появления «команды Гайдара», до ГКЧП). Я думаю, Ельцин осознанно отправил Силаева в отставку для того, чтобы заблокировать деятельность его правительства в области продуктивной реформы экономики, включая приватизацию. Приватизационное законодательство российского парламента заложило основы институционального механизма приватизации – создало Фонд федерального имущества, подконтрольный парламенту, построило систему банков и арбитражных судов, институты кредитного механизма и другие институты, необходимые для формирования рыночной (конкурентной) среды. И соответственно заложило базу для успешного развития смешанной экономики с сильной социальной ориентацией.

Однако введение в действие этих нормативных актов затруднялось тем, что Ельцин и его «люди» в правительстве Ивана Силаева с начала лета 1991 года буквально «затерроризировали» главу Совета Министров, добиваясь его смещения. В результате было упущено много времени. И лишь после подписания президентом Указа от 29 декабря 1991 года «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год» началась реализация принятого парламентом ранее закона (правда, с очень грубыми нарушениями и произвольными толкованиями норм закона).

Следующий указ президента, появившийся 29 января 1992 года, «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий», несмотря на некоторые недостатки, был важен тем, что он утвердил практический механизм приватизации, в своей основе определенный Верховным Советом России в июньском законе 1991 года. Указ был настолько важен, что требовал своего согласования с парламентом – это было достигнуто лишь в июне 1992 года, вместе с принятием Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год.

Возможно, кто-то подумает: «Парламент тормозил работу президента по приватизации...» Да, тормозил. А куда, собственно, надо было спешить? Разве это было просто: колос-

---

¹⁰ Федоренко Н.П. Россия на рубеже веков. М., 2004. С. 429.

сальную государственную, а реально общенародную собственность, дающую людям право бесплатно лечиться, учиться, отдыхать, дающую работу всем без исключения трудоспособным членам общества, – одним махом, без долгих размышлений, – передать в чьи-то руки, причем с возможностью риска потерять эту собственность?

С появлением указанной «Программы» началась массовая приватизация в стране. Но, очевидно, в президентско-правительственных кругах полагали, что парламентский закон о программе приватизации «слишком сложный» (хотя он был согласован с правительством и подписан президентом), поэтому «темпы приватизации не соответствуют плановым» (по данным статистики, было приватизировано только 18,6 % от общего числа предприятий). В августе 1992 года (в период каникул Верховного Совета) появляется президентский Указ «О введении системы приватизационных чеков в Российской Федерации»; этот указ во многом противоречил принятому ранее приватизационному законодательству, в частности положениям «Программы», и был направлен на простое ускорение передачи государственной собственности в частные руки; он предельно упростил переход государственных предприятий «частникам» и искажил закон. В частности, указ легализовал чековую (ваучерную) приватизацию, которая послужила одним из главных механизмов растаскивания государственной собственности и скупки приватизационных чеков у членов коллективов предприятий за бесценок. В указе президента «исчез» пункт «именной» (из закона парламента) – то есть главный, обеспечивающий владение персональным владельцем.

Таким образом, этот президентский указ был прямо и непосредственно коррупционным, позволившим немедленно начать мошенническую деятельность с приватизационными чеками (ваучерами). Трудно предположить, что его авторы не желали такого результата, прямо противоречащего интересам государства и народа. В то время как Государственная программа приватизации предусматривала следующие цели (экономические и социальные):

повышение эффективности деятельности предприятий путем их приватизации;

создание конкурентной среды и содействие демонополизации народного хозяйства;

привлечение иностранных инвестиций в экономику России;

социальная защита населения и развитие объектов социальной инфраструктуры за счет средств, поступивших от приватизации;

содействие процессу стабилизации финансовой ситуации в стране;

создание условий и организационных структур для расширения масштабов приватизации в 1993–1994 годах.

Указ президента отбросил все эти цели, кроме последней – вся деятельность правительства оказалась подчиненной задаче «ускорения приватизации». Как это все напоминало сталинскую политику «сплошной коллективизации» 30-х годов! Особенно эта задача стала характерной после расстрела парламента в начале октября 1993 года. В 1993 году число приватизированных предприятий составило 88,6 тыс. (36,1 %), а в 1994 году оно возросло до 112,6 тыс. единиц (47 %). Правильно писал академик Н.П. Федоренко, указывая, что «при такой гонке было трудно достичь перечисленных выше целей (Программы. – Р.Х.), экономические соображения отходят на второй план, первыми задачами становятся политические; в стороне остались вопросы улучшения управления предприятиями и повышения их эффективности. Таким образом, концепция и ход приватизации были трансформированы. Провозглашенные цели оказались формальными, пропагандистскими лозунгами»¹¹.

Правящая бюрократия торопилась, она жадно хватала самые прибыльные, мощные, современные государственные предприятия, недра, богатые нефтью, газом, рудами, нефтеперерабатывающие и химические предприятия, могучие заводы ВПК. Все транжирилось – за бесценок передавалось знакомым, друзьям, друзьям знакомых, знакомым друзей, женам,

---

¹¹ Федоренко Н.П. Россия на рубеже веков. С. 431.

детям, бабулям и т. д. Стали появляться первые схемы сращивания госаппарата и дельцов, замаячили на горизонте первые олигархические семейства, влияние которых на Кремль стремительно возрастало.

Отношение научно-экспертного сообщества к «реформам» и размышления академика Г.А. Арбатова

Страна всегда имела множество талантливых ученых, в том числе в экономической науке. Самые авторитетные ученые-экономисты страны были чрезвычайно озабочены теми действиями, которые проводило правительство в рамках избранной модели экономических преобразований. Например, 6 марта 1992 года в «Независимой газете» была опубликована большая статья академика Николая Петракова и профессора Владимира Перламутрова с жесткой критикой самих теоретических основ правительственной политики. Авторы прямо указывали на губительные для страны ее последствия и, по существу, обратились к парламенту с требованием провести публичные парламентские слушания по складывающейся социально-экономической ситуации в стране¹². «Гайдаризм – это реакция на свой собственный марксизм» – так была озаглавлена большая статья Георгия Аркадьевича Арбатова в той же «Независимой газете».

«Последние месяцы я, как, наверное, многие, живу с ощущением усиливающейся тревоги. Ее внушает прежде всего положение в экономике, курс, проводимый здесь российским правительством с начала текущего года, – писал этот известный ученый и замечательный теоретик политики. – Авторы нынешнего курса, отвечая критикам, часто ссылаются на то, что их программа прошла международную экспертизу, пользуется поддержкой виднейших зарубежных экономистов и, по сути, указывает единственно возможный, даже неизбежный путь, которым уже прошли Мексика, Польша и другие страны. И то, и другое, и третье – неправда»¹³, – твердо заявил этот деликатный ученый, много повидавший на своем веку, консультировавший и Хрущева, и Брежнева, и Андропова, и Горбачева по вопросам американо-советских отношений и другим проблемам внешней политики государства.

В доказательство академик приводит некоторые эпизоды дискуссии, которая произошла в конце января 1992 года на заседании американской общественной организации «Комитет по советско-американским отношениям» (действующий с 70-х годов). Основным докладчиком был представитель Чикагской экономической школы профессор Джерри Сакс, ставший советником российского президента и правительства. Он сообщил, что основными инструментами «Программы для России» являются: «формирование сбалансированного бюджета за счет многократного сокращения расходной части, полная либерализация цен, что позволит «освободиться» от «ненужных государственных предприятий», и приватизация». Всемирно известный экономист, лауреат Нобелевской премии, профессор Дж. Гелбрэйт, комментируя основные положения доклада Сакса, сказал: «На Западе слишком хорошо знают, что такой подход неприемлем. И потому никогда не позволят осуществлять его на практике в своих собственных странах. Зачем это вы предлагаете России?»¹⁴ – спросил с удивлением знаменитый профессор Сакса. Вразумительного ответа он не получил.

Удивительно, но этот же вопрос я задал Саксу в ноябре 1992 года, когда по его просьбе я принимал его и имел с ним продолжительную беседу. В той беседе Сакс откровенно признался, что политика правительства Ельцина – Гайдара «не принесла ожидаемого успеха». Он просил меня дать правительству еще один «шанс» и на предстоящем в декабре съезде

---

¹² «Независимая газета», 6 марта, 1992.

¹³ Г. Арбатов. Гайдаризм – это реакция на свой собственный марксизм. «НГ», 13 марта, 1992.

¹⁴ «Независимая газета», 13 марта, 1992.

народных депутатов (VII) не отправлять Гайдара в отставку. Заметьте, это просил не Гайдар, не Ельцин – а американский профессор! Представьте аналогичную ситуацию: я являюсь в Белый дом, к президенту Бараку Обаме, и прошу его оставить в должности, например, Алана Гилспейна, по всеобщему мнению, виновника американского кризиса 2007–2009 годов! Невозможно даже представить! Однако в России это американское вмешательство во внутреннюю политику имело беспрецедентный характер, словно она была какой-то третьесортной «банановой республикой»!

В ответ я высказался в том смысле, что в настоящее время и в Западной Европе, и в США экономические дела неважные, депрессия имеет такой характер, что впору говорить о мировом кризисе: «Почему бы вам, профессор, не заняться реформированием экономики в вашей собственной стране?»

Растерянный Сакс говорит: «Руслан Имранович, мне этого никто не позволит!» Но это же самое ему говорил многоопытный Дж. Гелбрэйт! Руководитель группы консультантов председателя парламента профессор Анатолий Милюков не выдержал, расхохотался...

Отрицательную оценку, как писал Георгий Арбатов, предлагаемых для России профессором Саксом мероприятий дал и профессор Маршал Голдмэн на указанном выше форуме, заявив: «Невозможно сбалансировать бюджет, прибегая лишь к сокращению спроса путем повышения цен, роста налогов, ограничения кредита и т. д., как это делает российское правительство. Результатом будет то, что и предложение, остающееся под контролем коррумпированной бюрократии, тоже будет сокращаться, обостряя все проблемы страны»¹⁵.

Возражая более мудрым оппонентам, Сакс высказал свой главный тезис: «Для успеха русских реформ необходима массивная иностранная помощь». Но ее не было и не могло быть – как этого не понимал Сакс? Но в таком случае, если нет главного условия для успеха русских реформ – то есть иностранной помощи, зачем пытаться ее (реформу) проводить, заведомо зная ее провал? Странно все это было. Так оно и произошло – выпуск продукции (предложение) стал стремительно сокращаться, по мере углубления политики правительства, сокращая и спрос, – о чем и говорил профессор Маршал Голдмэн.

Таким образом, принятые на вооружение Ельциным – Гайдаром основные положения «Вашингтонского консенсуса» были, по сути, авантюрой. Да и Дж. Сакс это, похоже, превосходно понимал – не случайно он ставил настойчиво вопрос о необходимости крупной финансовой помощи со стороны Запада как главного условия успешности введенного в России политиком «Вашингтонского консенсуса».

Еще один знаменитый экономист, и тоже – лауреат Нобелевской премии, профессор Василий Леонтьев задал прямой вопрос: почему он, профессор Сакс, рекомендовал русскому правительству политику, в такой критической мере зависящую от западной помощи? В то время как нетрудно представить, что такой помощи Россия не получит?

Ответ Сакса: «Добьется правительство России на этом пути успеха или нет, это был единственно правильный путь...»¹⁶

«Единственно правильный путь» – сколько раз приходилось сталкиваться с этим словосочетанием в СССР! Но на этот раз этот «единственный» для России путь предначертал заезжий гастролер (с подачи Вашингтона), не имеющий понятия о стране, ее бесценных людях, ее бескрайних просторах, о могучем экономическом, научно-техническом, интеллектуальном потенциале! Бесспорно, что страна могла самостоятельно осуществить самые глубокие экономические реформы и обеспечить процветание общества – конечно, используя позитивный иностранный опыт, – если бы не эти ельцинско-гайдаровско-саксовы эксперименты и шоки. Если бы вместо этих саксов и прочих гайдаров Ельцин пригласил таких

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Независимая газета», 13 марта, 1992.

интеллектуалов, как Святослав Федоров, Николай Шмелев и Николай Петраков, Георгий Арбатов, Леонид Абалкин, Руслан Гринберг, и других достойных, многоопытных ученых и специалистов – результаты были бы другими, безусловно положительными.

Вот в этот период в парламентские круги и в целом в общество радикал-демократами была вброшена нелепая (скорее провокационная) мысль о том, что «Запад «под Гайдара» планирует «помощь» в размере 24 млрд долларов, но якобы суровая критика Хасбулатовым экономической политики правительства может «помешать получению этой помощи». Помнится, я высмеял эту «концепцию» с трибуны VI съезда народных депутатов и разъяснил, почему эти мифические 24 млрд долл. никогда не поступят в Россию. Но постоянно эта идея снова и снова «вбрасывалась» в общество, порождая несбыточные иллюзии у доверчивых людей и давая повод столичным радикал-демократическим СМИ для разного рода спекулятивных измышлений.

Хочу привести завершающие статью размышления академика Арбатова, они тогда были необычайно созвучны моему отношению к правительственной деятельности:

«Мы годами вели бесконечные споры о разных аспектах и разных программах экономической реформы. А приняли без всяких обсуждений вариант, который всерьез никто вообще не рассматривал. И, в общем, от одной системы догм ринулись к другой, противоположной. В этом смысле «гайдаризм» – это реакция, а точнее – сверхреакция на свой собственный недавний догматический марксизм. Как любая крайность, и эта система взглядов разрушительна. Мы уже сегодня оказались на самом краю... Меня поражает безжалостность этой группы экономистов из правительства, даже жестокость, которой они бравируют, а иногда и кокетничают, выдавая ее за решительность, а может быть, пытаюсь понравиться МВФ. Они уверяют, что с утра до ночи заняты тяжелой работой, сложными расчетами. Но боюсь, они не удосужились посчитать, как при существующих, а тем более будущих ценах сможет свести концы с концами подавляющее большинство населения страны, а многие миллионы – просто физически выжить. И что со всеми нами станет как с людьми, как с обществом – не одичаем ли, не опустимся ли до животного состояния в уготованном нам экономическим кабинетом «Смелом новом мире» (так называлась одна из первых антиутопий Олдоса Хаксли)? Я не верю, что, радикально исправляя дела в хозяйстве, мы должны сначала обнищать и опуститься. Я убежден, что есть другие пути...»¹⁷

Академик вел серьезную работу и в американских научных кругах, а также среди известных лиц, имеющих большое влияние на политику Белого дома (правительства США), в отношениях с Россией с позиций Верховного Совета. Он несколько позже приведенной дискуссии опубликовал статью с критикой МВФ в известной газете «Нью-Йорк таймс» под названием «Необольшевики из МВФ». В ней, в частности, отмечалось:

«Западу потребовалось немало времени, чтобы решить, что он весьма заинтересован в оказании помощи России и другим членам СНГ в преодолении нынешнего экономического и политического кризиса. Не хочу портить момент слишком многими неприятными комментариями, когда моя страна вступает в МВФ и МБРР. Но я не уверен, что для вступления в МВФ было абсолютно необходимо подвергать народы Содружества почти нестерпимым тяготам, последовавшим за освобождением цен на продовольствие и другие предметы первой необходимости. Либерализация цен уничтожила сбережения, зарплаты и пенсии, обескровила экономику – и все это в надежде на то, что падение производства будет сопровождаться потоком иностранных инвестиций. Однако перспективы такого потока выглядят все более туманными в свете событий в Польше, где Запад не вложил пока что почти ничего даже после выполнения всех требований МВФ. В бывшем Советском Союзе опасно добавлять к крайне болезненной «шоковой терапии» крутой подъем цен на энергию, который может уничтожить

---

¹⁷ «Независимая газета», 13 марта, 1992.

значительную часть сельского хозяйства и промышленности и вызвать массовую безработицу и гиперинфляцию. Неужели столь огромные жертвы действительно необходимы, чтобы совершить крутой поворот в нашей экономике? Не делают ли такие последствия еще более трудным переход к рынку? Мне не нравится стиль бюрократов МВФ и их московских приятелей. Они отнюдь не выглядят сторонниками демократии, свободного рынка и цивилизованных международных отношений. Они гораздо больше похожи на небольшевиков, которые любят экспроприировать чужие деньги, навязывать недемократичные и чуждые правила экономического и политического поведения и душить экономическую свободу»¹⁸.

Удивительно точно академик Арбатов писал о том, что не стремление помочь России вызвала к жизни активность США, а нечто другое. «По-моему, Запад принял ортодоксию МВФ не ввиду ее эффективности, которая отнюдь не бесспорна: на счету МВФ столько же провалов, сколько успехов. Дело в том, что фонд удобно перекладывает ответственность за результаты непопулярных действий правительства с национальных политических лидеров на международную бюрократию. Но ситуация может измениться после того, как Россия и другие страны СНГ вступили в МВФ и МБРР. Этим странам придется соблюдать правила обеих организаций. Но это участие в совокупности с другими глубокими переменами позволит создать новый экономический миропорядок. И наивно думать, что фонду и банку с их традиционными рецептами не придется приспособливаться к этой новой ситуации. Надо немедленно начинать переговоры о взаимном приспособлении. Наша главная проблема в том, чтобы как можно скорее перейти от «стабилизации» (что бы ни означало это слово в странном словаре колдунов МВФ и окружения Егора Гайдара) к росту производства в стране. Это улучшит условия жизни в странах Содружества, которые оказались теперь отброшены на уровень третьего мира. К счастью, альтернативные идеи для такого перехода уже появляются. Такие разные люди, как Малькольм Форбс-младший, Мортимер Зукерман, Роберт Бартли из «Уолл-стрит джорнэл» и Норберт Вальтер, старший экономист «Дойче банка», высказывают интересные замечания и предложения. Это обнадеживающие признаки нового реализма и здорового скептицизма на Западе насчет традиционной политики МВФ. В самой России ответственные политики и экономисты подвергают сомнениям как эмвэфовские, так и доморощенные догмы и ищут реалистических решений и разумных компромиссов. На карту ведь поставлено несравнимо большее, чем личные репутации Гайдара, Джеффри Сакса (экономиста, консультирующего российское правительство) и группы анонимных экспертов МВФ. Гораздо важнее такие вещи, как репутация рынка как общественного института, репутация российского руководства и, наконец, репутация Запада, который взял на себя огромную ответственность, решив помогать российским реформам»¹⁹.

В этих строках – предельно точная характеристика и отношения Запада к России, и деятельности МВФ, и той беды, которая навалилась на Россию под именем «Гайдар». Несколько позже я получил письмо от Георгия Аркадьевича, в котором он сообщил мне ценные сведения относительно тех специалистов, которые пригодились бы нам в России как объективные ученые (эта фраза означала их несвязанность со структурами правительства, в том числе ЦРУ, ФБР, АНБ). Они, по словам академика, могли бы приехать в Москву по приглашению его института, МГУ или Плехановского института. Георгий Аркадьевич сообщил мне также о позитивной реакции большой группы сенаторов, которая накануне была в Москве. В сопровождении посла Боба Страуса они прибыли в Верховный Совет, и мы в течение более двух часов беседовали на тему русских реформ и российско-американских отношений. И вот что писал мне академик Георгий Арбатов.

«Уважаемый Руслан Имранович!

---

¹⁸ Арбатов Георгий. Небольшевики из МВФ. New York Times, 7 may 1992.

¹⁹ Арбатов Георгий. Небольшевики из МВФ.

В соответствии с договоренностью, посылаю Вам некоторые материалы, а также первую книгу своих мемуаров (вторая часть пока «в голове»). Американцы очень довольны встречей, говорят, что она скорректировала их впечатления по очень важным вопросам политики России и ситуации в стране. Кроме того, они увидели в Вас «умелого политика», притом отвечающего «американо-европейским критериям». Большое впечатление произвело разъяснение положения в руководстве и Вашей позиции. В общем, очень благодарят, а я думаю, что Вы сделали весьма полезное дело.

Одна из бумаг – проект письма руководству города (Москва), напоминающего, что надо не нарушать указ президента и не душить Академию наук. Другая – копия записи беседы (состоялась неделю назад) одного моего молодого сотрудника с Д. Саймсом, который участвовал во встрече с Вами. Это – в доверительном порядке, чтобы не обижать некоторых затронутых людей.

В понедельник или вторник пошлю Вам, как договаривались, проект письма московским лидерам о положении в столице, имея в виду трудные условия для науки, культуры, образования и здравоохранения, отечественного и зарубежного бизнеса. И другое о том, что бы надо сделать, чтобы двинуть вперед мясную программу. Но если будет случай, может быть, поручите кому-нибудь из Ваших сотрудников, чтобы передали руководителям Международного фонда гуманитарной помощи, чтобы те со мной связались. Еще по состоявшейся у нас беседе, чтобы ни я, ни Вы не забывали:

если парламент займется всерьез военно-стратегическими делами (по моему, это очень назрело), не забудьте о тех специалистах, по моему, лучших из наших, которые работают в моем Институте и ИМЭМО – может быть, даже уже созданный силами двух институтов Центр стратегических исследований переподчинить из Ассоциации Шеварднадзе Верховному Совету России и дать им пару комнат на Калининском;

я понял, что могу исподволь начать собирать материал для парламентских слушаний вопроса о создании условий, необходимых для успешной работы нашего и зарубежного бизнеса в стране. Это тоже актуальный вопрос – настоящее предпринимательство пока почти не развивается, иностранный бизнес начинает уходить (верный показатель – начали падать цены на квартиры в Москве, покупаемые иностранными бизнесменами).

Желаю всего доброго, Г. Арбатов».

Читая это письмо, я размышлял: «Какой умница этот академик, если бы он и такие, как он (а такие в стране имеются), имели бы влияние на тех, кто принимает важные решения, мы проблемы страны могли бы решить без тех страданий и унижений, которые неизбежно падают на миллионы наших сограждан». В последующий период я часто встречался, а еще чаще звонил Арбатову, советовался по разным вопросам и всегда получал очень мудрый совет.

Кажется, с апреля в Верховном Совете стал действовать «парламентский семинар» – такой институт был открыт по инициативе координатора фракций Новикова. Вне сессионных дней, обычно к вечеру, парламентарии собирались и заслушивали авторитетных людей – ученых и специалистов. Вскоре на эти заседания стали приходиться и члены правительства во главе с А. Гайдаром, они рассаживались где-то в первых рядах. После выступления ора-

тора ему задавались вопросы, затем начиналась дискуссия. На одно из первых заседаний я пригласил Арбатова для доклада, что-то типа из истории советско-американских отношений и современное их состояние. Георгий Аркадьевич после интересного доклада приступил к ответам на вопросы. Он отвечал на вопросы, причем с юмором и сарказмом.

Кто-то из депутатов задал ему такой вопрос: «Уважаемый академик, что, на ваш взгляд, надо сделать, чтобы правительственная политика была реально эффективной?»

Арбатов: «Уважаемый депутат, этот самый вопрос как-то задал владелец борделя специалисту маркетинга, жалуюсь на снижение дохода – ничто не помогает, даже мебель сменил, интерьер и т. д.

Опытный специалист ответил: «Это неплохо, что вы меняете мебель, но знаете, что главное? Поменяйте поскорее девочек!»

Зал хохотал. Гайдар вскочил, весь розовый пошел к двери, за ним – вся «команда реформаторов». Зал продолжал хохотать.

Я с трудом сдерживал себя от смеха, но Арбатов не смеялся, ему не было смешно, ему было грустно. Очень грустно. Это был удивительно умный, универсально образованный человек, представитель классической русской профессорской культуры, весь смысл существования которой состоял в служении своему народу, своему государству, обществу. Когда я несколько позже имел долгий разговор с академиком Валентином Коптюгом, я уловил в них некоторое сходство. И только позже понял, что оно, это сходство, – в их идеалах служения своему обществу, моральных принципах, когда простое изречение «что такое хорошо и что такое плохо» воспринимается с позиций высокой, классической культуры, известных принципов: «не воруй, не обманывай, люби ближнего, живи своим трудом, служи людям». Это то, что мне внушила с детских лет моя незабвенная матушка. Мне с этими людьми было очень комфортно – мысль напрягалась, а душа отдыхала.

Профессор Николай Орлов и теоретические основания новой экономической политики (НЭП)

Владимир Ленин, как это можно судить по его книгам «Развитие капитализма в России», «Империализм как высшая стадия капитализма», множества статей, особенно после периода НЭПа, был, несомненно, талантливым экономистом-теоретиком и тонко разбирался в хозяйственных делах страны. Однако ясно, что он не мог мгновенно, в одну ночь, в результате некоего озарения, придумать концепцию НЭПа – «новой экономической политики». Когда страна оказалась в полном тупике в 1920 году после завершения Гражданской войны и надо было поднимать разрушенную страну, он лихорадочно искал выход из, казалось бы, губительной ситуации. Он искал какие-то новые идеи и подходы в экономике, которые могли бы коренным образом изменить эту драматическую ситуацию в стране в самые короткие сроки. И как человек науки, приверженец творческой мысли и одновременно – гениальный политик, стратег, он искал ответа и в трудах экономистов того времени, как российских, так и иностранных, поскольку знал основные европейские языки.

По-видимому, по его запросу ему подготовили обширный список книг и публикаций, в том числе работы экономиста-профессора Николая Афанасьевича Орлова. Последний уже в 1919 году в целом ряде статей (и служебных записок Совнаркому) ставил вопрос об исчерпанности модели военного коммунизма и необходимости реставрации некоторых элементов капиталистической хозяйственной системы. Орлов предлагал, в частности, вернуть в собственность бывшим владельцам их национализированные предприятия в легкой промышленности, торговле, переработке аграрной продукции, сфере обслуживания (парикмахерские, рестораны, ателье, фотомастерские и многое другое). Такой поворот в политике, по

убеждению профессора Орлова, привел бы к восстановлению хозяйственной жизни в разрушенной стране.

Вот эти идеи, вместе с некоторыми теоретическими работами Орлова, и были положены Лениным в основание НЭПа, который и был утвержден Постановлением Политбюро и Совнаркома в начале 1921 года. Имя профессора Николая Орлова, однако, осталось в забвении, и он, скорее всего будучи глубоко оскорблен игнорированием его имени, но вряд ли по вине Ленина, скорее бюрократов, которых хватало всегда, во все времена, остался в Париже (где находился в командировке), став эмигрантом, там и умер в 1926 году.

Интересно и то, что Николай Орлов в своих трудах ссылаясь на Г.В. Плеханова и его высказывания о будущей социалистической экономике. Основатель российской социал-демократии, в частности, писал, что экономическая система будущего социалистического общества должна сохранить все исторически существующие формы хозяйственной жизни (собственности), за исключением крупных капиталистических предприятий, на которых и происходит эксплуатация чужого труда и формирование прибавочной стоимости, присваиваемой собственниками-капиталистами. За счет этих крупных предприятий и должен быть сформирован будущий социалистический сектор экономики. Но другие, не крупные и мелкие формы предпринимательства должны быть охраняемы государством. Таким образом, Г.В. Плеханов ранее других теоретиков вплотную подошел к теории смешанной экономики, которая получила всеобщее признание на Западе после Второй мировой войны.

Известные ленинские «пять укладов» – это, собственно, и есть пять форм собственности, в своей совокупности формирующие содержание смешанной экономики. Таким образом, Плеханов исходил из того принципиального положения, что при социализме должен сохраняться принцип частной собственности на средства производства. Эта частная собственность на средства производства, по Плеханову, «исчезнет» лишь при коммунизме, согласно учению Маркса.

Но становление социализма, по Плеханову, – это исторически длительный период, который нельзя искусственно форсировать, поэтому следует быть осторожным в реформации экономической системы. Плеханов категорически отрицал военный коммунизм и полагал, что он дискредитирует саму идею социализма, отсюда – гнев большевиков на Плеханова.

Ленин раньше также категорически не соглашался с Плехановым, но в конце концов вынужден был стать на его точку зрения, об этом и свидетельствовала новая экономическая политика (НЭП). Плеханов умер в 1918 году и не смог увидеть торжества своей ключевой идеи. Надо, однако, отдать должное Ленину – когда Плеханов, осудив большевистскую власть и первые шаги по установлению военного коммунизма, покинул Россию, Ленин выступил категорически против обвальской критики Плеханова со стороны руководства большевистских теоретиков, напомнив, что распространение марксизма в России органически связано с именем Георгия Плеханова.

Интенсивность моей работы, ее плотность, была высокой. Об этом свидетельствуют следующие «бумаги»:

Рабочий день на 12 мая 1992 года

(вторник)

9:00 – Совещание с заведующими отделами Верховного Совета РФ (кабинет Председателя ВС РФ)

10:00 – Табеев Фикрят Ахмеджанович, председатель Российского фонда федерального имущества

10:30 – Наколаенко Валерий Дмитриевич, посол России в Греции

11:00 – г-г Берголат, посол Испании в России (Голубая гостиная, 5 этаж)

12:40 – Осьмова Маркиана Николаевна, профессор экономического фак-та МГУ

13:00 – Интервью газете «Красная звезда»
14:40 – Челноков Михаил Борисович, народный депутат России
15:00–17:00 – Заседание Президиума Верховного Совета Российской Федерации
19:00 – Встреча с председателями районных Советов г. Москвы (список прилагается)
(Зал Секретариата, 3 этаж)

Рабочий день на 13 мая 1992 года (среда)

9:00 – Поленов Федор Дмитриевич, председатель комиссии Совета Республики по культуре; Сеславинский Михаил Вадимович, председатель подкомиссии Комиссии по культуре
9:30 – Макаркин Николай Петрович, ректор Мордовского университета
10:00 – Заседание Верховного Совета
13:30 – Ульянов Владимир Ильич, председатель Тюменского областного Совета; Шафранник Юрий Константинович, глава администрации Тюменской области
15:00 – Дохшукаев Имран (Игорь), помощник Председателя ВС по Чеченской Республике; Дадаев Халис Исаевич (отраслевая ассоциация «Леспром»)
15:30 – Декан ф-та МЭО Плехановского ин-та профессор Смирнов Геннадий Николаевич
16:00 – Пекарская Тереза Казимировна, народный депутат России
17:00 – Ван Узиньцин, посол КНР в России
19:00 – Интервью телевидению «Останкино»
20:20 – Байбаков Николай Константинович, бывший председатель Госплана СССР

Для информации

10:30–12:00 – По поручению Р.И. Хасбулатова, первый заместитель Председателя ВС Филатов С.А. встречается в зале заседаний Президиума ВС РФ со слушателями Дипломатической академии (52 чел.)
10:30–12:00 – Ю.М. Воронин и А.П. Починок проводят совещание с Союзом промышленников и предпринимателей (76 чел.)

Список участников встречи представителей рабочих классов с председателем Верховного Совета Российской Федерации Р.И. Хасбулатовым

Клочков Игорь Евгеньевич
Председатель Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР)
Байгушев Михаил Иванович
Авиатехник эксплуатации машин завода им. Мясищева, г. Жуковский Московской обл.
Васильков Валерий Михайлович
Слесарь контрольно-измерительных приборов и автоматики каширского литейного завода «Центролит», Московская область
Дубровин Валерий Вениаминович
Термист Пермского приборостроительного ПО, г. Пермь
Иванов Николай Васильевич
Слесарь Долгопрудненского НПО, Московская область
Ивин Владимир Яковлевич
Заместитель заведующего организационного отдела ФНПР
Клостер Татьяна Михайловна
Швея швейного объединения «Салют», г. Москва
Лавренов Юрий Владимирович
Мастер пункта технического осмотра локомотивного депо «Москва-3»

Леонов Алексей Александрович
Фрезеровщик Люберецкого производственного объединения «Завод им. Ухтомского»,
Московская область
Мацовка Юлий Лукич
Слесарь-ремонтник завода «Пирометр», г. Санкт-Петербург
Складчиков Валерий Федорович
Газоэлектросварщик Красногорского механического завода, Московская область
Савин Владимир Борисович
Слесарь-сборщик Государственного оптического завода, г. Москва
Панков Михаил Николаевич
Модельщик металлургического завода «Серп и Молот», г. Москва
Соколюк Владимир Михайлович
Электросварщик Давыдовского завода сельхозмашин, Московская область
Спиркин Михаил Михайлович
Токарь Лианозовского механического завода, г. Москва
Сучков Виктор Андреевич
Регулировщик радиоаппаратуры НПО «Агат», г. Москва
Турченков Валерий Петрович
Шлифовальщик завода «Вымпел», г. Москва
Шамин Павел Владимирович
Электромонтажник завода «Красный пролетарий», г. Москва
Шибулкин Владислав Петрович
Слесарь-наладчик завода «Молния», г. Москва
Яровенко Нина Яковлевна
Экономист шелкового комбината им. П.П. Щербакова, г. Москва
Кузьменок Владимир Владимирович
Зам. председателя ФНПР
Вилков Владимир Григорьевич
Зав. Отделом по связям с членскими организациями
Ромашкин Василий
Газосварщик завода «Электроцит», г. Москва
Вишневский Игорь Станиславович
Заместитель председателя ФНПР

Собиравшиеся на встречу со мной в основном были профессиональными рабочими – представителями рабочего класса крупных промышленных предприятий Москвы и Московской области. Игорь Евгеньевич Ключков, признанный лидер профсоюзов, давно просил меня о такой встрече – ее добивались через него сами рабочие.

В кратком своем вступлении я охарактеризовал общую ситуацию в стране, рассказал о законодательной деятельности Верховного Совета, инициативах по корректировке правительственной программы в области экономической реформы и выделил несколько проблем, которые меня беспокоили и мнение о которых я хотел бы услышать в ходе нашей беседы. Это следующие.

Первое. Хотелось бы услышать от вас, как коллектив предприятия воспринимает происходящие в стране преобразования, особенно в производственной сфере. Все ли люди понимают смысл проводимой экономической реформы, какую критику высказывают в ее адрес, какие предложения и пожелания высказываются, особенно в области приватизации. Одним словом, есть ли у людей уверенность, что мы идем правильным путем?

Второе. О сложности ситуации в стране.

Вы видите, как обостряется социальная напряженность, возникают опасные коллизии, усиливаются страсти в общественно-политической жизни, имеют место вспышки экстремизма и насилия. Все это таит в себе большую опасность для общества.

Хотелось бы знать, что вы думаете о путях стабилизации экономической и общественной жизни, предотвращении конфликтов, достижении гражданского мира и согласия в обществе? Что следует делать в этом отношении верховным властям и коллективам предприятий, то есть нам всем?

Третье. Верховный Совет стремится скорректировать курс правительства и особенно экономическую реформу в интересах стимулирования производства и социальной защищенности трудящихся, налаживания экономических связей со странами СНГ. Все это, на мой взгляд, является главным в преодолении кризиса и оздоровлении общей ситуации в стране. Мы благодарны трудящимся, которые поддерживают нас в проведении этой линии.

Четвертое. Мы, руководство Верховного Совета, исходим из того, что главная роль в осуществлении преобразований в стране принадлежит самим трудящимся, их инициативе и творчеству в утверждении новых форм хозяйствования и жизни, предприимчивости в поисках лучших образцов деятельности. Насколько предприимчивость входит в сознание, психологию и деятельность людей?

Пятое. Все ваши суждения по всему комплексу этих вопросов представляют большую ценность для понимания происходящего и определения политики на перспективу, причем с учетом нужд трудящихся.

Как мне представляется, в этом залог расширения социальной базы экономических реформ и гарантия их осуществления.

Шестое. Видимо, под этим углом зрения необходимо по-новому посмотреть на роль профсоюзов и советов трудовых коллективов. Опыт накоплен большой. В этом плане парламент готов в законодательном порядке рассмотреть ваши предложения.

Пожалуйста, высказывайтесь, у меня около двух часов, надеюсь, этого времени нам хватит. Чтобы поговорить откровенно и я мог бы услышать ваши предложения, не избегайте говорить все, что вас волнует и беспокоит, в том числе и в области нашей законодательной деятельности.

Выступления рабочих были грамотными, содержательными, судя по ним, они довольно тщательно следили за всем тем, что происходило в стране, в экономике, политике, включая разного рода нюансы; в общем, это были умные, опытные и рассудительные люди, все говорили по делу, конкретно и содержательно.

Не буду приводить содержание всех выступлений, сошлюсь лишь на высказывания одного из них, слесаря Юлия Лукича Мацовки. Вот что он говорил: «Руслан Имранович! Я – потомственный рабочий, слесарь, токарь, монтажник, работаю более 30 лет, кажется. Знаю и понимаю многое. Раньше было все – и плохое, но больше – хорошего. Но такого беспорядка в стране, какой существует сегодня, – не только на нашем заводе, а в стране, – такого не было никогда. Что я имею в виду? Уже три месяца не выплачивают заработную плату рабочим и инженерам. Поэтому настроение у всех и на работе, и дома – плохое. Люди становятся злыми, ругают власть, всех – правительство, президента, Верховный Совет, позиции людей становятся все более радикальными, вполне возможны стихийные бунты. Вызывает сильнейшее раздражение и недовольство приватизация, навязывание этих самых «ваучеров Чубайса», хотя вначале нам обещали, что мы, рабочие, наш коллектив, имеем право сами выбирать иную форму приватизации, вплоть до превращения завода в народное предприятие. Но наши люди вовсе не желают появления каких-то частных хозяев, капиталистов. В общем, здесь полный беспорядок, нет ясности в том, какими правами обладает рабочий коллектив, наш профсоюз. Вы, Руслан Имранович, говорите одно, мы вас всегда слушаем по телевизору, и нам многое из ваших выступлений подходит, а правительство говорит и делает

другое. А президент молчит. Отсюда полное смятение в головах, никто ничего не понимает, но все видят, что дела идут все хуже и хуже. Налоги – очень высокие, цены – абсурдные: лопата или молоток стоят 80 рублей, кружка пива – тоже 80 рублей! Какую экономику можно создать при таких ценах, неужели нельзя привести все это в порядок, какой это рынок? Это хуже базара! Сырье и материалы вывозятся из страны бесконтрольно за бесценок, особенно в Прибалтику, мы все это видим и знаем, никакого государственного контроля за этим нет. Гайдар все время говорит: «Рынок— это выбор». Но нам не дают никакого «выбора», никто не спрашивает нашего мнения ни по какому вопросу! Такого я не припомню со времени, когда стал работать, – где же эта самая «демократия», которую нам все наши руководители обещали? Ее у нас, рабочих, отобрали. Что происходит в стране, Руслан Имранович?..»

Были и другие высказывания, конкретные предложения, но люди хотели прежде всего высказаться, говорили искренне, взволнованно – когда увидели, что я внимательно их слушаю. Эта встреча произвела на меня тяжелое впечатление, ведь ничего утешительного я не мог им обещать. Сказал, что все то, что они говорили, – все записано, текст быстро отпечатывают, а я передам содержимое в комитеты и комиссии, чтоб они учли высказанные мнения в готовящихся нами законодательных актах. Сообщил также, что приватизация только начинается, что у нас имеются только самые предварительные результаты, и они неважные – будем вносить серьезные изменения...

Через несколько дней снова ко мне зашел Игорь Клочков, сказал, что «рабочие были очень довольны приемом, чаем и беседой, обратили внимание, что вы были терпеливы и говорили искренне. Теперь, несмотря на все трудности, они ваши союзники, а эти ребята – очень авторитетные на заводе, они всем рассказывают об этой встрече...».

Глава 3

Нравы новых «вождей»

Беловежские соглашения заставили взглянуть по-новому на Ельцина как личность

Сомнения в сильном лидерстве Ельцина у меня появились уже с первых минут реакции Ельцина на попытки государственного переворота ГКЧП, а затем его недостойное поведение, связанное с выбором Гайдара в качестве «главного реформатора» еще накануне V съезда и самое главное – с его откровенного сокрытия от меня того заговора, которое он вместе с Бурбулисом, Гайдаром и Шахраем устроил в Беловежской Пуще (Кравчук и Шушкевич – простые марионетки, бездушные авантюристы). Все эти события заставили меня по-новому, более критически, присматриваться к Ельцину. О его недалеком уме, слабой теоретической подготовке, склонности к панике и сверхподозрительности – это я хорошо знал. Но этого было недостаточно.

Относясь совершенно искренне и преданно, непрерывно защищая от атак со стороны могущественных противников, начиная от самого Михаила Горбачева, происков КГБ и СМИ в 1990–1991 годах, – в то время как его «единомышленники» из межрегиональной депутатской группы в Союзном парламенте или деятели «ДемРоссии», как и Бурбулис и Полторанин, пугливо отмалчивались, – я, наверное, мог рассчитывать на ответное искреннее ко мне отношение со стороны Ельцина. И когда этого не происходило, я задавался множеством вопросов. К примеру, не понимал, зачем ему нужны были мелкие хитрости вокруг выбора нового правительства перед началом V съезда? И самое главное – как он мог не посвятить меня в свои планы по «ропуску СССР»? Я бы отговорил его от этой безумной затеи, или, в крайнем случае, можно было бы подготовить другой – более разумный план, – кстати, он уже имелся. И даже был опубликован в январе 1991 года в газете «Мегаполис-экспресс» – я его передавал и Горбачеву, и Ельцину. И, конечно, надо было все это согласовать с Горбачевым. А произошел фактически государственный переворот со стороны заговорщиков. Переворот тайный, коварный, как следствие предварительного заговора трех лидеров союзных республик с целью уничтожить союзное государство. Я считал, что Ельцин не имел морального права действовать таким образом, по крайней мере, не ставя меня в известность о своих планах. При этом для меня было очевидным и то, что он и его приспешники воспользовались тем, что я был очень далеко от места событий – в Сеуле, куда отправился с официальной группой парламентской делегации, согласно плану зарубежных визитов. Вспомнилось, что Ельцин охотно поддержал меня, когда я сообщил, что южнокорейский парламент обратился ко мне с просьбой прибыть в Сеул, как договаривались ранее, если обстоятельства в Москве это позволяют. Позже я и вспомнил реакцию Ельцина – он почему-то обрадованно поддержал это мое намерение. И прибавил: «Вам, Руслан Имранович, немало досталось в последние месяцы, поезжайте, за неделю здесь ничего не произойдет». Это, как позже я понял, были лицемерные слова. Такое предательство в отношении страны, Горбачева и, конечно, меня, совершенное Ельциным, меня потрясло не меньше, хотя, разумеется, не в той мере, как само событие, состоявшееся в результате Беловежских соглашений – исчезновение СССР. Стало окончательно ясно, что этот недалекий беспринципный деятель, в то же время беспредельно хитрый, злобный и коварный человек (эти качества часто компенсируют недостаток интеллекта), не имеет абсолютно никакой морально-нравственной базы, направляющей его волю. И с ним надо быть далее предельно осторожным, и лучше – не зависимым от него. А

его «людей» – отсылать подальше и никаких «дел» с ними не иметь и не «согласовывать», помимо тех, которые вытекают чисто из официального служебного характера.

При этом сложилась ситуация, когда ни я, ни Верховный Совет России уже не могли исправить ситуацию – отменить уже принятые решения «тройки» заговорщиков и потребовать их ареста мог только Президент СССР Михаил Горбачев, а он отказался это сделать. Верховный Совет России был вынужден ратифицировать Беловежские соглашения.

Эта новая ситуация в наших взаимоотношениях заставила меня более внимательно прочитать то, что говорил Ельцин в своих публичных выступлениях за период, когда он был избран в мае 1990 года председателем Верховного Совета РСФСР. Привожу некоторые из них ниже.

Кстати, интересно, что популярным в массах Ельцин стал именно потому, что он больше, чем Горбачев, говорил о необходимости строить чистый ленинский социализм, без привилегий для партбюрократии, «а также он требовал больше власти для Советов».

Выступление на XXVIII съезде КПСС

Ельцин Б.Н. Товарищи, партия подошла к своему съезду с грузом тяжелых проблем. Последние годы показали, что нейтрализовать действие консервативных сил в партии не удалось. Наоборот, слишком много говорили о том, что все в одной лодке, по одну сторону баррикад, в одной шеренге, с единым мышлением. Такая позиция дискредитировала тех коммунистов, которые являются искренними и последовательными сторонниками перемен. Чтобы понять, что может и должен решить наш съезд, надо прежде всего ясно видеть, что он из себя представляет, в Политбюро не решились пойти на единственно правильный в условиях перестройки порядок выборов делегатов: демократическим путем от всех платформ и групп, не зависящих от прежних структур партии. Чтобы любые объединившиеся шесть тысяч коммунистов избирали прямо своего делегата, тогда бы не получили такого состава съезда. Поэтому при обсуждении на съезде главным явился не вопрос о перестройке в стране и путях ее развития. Этот вопрос решается народом за стенами этого здания, решается в Советах народных депутатов. На этом съезде стоит вопрос прежде всего о судьбе самой КПСС. Если говорить точнее, здесь решается вопрос только о судьбе аппарата верхних эшелонов партии. Вопрос стоит исключительно остро. Найдет ли в себе силы аппарат КПСС решиться на перемены? Использует ли он тот последний шанс, который дает ему этот съезд? Или да, или нет. Или партаппарат под давлением политической реальности решится на коренную перестройку партии, или будет цепляться за обреченные формы и останется в оппозиции к народу, в оппозиции к перестройке.

Тогда представители аппарата неминуемо будут вытеснены из всех органов законной власти. Такая партия не удержится ни в роли авангардной, ни даже в роли партии, имеющей представительство в Советах. Утомительны²⁰ иллюзии тех, кто думает, что после выхода из партии всех инакомыслящих, кто не хочет быть приводными ремнями и винтиками партаппарата, у нее останется все имущество КПСС и связанная с ним власть. Этого не будет, в этом случае, к которому, кстати, подталкивают консерваторы, будет начата всенародная борьба за полную национализацию имущества КПСС как партии, обанкротившейся и обязанной хотя бы своим имуществом возместить долги перед народом. В наследство аппарату партии останется только вывеска с названием «КПСС». Можно предположить, что начнется борьба за привлечение к суду руководителей партии всех уровней за ущерб, который они лично нанесли стране и народу. Могу назвать хотя бы одно из этих дел – об ущербе в результате антиалкогольной кампании. Народ спросит и за все остальное: за провалы во внешней

---

²⁰ Так в источнике. Следует – «утопичны». (Ред.)

торговле, сельском хозяйстве, за национальную политику, политику в отношении армии и так далее. Страна должна знать, какое наследство оставила ей КПСС.

Такова возможная перспектива аппаратной партии. Тот, кто думает о каких-то иных вариантах, пусть посмотрит на судьбу компартий в странах Восточной Европы. Оторвались от народа, не поняли свою роль – и оказались на обочине. Все ли так мрачно? Есть ли еще другой выход? Есть. Правда, для этого мало шансов победить именно на данном съезде. Это ясно видно. Но все мы, отдавшие партии десятки лет жизни, сочли своим долгом прийти сюда, чтобы попытаться сказать, что выход для КПСС все же есть. Трудный, тяжелый, но выход.

В демократическом государстве переход к многопартийности неизбежен. В нашей стране постепенно формируются различные политические партии. При этом неизбежно коренное обновление КПСС. Какой наиболее безболезненный для народа, цивилизованный процесс модернизации партии?

Первое. Необходимо организационно зафиксировать имеющиеся в КПСС платформы и дать каждому коммунисту время для политического самоопределения. Уверен, большинство рядовых коммунистов связывает будущее партии с демократическим крылом.

Второе. Изменить название партии. Это должна быть партия демократического социализма.

Третье. На съезде рано обсуждать платформы и Устав. Надо принять только общую декларацию о преобразовании КПСС. Далее надо избрать новое руководство, способное подготовить новый съезд где-то через полгода-год.

Четвертое. Партия должна освободить себя от любых государственных функций. Первичные парторганизации должны быть упразднены в армии, в системе госбезопасности и в государственных учреждениях. На производстве судьбу первичных парторганизаций должны определить сами трудовые коллективы и сами члены партии. В новой партии или союзе ее члены должны платить минимум взносов. Так возникнет партия парламентского типа. Только такая партия при мощном обновлении общества сможет быть ведущей партией и побеждать на выборах в лице той или иной из своих фракций.

Любые фракции социалистической ориентации других партий могут входить в состав союза демократических сил страны. Народ признает этот союз и пойдет за ним, тем более, если он предлагает свою экономическую программу выхода из кризиса не за счет обмана народа и дополнительной нагрузки на его плечи. Союз выступит как федерация национальных союзов. Он будет иметь форму, отвечающую смыслу и духу нового Союзного договора между суверенными государствами страны. С развитием в стране демократических движений и дальнейшей радикализацией перестройки этот союз сможет стать на деле и авангардом общества. Это обеспечит широкую социальную базу обновления общества, поставит заслон атакам консерваторов и гарантирует необратимость перестройки. Такова вторая альтернатива. Итак, или вариант аппаратной КПСС, тогда раскол и уход рано или поздно ее из числа реальных политических сил страны, или обновленная партия, с переходом в союз демократических сил и перспективой сохранить роль активного лидера перестройки.

В заключение хотел бы сказать следующее. События развиваются необычайно быстро. Попытка задержать, о чем мечтают некоторые, неминуемо приведет к полному историческому поражению. Только опережение, только устремленность вперед вместе со всеми силами прогресса нашего общества могут дать надежду на то, что партия не потеряет себя, а возродится в новый авангардный союз демократических сил.

Все четыре положения, выдвинутые Ельциным как якобы «очистительные» для КПСС меры и одновременно способные придать реформам «новый динамизм», – на деле были слабыми, малоинициативными. К тому же они не принадлежали Ельцину, поскольку уже

давно живо обсуждались в дискуссиях на страницах союзной печати и в разных коллективах. Тогда, напомним, существовала такая прекрасная практика, как обсуждение важных вопросов страны на собраниях коллективов. Но здесь интересен, на мой взгляд, другой момент, который затронул Ельцин. Это его мысль о том, что будущий Союзный договор – это договор между суверенными республиками. Мне кажется, эта вброшенная вскользь Ельциным мысль должна была насторожить Горбачева и его соратников. Именно здесь и таилась грозная опасность для единства СССР, но Горбачев странным образом не заметил этого. Не «заметили» этого и горбачевские аналитики, хотя их и тогда было не меньше, чем сегодня на службе высокой власти.

Ничего оригинального не говорил Ельцин, выдвигая также свою «альтернативу», при этом он не ставил под сомнение и горбачевскую перестройку, и лидирующую роль партии, настаивая всего лишь на ее «модернизации», ударе на «чистоте социализма». Экономике он вообще не касался. И не случайно – в ней он не разбирался абсолютно. В целом это выступление Ельцина было слабым и неубедительным, особенно для опытных руководителей, которые более профессионально оценивали общее состояние страны. Они были не менее, чем Ельцин, обеспокоены дезорганизацией народного хозяйства, однако не усматривали ничего хорошего в непрерывной критике КПСС, к тому же партия Горбачевым быстро устранялась из сферы принятия решений. А здесь Ельцин вообще предлагает ее ликвидацию, выдвинув свои «положения», якобы призванные «очистить» партию и преобразовать в партию «демократического социализма». В общем, с содержательной стороны речь Ельцина была слабой и неубедительной, совершенно нетворческой. Никаких размышлений о судьбах страны, ее международных позициях, ее культуре и т. д. – ничего этого не было и в помине, что обычно присутствует в выступлениях масштабных деятелей. Ничего не сказал Ельцин о тех сложнейших проблемах РСФСР, с которыми он столкнулся, заняв место официального лидера РСФСР, а ведь этого от него ждали делегаты, на этом, как оказалось, последнем, XXVIII съезде КПСС. Но зато это выступление произвело буквально фурор в мировой прессе. Ельцин стал отныне официально рассматриваться как главный внутренний враг Горбачева. Интересно, что Михаил Горбачев отреагировал на это выступление Ельцина вполне миролюбиво, он был человеком мягким, во всяком случае, незлобным и немстительным.

М.С. Горбачев о Б.Н. Ельцине

Нельзя уходить от того, что сегодня запущено в общественную атмосферу, причем с определенным умыслом. Это опирается на объективную, так сказать, реальность. Здесь были выступления, в том числе, например, Бориса Николаевича Ельцина, который сказал, что, в общем, на съезде – в основном функционеры, партийные работники. А действительно, около половины – партийные работники. Добавьте к этому еще 20 руководителей и так далее. И вот это будет гулять и бросать тень... Будет бросать тень на все, что мы здесь обсудили, на принимаемые правильные решения – и Программное заявление, и Устав на нашу реакцию на многие наболевшие вопросы. Я прошу вас это понять, не поддавайтесь, так сказать, подзуживаниям снизу. Уверяю вас, что это так...

...Относительно выступления Бориса Николаевича Ельцина. Там, где товарищ Ельцин говорит о том, что партия должна реформироваться, обновляться – здесь, я думаю, мы все едины. То, как он думает, как представляет этот процесс, – я не совсем уверен, что подразумевает под всем этим товарищ Ельцин. Поэтому ему еще надо, если он с нами, пояснить, что он имеет в виду. Что касается моих взглядов на обновление партии, я их изложил.

Мне кажется, что то, что содержится во второй части выступления Бориса Николаевича, – это все очень серьезно, и мы должны это отвергнуть как неприемлемое для нас, ком-

мунистов. Да, мы за обновление, мы должны признать новую роль и положение партии, но будем действовать, содействуя нашему социалистическому выбору, и никаких других целей для нас нет. Более того, мы будем исходить из того, что коммунисты могут создавать свои партийные организации и действовать там, где они считают нужным и возможным. Другой подход – это нарушение конституционных прав, прав человека. Вот моя позиция по главному вопросу. (*Аплодисменты.*)»²¹.

Вскоре Ельцин заявил о выходе из КПСС. Вот как это происходило:²²

«Долго раздумывая, я пришел к выводу, и об этом решении хотел заявить после XXVIII съезда партии. Но, учитывая сегодня выдвижение моей кандидатуры в состав Центрального Комитета партии, я должен сделать следующее заявление.

В связи с избранием меня Председателем Верховного Совета РСФСР и огромной ответственностью перед народом и Россией, с учетом перехода общества на многопартийность, я не смогу выполнять только решения КПСС. Как глава высшей законодательной власти республики, я должен подчиняться воле народа и его полномочных представителей. Поэтому я в соответствии со своими обязательствами, данными в предвыборный период, заявляю о своем выходе из КПСС, чтобы иметь большую возможность эффективно влиять на деятельность Советов. Готов сотрудничать со всеми партиями и общественно-политическими организациями республики»²³.

Уже в ходе работы XXVIII съезда КПСС Ельцин как-то вечером, придя в Верховный Совет, пригласил меня к себе, в свой кабинет на втором этаже Белого дома. Он сказал мне, что выдвинут в состав нового Центрального Комитета, а это может осложнить его работу как председателя Верховного Совета России. Поэтому после размышлений пришел к выводу о том, что ему следует вообще выйти из этой партии, тем более, она не способна реорганизоваться.

«Что вы думаете об этом?» – спросил меня.

Я выразил свое мнение, сказав, что «реорганизация» в КПСС идет, и очень серьезная, – в направлении стремительного снижения авторитета КПСС. Горбачев, вроде бы сохраняя партию, в то же время ведет дело к тому, что партийные кадры и партийные органы, по сути, отстранены от созидательной деятельности.

Сказал: «Я разделяю, Борис Николаевич, ваш взгляд на то, что в стране должны существовать разные политические партии, лично я охотно вступил бы в Российскую социалистическую или социал-демократическую партии, если бы они стали действовать примерно так, как в Швеции, Германии или Франции. Но мне кажется, это может произойти через несколько лет, после того как стабилизируется экономика СССР, будут решены конфликты Центра с республиками и начнется существенное повышение уровня жизни населения. Почему бы вам не поговорить наедине с Горбачевым по этим вопросам и не сосредоточить все силы на экономической реформе? Посмотрите, как бурно развивается экономика Китая, главной созидательной силой руководство Китая сделало партийные кадры – они наиболее профессионально подготовлены к этому, так же как и у нас».

Ельцин внимательно слушал и отреагировал на мои слова: «Наверное, вы правы, но теперь перейти на эту модель уже поздно. Поэтому, я думаю, ситуация развернется следующим образом. Когда я подам заявление на выход из КПСС, моему примеру последуют, как мне сообщили, примерно 30–40 % всех партийцев, еще больше – в союзных республиках.

---

²¹ Фрагмент дискуссии при выдвижении кандидатов на пост Генерального секретаря ЦК КПСС//XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 2–13 июля 1990 г.: Стеногр. отчет. Т. 2. С. 244.

²² Выступление в ходе выборов Центральных органов партии// XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 2–13 июля 1990 г.: Стеногр. отчет. Т. 2. С. 500–501.

²³ См.: Горбачев – Ельцин: 1500 дней политического противостояния. Под общей ред. М.К. Горшкова и В.В. Журавлева. Сост. Л.М. Доброхотов. М., 1992. С. 221.

Эти кадры и станут костяком новой большой партии, на которую можно будет опираться, проводя решительные реформы, КПСС для этого не годится».

Я был просто ошарашен этой ложной предпосылкой Ельцина, сказал:

«Кто вам, Борис Николаевич, мог сообщить о таком возможном варианте развития событий в КПСС? Не будет выхода даже у 10–15 % партийцев, в лучшем случае около 10 %, не более. Если вы планируете свои действия на основе такого предположения, это глубокое заблуждение!»

Теперь был ошарашен Ельцин. Он спросил:

«Почему вы думаете таким образом? Мне опытные специалисты-социологи нарисовали другой сценарий!»

«Дело в том, – ответил я, – что за 70 лет общество выработало стойкие традиции и привычки, связанные с существованием одной партии, и вся активная часть населения – в партии. Мало кто является фанатическим сторонником уставных положений КПСС, люди вполне приспособились к ее существованию. Но у нашего поколения нет никакого недовольства самой партией, недовольство вызывают лишь партийные комитеты, начиная с района и города. Допустим, если бы сегодня Горбачев распустил КПСС и объявил о создании нескольких других партий, вы думаете, сразу все 18 млн. человек вступили бы в эти партии? Мне кажется, этого не произошло бы: привычки, традиции – это огромная сила, она не приходит в один день и не исчезает в один день. К тому же партия, выполняя контрольные функции над государственными и хозяйственными структурами, обеспечивает более или менее нормальное функционирование государства. Она срослась с государством. Поэтому сегодня рассчитывать на то, что ваш пример станет примером для массового выхода из партии – не стоит. Да и альтернатив пока нет».

«Как нет? Я же предложил в своем выступлении на съезде КПСС? Вы что, не читали?» – сказал Ельцин, не скрывая недовольства.

«Читал, Борис Николаевич, читал внимательно, но никакой альтернативы ни КПСС, ни курсу реформ Горбачева вы не предложили, – пожалуйста, не обижайтесь на меня. Ваши идеи слабы, имеют частный характер, не вплетенный в ткань целостного, программного видения ситуации. Если хотите, я могу помочь разработать такой документ, я сам много и давно размышляю на эту тему», – сказал я тогда Ельцину.

Он был явно недоволен, видимо, не ожидал услышать от меня таких слов. Но я искренне сказал ему то, что я думал. Ельцин мне не сообщил имена тех «известных людей», которые, по всей видимости, оказывали на него сильное влияние. И вдохновили его на такое решение, хотя их имена не были секретом для меня.

Конечно, Горбачев должен был как-то отреагировать на этот сделанный поступок Ельцина, тем более когда он был совершен в период работы съезда коммунистов. Он не замедлил высказаться:

«Ну вот, у нас есть заявление Бориса Николаевича Ельцина. И, поскольку это заявление сделано, съезд стоит перед тем, чтобы принять решение. Он заявил о выходе, и, я думаю, съезд должен просто поручить Мандатной комиссии внести предложение о погашении его мандата. Товарищи, он заявил о выходе, и я думаю, что ни в какую первичную организацию он не пойдет. Но что касается съезда, то мы должны поручить Мандатной комиссии внести проект постановления о прекращении, погашении его мандата как делегата XXVIII съезда.

Что касается всего остального, то это решил сам товарищ Ельцин. Я думаю, вы услышали аргументы. Мы должны их принять к сведению и на основе этого действовать. Ясно, что в связи с этим отпадает и сам вопрос о включении его кандидатуры в список (членов КПСС)».

Далее Горбачев немедленно поставил вопрос «о погашении мандата делегата XXVIII съезда КПСС Б.Н. Ельцина на голосование», и Ельцин перестал быть делегатом съезда, за

это проголосовал 3671, против – 15, воздержалось – 103. Хитрецом оставался Ельцин всегда: он мог просто заявить о своем выходе из партии, – этим самым автоматически погашался бы и его мандат делегата съезда КПСС. Нет, ему надо было закатить громкий спектакль с каким-то «погашением» мандата.

Горбачев тоже не был силен в умении быстро решать такого рода вопросы. Ему следовало просто поставить вопрос об исключении из КПСС «товарища Ельцина» – и все, спектакль был бы завершен, но не по сценарию Ельцина. Эти опытные партбюрократы почему-то так и не научились управлять большими аудиториями, хотя этим они занимались десятилетиями.

Выступление Ельцина на заседании Верховного Совета Латвии 3 августа 1990 года

В начале августа Ельцин вылетел в Ригу, я провожал его (я всегда провожал и встречал Ельцина во всех его выездах и возвращениях, вплоть до конца 1992 года). Но, прочитав его выступление на Верховном Совете Латвии (опубликованное центральными газетами), я пришел в изумление! Столько было в нем легкомыслия, примитивизма, и самое существенное – откровенный курс на разрушение СССР.

Вот что говорил Ельцин:

«Мы считаем, что надо идти к развитию горизонтальных связей. Надо разрушить этот вертикальный жесткий стержень. Разрушить – и идти на прямые связи добровольных, суверенных, независимых государств. На договоры, которые не диктовались бы из Центра: по каким процентным ставкам налог, по каким процентам отчисления в союзный бюджет и так далее и так далее. Латвия и Россия заключат договор без каких-либо предварительных политических или экономических условий. Это значит, так мы договорились, что будет первая часть политически-правовая нашего договора, который подпишут два председателя Верховных Советов, причем подпишут в Москве (так предварительно мы договорились с Анатолием Валерьяновичем²⁴), а вторая часть, уже наполненная, – договор об экономическом, научно-техническом, торговом сотрудничестве, о межнациональных отношениях, гражданстве, культуре, каких-то социальных вопросах и так далее – на уровне председателей Советов Министров. Этот договор должен быть подписан в Риге.

Вот эти две составные части должны представлять из себя систему наших взаимоотношений в будущем, невзирая на то, что будет на союзном уровне – каков будет Союзный договор и будет ли он вообще? И будет ли участвовать Латвия в Союзном договоре или не будет – мы тоже в этом отношении никаких условий не ставим. Россия, возможно, будет участвовать в Союзном договоре. Но, мне кажется, на таких условиях, на которые Центр или не пойдет, или, по крайней мере, очень долго не пойдет. Поскольку проект, который подготовил Центр, мы считаем, он не может удовлетворить Россию, а, наверное, и другие суверенные государства. И потому мы подготовили свой вариант, где имеем в виду, что будет договор о создании содружества суверенных государств, имеющих основы конфедерации, независимость и, допустим, каких-то два-три объединяющих элемента. Может быть, эти все государства, которые войдут в это содружество на добровольных началах, могут Союзу отдать оборону, госбезопасности (и то название надо сменить, безусловно), ну и, наверное, еще что-то, связанное с нашими кредитно-денежными отношениями. Вот, пожалуй, все то, что можно было бы отдать Центру.

Притом, конечно, если оборона делегируется юридически Центру, то, безусловно, должен быть статус этих воинских частей, подразделений, Министерства обороны в этом каком-

---

²⁴ А.В. Горбунов – председатель Верховного Совета Латвийской Республики.

то государстве. Определенный статус, определенная численность должны быть заранее оговорены. И только при этом условии можно эту часть отдать, скажем, и по Комитету госбезопасности. Наше мнение, России, что его надо скорее преобразовать во что-то вроде органа защиты прав человека, а не фискального органа. Это, конечно, будет трудно, это другая будет организация. Но тем не менее мы считаем, что только таким образом можно разрушить этот монстр, который со страхом давит на всех на территории нашей страны, и давит уже восьмое десятилетие, причиняя немало бед.

Хочу вас еще раз поприветствовать и сказать, что нам бы хотелось одним из первых договоров заключить договор Россия – Латвия. До Союзного договора – раз, до принятия новой Конституции – два, то есть в течение полутора месяцев заключить этот договор. И тогда наш фронт, тот фронт как бы обороны трех Прибалтийских республик, был все-таки маловат, и напор Центра был велик. И стала рядом Россия. И Центр уже серьезно забеспокоился. Ему сейчас наступать будет труднее на эту укрепленную цепь обороны. Это уже видно в действиях центрального руководства страны»²⁵.

Это выступление Ельцина в Риге вызвало сильное возмущение и Горбачева, и многих российских депутатов, да и в целом в тогдашнем советском обществе. Надо отметить, что в абсолютном своем большинстве народы СССР вовсе не стремились «освободиться от коммунистов», поскольку из 18 млн коммунистов, по крайней мере, 90 % из них – это были такие же труженики, как и все. Все работали и жили рядом друг с другом, все – и коммунисты, и не коммунисты, – в равной мере относились не очень хорошо к партийно-советской бюрократии.

И когда Ельцин возглавил движение под лозунгами «за чистоту социализма», «против привилегий номенклатуры» – именно это принесло ему общественное признание, и больше – ничего. Люди, его сторонники, считали, домысливая, что этот человек, сделавший большую партийную карьеру, решительно отмежевавшийся от этих привилегий, станет честно работать на народ. Им и в голову не приходила мысль, что Ельцин стал критиковать партийные порядки прежде всего в условиях, когда, во-первых, эта критика была совершенно безопасной для него лично – и прежде всего благодаря демократической реформе его злейшего врага (его же, кстати, и породившего) Михаила Горбачева, во-вторых, она была фактически лицемерной, как я выше писал, возмущены были и наши депутаты, называя рижское выступление Ельцина «провокационным», другие – высмеивали наивные идеи. Например, чего стоило предложение Ельцина создать «российский КГБ наподобие «структуры по правам человека». Тогда мы смеялись, но, когда Ельцин, став «хозяином Кремля, попытался превратить КГБ в подконтрольное только ему лично «сыскное ведомство», – стало не до смеха. Но в целом создавался образ пустого, малообразованного человека, с громадными амбициями, готового использовать любой повод и предлог для уничтожения Горбачева, а если для этого нужно уничтожить страну, государство – он не остановится и перед этим. Возможно, он был серьезно болен.

Предсказание Александра Зиновьева о роковой роли Ельцина в гибели страны

Это удивительно, но факт: великий русский писатель, философ, мыслитель, а с точки зрения провидческого дарования, намного превосходящий всеми прославляемого Александра Солженицына – Александр Зиновьев удивительно точно предсказал гибель великого государства, если к власти в нем придет Ельцин с его разрушительными качествами. В дополнение к «катастрофке» Горбачева он станет чрезмерной «перегрузкой» – и все закон-

---

²⁵ Горбачев – Ельцин: 1500 дней политического противостояния. С. 224.

чится крахом великой страны и диктатурой. Это отметил Зиновьев еще в 1989 году. Журналист «КП» Андрей Седов привел фрагмент «дуэли» между Ельциным, рвущимся к власти, и Зиновьевым в конце 80-х в Париже²⁶.

Ведущий: Борис Ельцин, вы были спортсменом, чемпионом по волейболу. Может, политика похожа на волейбол? Нужно прыгать выше и первым бить по мячу?

Ельцин: Только не по мячу, а по противнику. По сопернику. Это разница.

«Я диктовал Брежневу»

Ведущий: Господин Ельцин, вашей карьерой вы обязаны Брежневу? Может, он вас выделил?

Ельцин: Нет. В то время он был уже не способен выделять, ни отбирать, ни различать хорошее от плохого.

Ведущий: Даже так?

Ельцин: Даже так. Он был совершенно не способен руководить государством. В то время, когда меня избирали первым секретарем обкома, я к нему приходил с какой-то бумагой, чтобы для области решить вопрос, я ему диктовал резолюцию. И вот каждое слово, которое я диктовал, он записывал. Потом я ему говорю: сейчас распишитесь – он расписывался. Сейчас поставьте число – он ставил число. Сейчас вызовите секретаря – он вызывает.

Ведущий: Тогда что же получается? Советским Союзом руководит такой старик?

Ельцин: А у нас же постоянно вообще лидеры умирают. И у вас, если о мертвых не говорят ничего плохого, то у нас, наоборот, о них не говорят ничего хорошего, как вы заметили²⁷.

Ельцин откровенно и нагло лжет – сцена, которую он «рисует», была принципиально невозможной, независимо от того, болел или не болел Генеральный секретарь. Никаких «бумаг», согласно существовавшим порядкам, Генеральный не подписывал в присутствии какого-то «посетителя» – кем бы он ни был. Все это было уже решено, а протокольная беседа могла быть не более 3–5 минут. Брежнев, естественно, говорил какие-то «напутственные слова» и желал успеха любому секретарю обкома, уже получившему назначение и «оформленному». И все. И «посетитель», ответственный работник, не чуя ног, чуть не пяясь (старые традиции со времен татаро-монголов), вылетал из кабинета, совершенно ошарашенный от счастья и «доверия партии и лично дорогого Леонида Ильича».

Не было исключением и Ельцин – он прошел именно эту классическую процедуру и, раскланиваясь, бормоча слова благодарности, выскочил из кабинета Брежнева, не веря даже в происшедшее, – это когда его «избрали» первым секретарем Свердловского обкома КПСС по рекомендации Якова Рябова. Так это описывает самый преданный покровитель Ельцина – Яков Рябов, бывший первый секретарь Свердловского обкома КПСС, который чуть ли не два десятилетия возводил Ельцина из заурядного строительного начальника в Свердловске до первого секретаря комитета КПСС этой области²⁸.

В дискуссии с Ельциным, как человек деликатный, Зиновьев, по-видимому, не хотел жестко, в лицо Ельцину сказать, что он разрушает страну, и повторить ту низкую деловую и моральную оценку, которую он дал Ельцину в «Катастройке»²⁹. Однако он обозначил его действия разлагающими общество, а его назвал «популистской пустышкой», без ясно обозначенных целей, рвущегося к власти, используя негодные приемы и методы.

«Придется привилегии экспроприировать»

---

²⁶ См.: Седов Андрей. Писатель-философ Александр Зиновьев – Борису Ельцину: «Запад вам аплодирует за то, что вы разваливаете страну!» «Комсомольская правда», 23 сентября 2013. С. 10–11.

²⁷ Седов Андрей. Писатель-философ Александр Зиновьев – Борису Ельцину: «Запад вам аплодирует за то, что вы разваливаете страну!» С. 10–11.

²⁸ См.: Рябов Яков. Мой XX век. М., 2007.

²⁹ См.: Зиновьев Александр. Катастройка. Париж, 1989.

Ведущий: Почему вы не хотите войти в номенклатуру горбачевскую, почему вы отказываетесь от привилегий?

Ельцин: Когда я стал в составе Политбюро, я убедился, насколько это безнравственно. Особенно по отношению к своему народу, когда 48 миллионов человек живут ниже черты бедности. И эта царская роскошь членов Политбюро ЦК просто поражает.

Ведущий: В Советском Союзе мало деятелей, которые отказываются от привилегий. И вы сурово описываете Горбачева как человека, который обожает привилегии, коллекционирует дачи...

Ельцин: Ну, я от последней привилегии отказался как раз перед отъездом сюда – от служебной личной машины «Волга». К сожалению, никто моему примеру не последовал. И семье приходится тяжело, поскольку привычка есть привычка... Наверное, придется потом эти привилегии экспроприировать народом.

Ведущий: Чем больше вы отказываетесь от привилегий, тем больше народ вас любит, а ваши коллеги – ненавидят.

Ельцин: Да, естественно. Особенно аппарат – партийный, государственный, – против которого я выступаю. Я поражен, что в этот момент как раз аппарату повысили зарплату в полтора-два раза – это вообще чудовищно.

Ведущий: Но ведь это и есть ваш шанс. Если бы все отказались от привилегий, вы были бы менее популярны сегодня?

Ельцин: Речь не о популярности. Это мой нравственный принцип, я иначе не могу. (Каков лицемер! Горбачеву и не снилась та древнеперсидская роскошь эпохи царей Дариев, в которую окунулся Ельцин, въехав в Кремль. – *Р.Х.*)

«Необходимость – иметь четыре дачи?»

Ведущий: Итак, прав ли Борис Ельцин в отказе от своих привилегий?

Зиновьев: С социологической точки зрения, это шаг бессмысленный. Общество, в котором нет привилегий, развалится. Это все равно что армия, в которой генералы питаются как солдаты. Наличие иерархии и привилегий – это нормально... Отказ от них производит сильное впечатление на массы – и будут все кричать «ура». Но когда политический деятель совершает такой шаг, это свидетельствует о непонимании закономерностей.

Вот Ельцин возмущается, что повысили зарплату работникам аппарата. Да потому что инфляция! Вот я был профессором, я получал 500 рублей, и сейчас профессора получают 500 рублей в месяц, а люди в кооперативах в день теперь зарабатывают 500–700 рублей. Отказ от привилегий вызывает восторги. Но если Ельцин встанет во главе государства, это будет его самым большим несчастьем – посмотрим, как тогда он поступит. Можно отменить привилегии, но они восстановятся другими путями! Люди все равно будут получать то, что они могут урвать согласно своему положению. (Зиновьев, видимо, тоже не предполагал ту беспредельную меру цинизма, свойственную Ельцину. – *Р.Х.*)

Ельцин: Категорически не согласен. Зиновьев не знает, что такое привилегии самой высшей номенклатуры.

Зиновьев: Знаю.

Ельцин: Нет, не знает. Он не знает, что у Тэтчер два человека охраны, а если Горбачев едет, то 200 человек охраны. Это что, необходимость? Необходимость иметь четыре дачи? И их построить за четыре года перестройки? Человек, который руководит государством, должен быть чист! А у него излишества, роскошь – это безнравственно. Поэтому, если действительно так сложится моя судьба, одним из первых законов России будет ликвидация этих привилегий. (Въехав в Кремль, Ельцин завел более 5 тыс. офицеров охраны, а не 700, как Горбачев! – *Р.Х.*)

«Допустите тысячу партий – и они превратятся в мафии»

Ведущий: Ваши враги сегодня – привилегии, бюрократия? Но, получается, вы атакуете партию?

Ельцин: Да, и партию – тоже. Поскольку партия за пять лет перестройки нигде не обновилась. Ничего в ней не перестроилось. Партия как в начале перестройки плелась в хвосте, так и сегодня в хвосте.

Ведущий: По какому же пути надо идти?

Ельцин: Если в партии произойдет обновление – отказ от вертикальной структуры и переход на горизонтальную, введут прямые выборы делегатов на съезд, разрешат создание партий, отдельных фракций и платформ, – тогда партия на какое-то время приостановит катастрофическое падение авторитета своего в массах.

Ведущий: Александр Зиновьев, ваш роман «Катастрожка» – зубастая сатира на перестройку. Но если бы не перестройка, Ельцин не имел бы возможности говорить с писателем, который считается отщепенцем...

Зиновьев: Что вы хотите сказать? Я должен быть счастлив, что могу видеть Ельцина? Ну это же несерьезно. Перестройка не есть прогресс, это болезнь общества, это кризис! И выходом может быть только контрперестройка. Выходом из болезни не может быть продолжение болезни. Почему не происходит перестройка в партии? А никакой партии нет! Это не политическая партия. Там ничто не может быть перестроено. Вы можете допустить в Советском Союзе тысячу партий – и все они вырождаются в политические мафии! Создайте их и увидите, что получится. (Как в воду глядел великий писатель! – *Р.Х.*)

Ведущий: Когда Ельцин говорит, что нужно ускорить перестройку, вы считаете, он хочет ускорить болезнь?

Зиновьев: Да, хочет приблизить страну к смерти.

Ведущий: Борис Ельцин, вам нужно обороняться – ваша перестройка, которую вы хотите ускорить...

Ельцин: А от кого мне обороняться-то? От человека, который отстал? Нет, я собираюсь наступать. Надо решительно, радикально действовать, не как Горбачев – только полумеры, компромиссы и нерешительность. Коренное обновление нужно. Без него мы и дальше будем опускаться в болото...

«Горбачев меня просто боится»

Ведущий: Но меня удивляет, что у вас нет программы, например, по национальному вопросу. Думаете ли вы, что Литва может завтра стать независимой? Вы не предлагаете решений, вы описываете только общую перспективу.

Ельцин: Ну, незнание моей программы еще не значит, что ее нет. Может, наши средства массовой информации не дают. (Ну, уж не дают! – *Р.Х.*)

Ведущий: Создается впечатление, что Горбачеву нужно иметь слева от себя Ельцина, который говорит: «Давай быстрее, быстрее», а справа – Лигачева, который говорит: «Нет, давайте тормозить...» Вы служите интересам Горбачева...

Ельцин: Да, вначале так и было. Чтобы Горбачеву казаться демократом, надо было слушать какую-то критику. Это демократ тогда. Но сейчас не то что я ему не нужен, он сейчас меня просто боится. Он не знает, как от меня избавиться. Он все сделал, чтобы мне не пройти на выборах в депутаты. Работал весь мощнейший аппарат, сколько лилось грязи, пасквиблей». (На самом деле, это Ельцин органически боялся Горбачева, – я это наблюдал лично многократно. А Горбачев относился к нему хотя и настороженно, но крайне снисходительно и пренебрежительно. Это была ошибка. – *Р.Х.*)

«Народ теряет терпение, люди выйдут на улицу»

Ведущий: Как вам видится будущее СССР?

Ельцин: Эта поспешность Горбачева – немедленно собрать съезд депутатов СССР и на съезде избрать президента, вместо того чтобы избрать народом, – это, конечно, вызывает

протест, и наша группа будет блокировать выборы. Ряд республик, я думаю, тоже будут блокировать. Они понимают, что усиление власти может привести к подавлению их суверенитета... А господин Зиновьев не знает процессов, которые идут в народе – на заводах, на фабриках. Народ теряет терпение, люди выйдут на улицу. Критическая масса недовольства сейчас достигает уже предела.

Ведущий: Получается, народ может скинуть Горбачева. А вас поднять, потому что вы очень популярны.

Ельцин: Нет, я это о себе не говорю. Я говорю, что народ возьмет власть и поставит тех, кто нужен сегодня, – более молодых, энергичных, которые могут спасти страну без сверхсильной власти. Сверхсильная власть для нашей страны опасна. Тем более в одних руках. (А ведь правильно тогда говорил этот лицемер! – *Р.Х.*)

«Вылезет новый Сталин»

Ведущий: Александр Зиновьев, вы обвиняете западные страны, которые сделали из Горбачева звезду.

Зиновьев: Я хочу сделать короткое замечание по поводу того, что сказал Ельцин. Народ уже однажды брал власть в Советском Союзе в свои руки. И что вышло? Сталин вышел, и если народ возьмет власть в свои руки, кто бы ни вылез наверх – даже Ельцин, он все равно будет новый Сталин. Он выполнит ту же роль. (Еще раз сбывшееся пророчество! – *Р.Х.*)

Теперь почему Запад аплодирует Горбачеву и Ельцину? Что вы думаете, Запад хочет, чтобы советские люди жили роскошно, были сыты – ничего подобного! Западу нужно, чтобы Советский Союз развалился. Горбачева похлопывают по плечу и Ельцина, поскольку думают, что они разваливают страну. Они говорят: действуй, Миша, – а они и рады стараться. Много партий, парламент! Это все игра на Запад. Как только Запад увидит, что Горбачев не разваливает советское общество, а выходит из кризиса, кончится здесь слава Горбачева и на него будут лить потоки грязи. Помяните мое слово!

«Брежневское время будут вспоминать как «золотой век»

Ведущий: В таком случае, нужно было сохранить старый режим, где железной рукой управляли?

Зиновьев: Я не политик, я исследователь. Что будет, я вам точно скажу. Через пять-шесть лет восстановится нечто такое, что было при Брежневе. Даже, может, хуже, ближе к сталинскому варианту. А о брежневском времени будут вспоминать как о «золотом веке». Вот что будет... Но если Горбачеву удастся развалить советское общество, он будет назван Человеком века. Ни Ленин, ни Сталин – действительно личности эпохального масштаба, – а ничтожный аппаратчик Горбачев. (Кто мог бы тогда предположить, что о Брежневе будут вспоминать с ностальгической грустью? Только великий Александр Зиновьев! – *Р.Х.*)

Ельцин: Я не хочу полемизировать с такими крайностями, как Зиновьев, но считаю, что все-таки народ может сказать свое слово, и никак не обязательно, что это должно привести к появлению нового диктатора Сталина.

Ведущий: Хотите ли вы заменить Горбачева и стать номером первым в СССР?

Ельцин: Нет.

Ведущий: Почему?

Ельцин: Потому что будущее за Россией.

Пройдет еще чуть больше года, и 19 августа 91-го, в первый же день ГКЧП, Александр Зиновьев отправит из Мюнхена в Кремль телеграмму: «НЕМЕДЛЕННО ИЗОЛИРУЙТЕ ЕЛЬЦИНА». Его не изолируют, путч провалится. Причем провалит его Верховный Совет России, а вовсе не Ельцин, который готовился сбежать в американское посольство. И через четыре месяца Борис Ельцин подпишет от имени России Беловежское соглашение, похоронившее СССР. Благополучие населения упадет вдвое. Привилегии членов Политбюро ЦК КПСС будут казаться смешными по сравнению с богатствами новой элиты – олигархов и

бюрократии. А президент Ельцин окружит себя такой роскошью и будет иметь такие привилегии, которых не было даже у русских царей. А осенью 1993 года будет расстрелян из танков российский парламент, который вознес Ельцина на вершину власти. Президент получит власти больше, чем имел Сталин. И в соцопросах лучшими временами россияне будут называть брежневские...»³⁰ Провидец Александр Зиновьев, как это свойственно гениальным людям, точно предсказал, что ждет Россию.

Какие материалы передали депутаты Лев Пономарев и Глеб Якунин в Библиотеку Конгресса США?

Из «Вашингтон пост» узнал, что член Верховного Совета Лев Пономарев, бывший председатель временной комиссии по расследованию обстоятельств переворота (ГКЧП), вместе с Глебом Якуниным передал в Библиотеку Конгресса США доклад объемом в 1000 страниц. Несколько ранее я распустил эту комиссию.

Обстоятельства ее создания были таковы. 22 августа 1991 года, сразу же после подавления путча ГКЧП, Лев Пономарев, к которому я тогда относился уважительно, попросил меня назначить его руководителем «специальной комиссии по расследованию августовского путча». Я согласился, но на временный статус, – что-то остановило меня от серьезного институирования этой комиссии. Своим распоряжением я назначил Пономарева руководителем этой «временной комиссии», установив первоначально мандат комиссии в три месяца. Прошло три, и четыре, и пять, и шесть месяцев, но Пономарев никакого доклада не представил. Но по другим инстанциям я получил много материалов, связанных с незаконной деятельностью руководства КГБ. Мои сомнения по поводу деятельности «Комиссии Пономарева» реализовались в поручении первому заместителю Сергею Филатову разобраться с этим делом и срочно представить мне соответствующий доклад. К сожалению, он это мое распоряжение не выполнил. Тогда я расформировал эту «комиссию» и сообщил об этом на заседании Президиума Верховного Совета.

И вот появляется статья журналиста Билла Гертца в «Вашингтон пост»: «Парламентское расследование роли военных, тайной полиции и КПСС во время августовской попытки переворота было прекращено в этом месяце (начале марта 1992 г.) председателем Верховного Совета России Р.И. Хасбулатовым», – сообщил вчера глава комиссии по этому расследованию Лев Пономарев, член Верховного Совета и председатель этой временной комиссии, расследовавшей вопрос о руководстве этой попыткой переворота». И дальше Гертц писал: «Председатель парламента России Руслан Хасбулатов прекратил расследование без каких-либо обсуждений этого вопроса»³¹. По его мнению, «комиссия была упразднена после того, как она обнаружила документы, проливавшие свет на широкомасштабные действия КГБ по проникновению во все слои советского общества» – об этом ему, Гертцу, заявил в интервью Пономарев. По его словам, КГБ вел слежку даже в церкви и самых различных ассоциациях, включая научные круги, спортивные клубы и культурные организации и т. д.

Парламент санкционировал проведение этого расследования в сентябре 1991 года, однако дал указание о завершении подготовки доклада комиссии в январе (1992 г.). Слушания с участием свидетелей проводились в январе и феврале, однако Хасбулатов не разрешил продолжать расследование. Пономарев и другой член парламента и бывший диссидент, священник Глеб Якунин завершили вчера 10-дневный визит в США, где они находились в качестве гостей директора Библиотеки Конгресса Джеймса Биллингтона». «Гости» передали

---

³⁰ Седов Андрей. Писатель-философ Александр Зиновьев – Борису Ельцину: «Запад вам аплодирует за то, что вы разваливаете страну!» Комсомольская правда, 23 сентября 2013. С.10–11.

³¹ Washington Post, 3 march 1992.

Библиотеке Конгресса через Биллингтона доклад объемом в 1000 страниц на русском языке, посвященный проводившемуся в течение семи месяцев расследованию обстоятельств августовской попытки переворота. «В результате этого расследования, – писала газета, – было выявлено, что КГБ занимался незаконной слежкой и подслушиванием и проник фактически во все сферы советского общества. В результате этого расследования было также выявлено, что в период с 1980 по 1990 год КПСС незаконно направила 200 млн долларов из государственных средств иностранным коммунистическим партиям, включая около 20 млн долларов Компартии США. Данные, выявленные этой комиссией вскоре после неудачной попытки переворота, свидетельствуют, что КПСС сыграла важную роль в поддержке руководителей переворота. После выяснения этого обстоятельства президент России Борис Ельцин принял в прошлом году решение о роспуске этой партии»³².

Как пишет Гертц, обнародование документов КГБ вызвало претензии к этому расследованию со стороны руководства Русской православной церкви и должностных лиц КГБ, включая Евгения Примакова, возглавляющего внешнюю разведку. «Примаков стал выражать недовольство, и многие руководители КГБ начали оказывать нажим (на Хасбулатова), требуя прекратить расследование, – заявил Пономарев. – Возможно, нам удалось бы найти агентов, работающих в политических организациях, если бы комиссии было разрешено продолжать работу»³³, – добавил он. Якунин также сообщил, что патриарх Православной церкви России Алексей II помешал расследованию, потребовав его прекращения от главы парламента. Хотя многие досье КГБ были уничтожены должностными лицами этой организации после августовской попытки переворота, комиссия выяснила, что сотни тысяч сотрудников КГБ и завербованных ими агентов продолжают свою деятельность.

«Мы обнаружили, что существует серьезная угроза в самом КГБ, поскольку никто фактически не осуществляет контроль за деятельностью этой организации, даже парламент, – отметил Пономарев. – Стало очевидным, что никто не может сказать нам, каким образом контролируются операции по подслушиванию, кто этим занимается или кто имеет право санкционировать такие операции». Экс-глава парламентской комиссии также сообщил, что, как выяснилось в результате расследования, большинство генералов бывшей Советской армии поддержали попытку переворота. Но они по-прежнему занимают командные посты в вооруженных силах Содружества Независимых Государств»³⁴.

Я был предельно возмущен этой акцией, которая, безусловно, имела форму прямого нарушения закона. Сначала потребовал от своего заместителя Сергея Филатова обеспечить приемку от Пономарева «доклада», переданного им американцам, и всех материалов, находящихся у «комиссии». Но ничего этого не было сделано, – кстати, это была одна из причин (но не единственная), почему я охотно расстался с Сергеем Филатовым.

Пономарев, конечно, мошенник и лгун; он предстал перед главой парламента как «борец с тоталитарной организацией», обманным образом получил доступ к секретным материалам и злоупотребил моим доверием, передал (или продал?) эти материалы иностранному государству. Всё то, что эти два мошенника сообщили газете «Вашингтон пост», не соответствовало действительности. Ни Евгений Примаков, ни Алексей II, ни кто другой на меня не оказывал абсолютно никакого давления. Когда Пономарев предложил свои услуги, речь шла о том, что он и «комиссия», во-первых, «засекретят» все материалы и никаких интервью ни российским, ни иностранным СМИ давать не будут. Во-вторых, он обещал регулярно информировать руководство парламента о ходе работы и получать соответствующие указания по предмету изучения от меня. И на этой основе Президиум может принять

---

³² Гертц Билл. О рассмотрении дела ГКЧП. Washington Post, 3 march 1992.

³³ Гертц Билл. О рассмотрении дела ГКЧП.

³⁴ Там же.

решение по «комиссии». Когда я убедился, что у Пономарева совсем другие цели, я распустил «комиссию». Подлые люди. Какие это правозащитники?

Как Бурбулис выбивал гонорар у американцев – себе и Ельцину

Случайные люди у власти часто совершают такие недопустимые, попросту примитивные действия, что приходится не столько возмущаться, сколько поражаться их наивности и жадности. Приходится поражаться их жалким попыткам выдать элементарное стяжательство как некий государственный акт. Стенограмма беседы Геннадия Бурбулиса с представителями американского телевизионного бизнеса по поводу съемок художественного кинофильма об августовских событиях 1991 года (с героизацией трусливого президента), опубликованная популярной газетой, хорошо иллюстрирует эту мысль.

Эта беседа дает возможность заглянуть в «святая святых» связей высокопоставленных политиков-демократов с американцами, высветить их подлинное нравственное лицо на примере одного из тогдашних типичных представителей «демократического истеблишмента» – Геннадия Бурбулиса. Его нередко называли «серым кардиналом», «главным идеологом», «лучшим демократом». Публикуемый материал наглядно показывает, что в лице Геннадия Бурбулиса выступала весьма посредственная личность, скрупулезно выторговывающая для себя как можно большее денежное вознаграждение «за участие в кинофильме». Он, хвастаясь тем, что «знает себе цену», торгуется с американцами буквально по каждому пункту договора; в этом ему помогал адвокат А. Макаров. Ныне успешный депутат Государственной думы и телеведущий (кстати, один из лучших, на мой взгляд). Но не о нем речь. А о «сером кардинале», который с важным видом говорит о мировоззренческой значимости событий «августа-91». Посмотрите, как он, исполняя роль верного слуги Бориса Ельцина, внушает американцам, что они будут иметь дело с человеком, сыгравшим «выдающуюся» роль во всей «реформаторской истории». «Выбивая для президента» максимальную оплату за участие в кинофильме, он торгуется, мелкий торгаш. Бурбулис намекает, что у Ельцина много других хороших предложений и что в этой связи американцы не должны скупиться, определяя сумму вознаграждения – он просит «поднять планку» для президента³⁵.

Перед американцами Бурбулис достаточно откровенен. Он не скрывает своего мнения о президенте как «азартном» человеке. И подсказывает бизнесменам, как эту черту характера использовать с точки зрения составления «договора». Одним словом, перед нами любопытный документ «их нравов». Читая его, пусть каждый сделает соответствующие выводы накануне референдума, писал тогда журналист Борис Славин³⁶.

Бурбулис Г.Э.: Господа, уточним, пожалуйста, что речь идет о двух видах партнерства: это непосредственное интервью очевидца и работа с теми «кусками» сценария, где вы меня, как эксперта, цензора, можете привлечь откорректировать. Это так?

Дэвид Гамбург: Да...

Макаров А.М.: По пункту 5 я бы предложил изменить систему оплаты. Я бы предложил почасовую оплату. Я думаю, что это могло бы более точно отразить степень участия консультанта в работе. (То есть с самого начала попытка обеспечить «вознаграждение» Бурбулису. – Р.Х.)

Джерри Шектон: Мы согласны с тем, что за консультантские оплата будет увеличена. И все консультации, которые вы будете давать нам в будущем, они будут делаться в том же плане. Я имею в виду размеры гонорара. (Ну вот, Бурбулис уже обеспечил себе «гонорар». – Р.Х.)

---

³⁵ См.: Славин Борис. «Правда», 24 апреля, 1993.

³⁶ Там же.

Макаров А.М.: У меня есть еще одно предложение, но это тот вопрос, где первое слово принадлежит не юристу, а владельцу прав. Я бы предложил обсудить вопрос о возможности выплаты консультанту процентов от использования фильма. (Планка оплаты для Бурбулиса поднимается.)

Бурбулис Г.Э.:... Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли, но учитывая все: и масштаб замысла, и солидность авторского коллектива, и то, что я сказал в наших обсуждениях, что хорошо знаю цену своим собственным достоинствам, – я прошу вас посмотреть относительно увеличения исходной суммы. Не предвосхищая ни масштабов, ни размеров, оставляю это все на ваше профессиональное усмотрение... (Это разве не вымогательство? Это не могли не знать Макаров и Бурбулис! – *Р.Х.*)

Джерри Шектон: Вы подписываете договор. Мы отвозим его в США, где он также подписывается г-ном... Потом мы привозим этот договор в Россию. Мы можем перевести деньги на любой ваш счет, который вы укажете. (Кажется, с «гонораром» Бурбулиса все ясно! Теперь можно перейти к Ельцину. – *Р.Х.*)

Бурбулис Г.Э.:... Теперь – предпоследний пункт... Речь идет о выдающемся человеке. Нужно переписать этот пункт чуть иначе, как-то так, что, прекрасно понимая выдающуюся роль президента Ельцина во всей российской реформаторской истории и прежде всего в этих ключевых событиях, мы убеждены, что та задача, которая поставлена фильмом, без его доброго и сочувственного участия в принципе не решаема. Сделать какой-то такой «пас», который бы его заинтересовал.

Второе. В письме вскользь сказано, что это может быть одним из главных мотивов. Речь идет о том, что эти события, произошедшие в России в августе 1991 года, имеют мировое значение, мировые последствия... Не надо стесняться...

Джерри Шектон: Геннадий Эдуардович, могли бы вы взглянуть на договор, который мы предлагаем Борису Николаевичу? Он здесь...

Бурбулис Г.Э.: Пункт 4. Мне трудно тут стиль соблюсти, поскольку речь идет о юридическом документе, но если возможна вот такая редакция: «ХЕП считает, что наиболее точное отражение событий во всей их исторической значимости в «серии фильма» невозможно без сотрудничества с президентом Ельциным»...

Джерри Шектон: Что касается гонорара. Мы думали предложить 100 тысяч долларов.

Бурбулис Г.Э.: Не знаю, как я вам тут помогу. Есть три этапа в вашей задаче. Первый этап – втянуть. Второй – заинтересовать работой. Третий этап – определить цену. Это тот случай, когда иногда поступают наоборот... (То есть – предлагают цену и лучше – высокую, побольше денег! – так можно понять Бурбулиса! – *Р.Х.*)

Дэвид Гамбург: Геннадий Эдуардович, вы думаете, что сама стилистика договора с точки зрения этики написана достаточно правильно?

Бурбулис Г.Э.: Не совсем. С другой стороны, я знаю, что президент сейчас работает над книгой и, естественно, имеет приличные предложения на этот счет... (Элементарная базарная торговля! Наш президент – азартный человек. И есть опасность, что он увлекается. Если мы сразу указываем 20 часов, то это может показаться чрезмерно много. Надо корректнее, избежать этого... Это пункт 1. Далее, пункт 2. Вы ставите условие, достаточно такое по стилю не очень корректное. Это же самое можно сказать совершенно иначе. Вы здесь прописываете условия, требуемые для вас. А надо сформулировать это иначе, не в виде условий президенту... Президент соглашается (по величине гонорара? – *Р.Х.*)»³⁷.

Какой хитроумный этот Бурбулис! Видимо, забыл он, как я встряхивал Ельцина в первые часы августовского переворота, деморализованного и сдавшегося, заставляя его собраться. А затем он же, Ельцин, хотел сбежать в американское посольство и уговаривал

---

³⁷ Славин Борис. «Правда», 24 апреля, 1993.

меня сесть в машину! И только мой решительный отказ бежать заставил его отступить от этого позорного поступка. Тогда он... опустился в подвалы Белого дома... для борьбы с ГКЧП! Обо всем этом, конечно, Бурбулис не говорил американцам и не планировал отразить в сценарии для американского ТВ. Его интересовала только величина гонорара, причем для себя в первую очередь.

Эти «люди Ельцина», несомненно, были жадными (как вчерашние бедняки), но они были необычайно щедрыми в разбазаривании государственных средств. Вот, скажем, председатель Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом А. Чубайс на своем именном бланке пишет письмо главе администрации Смоленской области В. Фатееву: «Госкомимущество России считает возможным премировать главу администрации Смоленской области по итогам выполнения программы приватизации третьего квартала...» Дальше был такой машинописный текст: «...из расчета не более одного должностного оклада в месяц». Чубайс эту строку зачеркнул и собственноручно начертил сумму, в три с лишним раза превышающую должностной оклад. Через полтора месяца В. Фатеев получил за ту же приватизацию еще 85 тысяч рублей. Огромные суммы были выданы дважды за последнее время за те же «заслуги» двум десяткам руководителей области, среди которых – заместители главы администрации, директора департаментов и другие «ответственные лица», включая начальника налоговой инспекции Г. Бояринова, директора департамента юстиции В. Бахрушина...³⁸

В январе 1993 года приказом заместителя главы областной администрации, председателя Комитета по управлению имуществом В. Кушевского (кстати, сам он получил 153 тысячи рублей) были премированы 54 сотрудника. Но в этом же приказе девять человек, уже зафиксированных в документе, поощрены еще одной кругленькой суммой, каждый – «за сложность выполняемой работы, ее качественное исполнение и достигнутые успехи в процессе приватизации». Получилось, что за одну и ту же распродажу государственного имущества одни и те же лица дважды в один и тот же день прикарманили солидную деньгу. Не зря в местном «Белом доме» чиновники с завистью смотрят на сотрудников имущественного комитета и говорят о них так: «Белая кость, толстосумы...»³⁹ Артеменко обоснованно пишет, что удивляет щедрость ведомства А. Чубайса, которое разрешает платить ответственным руководителям и чиновникам, кроме зарплаты, огромные деньги за их же непосредственные обязанности, то есть за распродажу государственной собственности, то есть нашей с вами собственности, между прочим. Надо полагать, премии получают не только в Смоленской области, а по всей России. В то время как миллионы россиян нищают, тысячи администраторов и их прислужников гребут ежеквартально из государственной казны в собственный карман солидные суммы, как говорится, ни за что ни про что. Вот вам и демократы, которые на всех перекрестках трубят о борьбе с привилегиями! На поверку же оказывается, что все эти заявления – просто лицемерие нечистых на руку дельцов, волей случая оказавшихся у большой власти. Без морали и нравственности, без соответствующего образования и профессиональной подготовки, без понятий о чести и долге. Просто – жулики.

---

³⁸ См.: Славин Борис. «Правда», 24 апреля, 1993.

³⁹ См.: Артеменко Виктор. Премии за грабеж. «Правда», 4 апреля, 1993.

Глава 4

Начало движения по «скользкому» пути

Из истории Союзного и Федеративного договора: разные подходы к разработке

Подготовленный в Верховном Совете и подписанный 30–31 марта Федеративный договор надо было конституировать на VI съезде народных депутатов. Это была сложная задача, поскольку и в окружении президента, и среди парламентариев были влиятельные группы, которые выступали противниками договора: одни откровенно ревновали успех руководства парламента, другие были органическими его противниками. В этой связи напомним, на базе каких теоретико-методологических конструкций был создан этот доклад и какие различия я приводил между Федеративным и Союзным договором еще в 1990 году. Их я изложил еще в своем докладе на III съезде. Ниже приводится текст этого доклада.

«...История Союзного договора, во всяком случае для меня, началась на I съезде. Если вы помните, я, вновь избранный заместитель председателя, был сразу же послан в комиссию, которая заседала здесь, в Кремле, и где определялись контуры, какие-то подходы к этому новому Союзному договору. Если говорить откровенно, у меня это вызывало очень много вопросов. Ведь фактически первый Союзный договор 1992 года был поглощен Конституцией 1924 года, а затем была еще и сталинская Конституция СССР 1936 года (зачем нужен был какой-то «новый Союзный договор», когда можно было избрать путь внесения изменений в Конституцию СССР от 1978 года?).

Но, так или иначе, процесс автономного движения Союзного договора начался по инициативе М.С. Горбачева. И я не уверен, что длительные баталии вокруг Союзного договора, да и нашего Федеративного договора, могут содействовать стабилизации общества. Скорее всего, наверно, правильнее был бы путь конституционных изменений, то есть внести изменения в Конституцию СССР и Конституции союзных республик, но почему-то избран иной путь конституционного государственного переустройства. Что же, если процесс обсуждения проекта нового Союзного договора уже начался, наверно, будет правильным наш вклад в его благополучное завершение.

Историю этого вопроса можно разделить на два этапа. Первый – это приблизительно до середины сентября 1991 года, когда в работе участвовали только руководители союзных республик. Тогда перед нами стояла задача: какой новый Союзный договор предложить для того, чтобы сохранить все 15 республик, – то ли в форме существующего Союза, то ли некоего Содружества, то ли еще в какой-нибудь иной форме?

Столкнувшись со множеством точек зрения, как мне представляется, союзные власти несколько охладели к самой идее нового Союзного договора. Затем – новая активизация, где-то с ноября 1990 года, когда мы в Верховном Совете России плодотворно трудились над проектами нормативных актов и принимали, на мой взгляд, очень сильные законы, обеспечивающие Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. В этот период вспомнился закон, принятый Верховным Советом СССР от 26 апреля 1990 года, в соответствии с которым субъектами СССР являются не только союзные, но и автономные республики. Тогда некоторые руководители автономных республик были введены в состав Совета Федерации, который возглавляется Президентом СССР М.С. Горбачевым. И вот «обновленный» Совет Федерации СССР уже начал работать на новой основе, и, естественно, задача значительно осложнилась. Осложнилась она в силу двух причин.

Во-первых, потому, что стали участвовать разноуровневые республики, имеющие разные представления о том, что это за новый Союзный договор. Некоторые из них хотели только участвовать и быстрее подписать его, не особенно (я должен быть откровенен с вами) вникая в суть документа. Они входят в состав РСФСР, и их лидерам очень хотелось бы «стать рядом», а не считаться «частью России». Таким образом, союзные власти уже совершили одну огромную ошибку.

А во-вторых, задача осложнилась и в силу объективных обстоятельств. С одной стороны, огромная Россия, регионы которой тоже представлены членами Совета Федерации. С другой – большая Украина, которая является одним унитарным целым и имеет одного представителя, так же как Белоруссия, Казахстан, Узбекистан и другие союзные республики. Поэтому уяснить, каким видится этот Союзный договор каждому из субъектов СССР (часть которых «двусубъектна»), задача исключительно сложная. Не менее важно с точки зрения республик России и то, как, каким образом будет подписываться этот Союзный договор.

При работе над проектом договора мы исходили из следующих постулатов. Во-первых, еще на первом этапе работы у нас была договоренность на самом «верхнем» уровне – не выносить на обсуждение свои собственные проекты как альтернативные. Поэтому мы были связаны этим обязательством и работали над президентским проектом (горбачевским), в котором после каждой встречи действительно дорабатывались отдельные моменты, текст улучшался. Во-вторых, мы взяли за основу то, что предложено, и то, что согласовано с другими союзными республиками. Идти путем кардинального разрушения и стремиться вновь создать документ и пытаться его предложить всем – мне кажется, это затянуло бы процесс, повело бы не к единению, а к разрушению единства.

Поэтому мы пошли путем определенного улучшения самого текста документа. Конечно, вы, наверное, видите его недостатки, незавершенность, но главное – он носит компромиссный характер. В его разработке принимали участие и наши республики, и большинство членов Комиссии, созданной предыдущим II съездом депутатов специально по Союзному договору. Мы считаем, что должна быть Единая государственная комиссия (делегация), в которую входят делегации наших республик и непосредственно в рамках которой подписывают этот договор. Тогда мы, естественно, не ставим в неловкое положение республики, которые объявили, что они будут подписывать этот договор самостоятельно и непосредственно. Но есть и другая сторона вопроса, которую нам следует обговорить и с общесоюзными властями, и с союзными республиками. Потому что остается возможность для противоречий в будущем из-за неопределенности, например, совместных полномочий союзных республик, с одной стороны, и союзных властей – с другой. С чего начался наш съезд? С ввода войск в Москву. С обсуждения вопроса: почему управление милиции, находящееся в введении Моссовета, узурпировано Президентом СССР? Согласитесь, что если бы точно была определена компетенция РСФСР в сфере правоохранительной деятельности в том, какие органы кому подчиняются – СССР или РСФСР, – разве могла бы возникнуть такая ситуация? Так вот, теперь задайте себе вопрос: кому выгодно затягивать подписание нового Союзного договора? Неужели нам, России? Да нет, конечно. И у руководства Верховного Совета РСФСР никогда не было стремления затягивать этот вопрос. Речь шла не о том, быть или не быть договору. Мы всегда были «за». Но каким быть Союзному договору? Вот этот вопрос для нас всегда был и остается главным. Какова компетенция Центра и республик? Какова сфера их полномочий? Вот об этих вопросах, мне кажется, мы должны иметь полное представление и в этих вопросах поддерживать и Верховный Совет, и его руководство, с тем чтобы в полной мере материализовать те положения, которые заключены в Декларации о государственном суверенитете РСФСР и в декларациях наших внутренних республик, с которыми (больше чем уверен) мы согласуем все вопросы (на базе развития федеративных отношений).

Для нас, российских властей, Федеративный договор имеет особое значение, учитывая сложность структуры и состава субъектов РСФСР. При этом задача подготовки документа осложняется и тем, что этот вопрос неразрывно связан с проблемой разработки и подписания Союзного договора. Принципиально важной является связь договора и с будущей Конституцией России. Наш договор должен стать примером для многонациональных республик, указать пути, средства и инструменты диалогового политического урегулирования национальных трений и грозно нарастающих этнических конфликтов на всем пространстве СССР. Надо отметить, что представленный текст проекта договора выгодно отличается от предшествующих, а их было множество. По моему мнению, перед нами проект, вполне заслуживающий внимания депутатов съезда, их серьезного обсуждения. Здесь возникает фундаментальный вопрос: чего мы хотим от этого «договора»? Со времени образования Союза ССР в Российской Федерации была принята модель построения, основанная на двух разновидностях автономии: национально-государственной форме (республика) и национально-территориальной (область, округ). Проблема требует серьезного аналитического осмысления.

В отличие от СССР и просуществовавшей до 1936 года Закавказской Федерации, РСФСР не определялась как Договорная федерация. Входящие в нее автономии строили свои отношения с российскими федеральными структурами не на договорных, а на конституционно-правовых началах. Таким образом, речь идет о двух качественных особенностях, характеризующих формирование государства: 1) на договорной основе, 2) на конституционно-правовой основе. Истории федеративного строительства РСФСР известен лишь один случай заключения договора с вошедшим в последующем в ее состав субъектом – Башкирией (в 1918 г. между ВЦИК и правительством Башкирии было достигнуто соответствующее соглашение о ее независимости).

Проект же Федеративного договора на первый план выносит идею договорно-правовой федерации как союзного государства, то есть «договорный элемент», дополняющий конституционные начала. Применительно к РСФСР эта идея воспринимается, конечно, неоднозначно. Не приведет ли этот процесс к распаду РСФСР как единого государства? Этот исключительной важности вопрос должен быть в центре внимания при обсуждении проекта. Ведь Конституция РСФСР как федеративного государства не предполагает возможности выхода из его состава какой-либо республики, являющейся частью этого государства. Если же перейти на договорную базу федерации, принцип выхода явочным порядком закрепляется. Это надо иметь в виду. И поэтому идея «договорной» Федерации не является базой Федеративного договора, но она выступает важным структурным элементом Федеративного договора. Это своего рода политическая декларация с соответствующими принципами.

В связи с изменением почти всеми автономиями своего статуса, утверждением в них государственного суверенитета возникла совершенно новая в качественном отношении ситуация. При этом соотношение «союзной республики (РСФСР) – и ее республики (автономии)» по вертикали еще не полностью определено. Поэтому предлагаемый Федеративный договор, если бы в нем оказались четко сформулированы компетенции, по-видимому, мог бы стать тем документом, который определил бы и, главное, стабилизировал статус субъектов РСФСР, гарантии их суверенитета (хотя и ограниченного), разграничивая полномочия между Федерацией и ее субъектами. Общая численность субъектов, с которыми, возможно, предстоит заключить договор, составляет 86 единиц – 16 республик, 5 автономных областей, 10 автономных округов, 6 краев и 19 административных областей...

Хотел бы обратить ваше внимание на следующий момент – проект Федеративного договора снабжен подзаголовком «Договор о разграничении компетенции между Федеральными органами власти и субъектами РСФСР». Сторонами договора, следовательно, выступают единицы разной категории: федеральные органы власти, республики (государства), автономные области и округа, административные области и края. Включение в круг субъ-

ектов договора таких звеньев административно-территориального деления, как область и край, имеет целью максимально уравнивать их в правах с республиками и иными автономными образованиями в плане социально-экономического развития. Но в то же время очевидно и то, что договорное предоставление всем территориальным единицам Российской Федерации равных прав не может на практике, в реальной жизни, обеспечить их равноправное участие в делах РСФСР как единого государства, поскольку для достижения этого равенства необходимы, по крайней мере, следующие условия.

Первое. Равные полномочия во всех сферах государственного регулирования, а не только в социально-экономическом строительстве.

Второе. Равные (с республиками) обязанности всех других субъектов Федерации, равная ответственность за состояние дел в РСФСР вообще (не только в социально-экономической сфере).

Третье. Равные представительства в органах власти и управления, иных федеральных институтах и структурах.

Другая особенность: в проекте Федеративного договора отождествлены два разных вопроса.

Прежде всего необходимо обеспечить, во-первых, разграничение предмета ведения между Федерацией и ее субъектами, во-вторых, разграничение компетенций между отдельными видами федеральных органов, с одной стороны, и между отдельными видами органов субъектов Федерации – с другой стороны. И хотя эти вопросы взаимосвязаны, они принципиально разные, потому что компетенция выступает как атрибут государственного органа, а полномочия, то есть предметы ведения, – это свойство государства, обусловленное государственным суверенитетом. Перевод отношений внутри Федерации на частично договорную основу взамен абсолютному конституционно-правовому их регулированию не снижает, а в ряде конкретных случаев обостряет проблему нормализации деятельности государственных институтов и создает угрозу верховенству актов РСФСР на ее территории, даже если будут определенным образом разграничены сферы полномочий в иерархии «РСФСР – ее республики». Поэтому мы этого делать не будем.

Самой сложной является проблема гарантий прав субъектов Федерации. Дело в том, что закономерности государственного строительства неизбежно предопределяют не только развитие процессов интеграции по горизонтали, но и соподчинение по вертикали, прежде всего в рамках единой правовой системы, которая имеет в последнее время тенденцию к разрушению, что недопустимо. Но, однако, к этому ведут многие конкретные действия властей республик России. Для РСФСР в связи с процессом суверенизации бывших автономий проблема обеспечения сочетаемости российской, то есть федеральной, и республиканских (автономий) правовых систем, в том числе и на уровне конституционного урегулирования, сильно осложнилась...

В проекте договора записано, что все субъекты РСФСР в рамках полномочий, определенных данным договором, владеют государственной властью на своей территории. Власть – это общественно-политическая категория, она всегда и во всех случаях производная от суверенитета народа. Носителем его в первую очередь является сам народ. Государственные же органы, выступающие носителем и выразителем этой власти, производные от народа, и в них народ материализует свой суверенитет.

Представляется методологически неверным, несвойственным самой государственной организации искусственное ограничение полновластия народов путем закрепления за субъектами РСФСР лишь владения государственной властью. Более адекватна государственному суверенитету и самоуправлению идея полновластия народа и его представительных органов на соответствующей территории субъектов Федерации, но опять-таки в рамках конкретной компетенции. Этот вопрос, по-видимому, остается наиболее сложным и в представленном

проекте Федеративного договора. Поэтому здесь исключительно важно точно зафиксировать правовую компетенцию на разных уровнях суверенитета: союзная республика, республика, область, край.

Субъекты Российской Федерации равноправны по основополагающим политическим и экономическим правам, но при этом могут отличаться по объему делегируемых полномочий. Из этого положения не совсем ясно, что понимать под «основополагающими правами». Сама же классификация политических и экономических прав оставляет открытыми вопросы социальной, культурной, гуманитарной, административно-политической сферы. Предусматривается возможность дифференциации объема делегируемых субъектами Федерации полномочий, но не даны пока что принципы и механизмы решения вопросов о делегировании полномочий.

Компетенция РСФСР, ее субъектов подразделяется на собственно предметы ведения Федерации и совместные сферы ведения. Вопросы, отнесенные к совместной компетенции, предполагается решать при взаимном согласии с заинтересованными субъектами с последующим оповещением остальных субъектов. Но, согласитесь, расплывчатость этой формулы, необходимость постоянного поиска взаимного согласия заранее создают условия для возникновения новых противоречий.

Все субъекты РСФСР наделяются правом законодательной инициативы, финансовой самостоятельности в определенных пределах. Они могут устанавливать хозяйственные связи с другими государствами и международными организациями в пределах своей компетенции или по поручению федеральных органов РСФСР. Но при этом не следует забывать, что РСФСР как государство – это целостность и единство организма, который, в свою очередь, входит в Союзное государство и имеет свои ограничения в суверенитете.

Переход РСФСР на элементы договорной Федерации невозможно осуществлять вне контекста реальной общественно-политической ситуации и положения в сфере национально-государственных отношений. Провозглашение почти всеми бывшими автономными республиками своего государственного суверенитета, отказ от статуса автономий, преобразование ряда автономных областей, округов и республик – все это качественно изменило многие традиционные представления о правосубъектности РСФСР...»

Вместе с тем я предупредил, что вряд ли стоит самообольщаться этим, «поскольку даже расширение элементов федеративности в правосубъектности объективно не ведет к приобретению больших прав – права РСФСР не могут быть неограниченными. Так же как РСФСР не может делегировать права своим субъектам безгранично. Ограничения возникают там, где маячит опасность для единства и целостности России. Это абсолютный факт; причем в силу как разнородности конституционных статусов, так и логики сохранения государственного единства и целостности Российской Федерации. В договоре пока не удалось предусмотреть механизмы, структуры и методы реализации полномочий. РСФСР является субъектом СССР, субъектом СССР ныне стали и республики, входящие в РСФСР, поэтому согласование интересов этих субъектов в федеральных институтах власти и управления – это сложная задача, и пока что в проекте договора мы не нашли решений.

Я специально остановился на таких, может быть, методологических, глубинных противоречиях проекта договора. И хотя я предлагаю одобрить проект этого договора, я хотел обратить ваше внимание на внутренние противоречия этого документа, неспособного в целом решить проблемы государственного устройства ни СССР, ни РСФСР – надо еще немало поработать над ним. Дело в том, что, если не будет обеспечена внутренняя целостность и СССР, и РСФСР как единого государства – множить договорные отношения внутри страны и между субъектами РСФСР вряд ли целесообразно. Поэтому идея заключения множества перекрестных, разных по типу договоров между субъектами РСФСР – это тоже не самый лучший путь для снятия противоречий. Здесь все-таки лучше идти от договорно-кон-

ституционной базы через постепенное изменение Конституции – то есть собственно конституционной реформы. Мы этот путь уже избрали на Верховном Совете. И если вы наблюдали, скажем, осенне-зимний период работы, то видели, что мы в каждый закон включали элементы конституционно-правового законодательного изменения и формирования новых отношений между РСФСР как целым и субъектами – областями, краями и прежде всего республиками, обладающими своими особенностями, – как составными этого целого. Я также высказался в том смысле, что «федеративный характер России определялся не краями и областями, а республиками, которым еще Конституцией 1936 года была придана форма государств. Если мы идем по пути выравнивания социально-экономических положений республик и областей (краев), то с политическим статусом мы не должны допускать каких-либо изменений.

И еще одно, самое главное, на мой взгляд, условие сохранения единства России как государства – это рынок. Подчеркну, что быстро, решительно надо осуществлять перевод экономики на рыночные отношения, иначе будут развиваться процессы распада, дезинтеграции. И не от хорошей жизни пытаются республики и области замыкаться в себе, а от экономической нестабильности, от разрухи, от апатии населения, связанных как раз с нерешенностью социальных проблем. Поэтому очень быстрое и динамичное движение к рыночным отношениям способно экономически связать наши области, республики, все регионы в единое целое – это то, что есть Российская Федерация».

Таковыми были мои концептуальные подходы к Федеративному договору еще в конце 1990 года, которые позже легли в его основание, подписанному 31 марта 1992 года. Достижение согласия со всеми провинциями страны (кроме Татарии и Чечни) было выдающимся успехом Верховного Совета. В этой работе мне особенно мощно помогал мой заместитель – Юрий Яров, а также Юрий Воронин; научные сотрудники-юристы из Института сравнительного правоведения, МГУ и других университетов помогали формулировать положения.

Еще в период разработки договора важнейшим был вопрос, состоящий в определении актуальнейшей задачи: какой народ или народы следует признать государствообразующими? Конечно, сразу же срывался готовый ответ – русский народ! Но при такой трактовке этого вопроса усиливалась спекуляция вокруг «коренного народа» и якобы «пришлого», не имевшего отношения к созданию русского многонационального государства. Как бы создавалась некая база для упреков в шовинизме, с одной стороны, с другой стороны – для наращивания сепаратистских настроений.

Методологически и исторически такой подход, мне казалось, был неверным и в силу того, что многие народы современной России проживали на своих нынешних территориях (и не только!) задолго до того, как сформировался русский народ как нация. Это относится, например, к некоторым народам Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока. И говорить о том, что «там не было государства», – это было примитивизмом, усугубленным еще царистскими колониальными историками, которые стремились показать «цивилизаторскую миссию империи». Этот подход использовали позже и советские историки (хотя и сегодня их критикуют за марксистскую традицию в истории).

На деле история государств некоторых народов России, например, Чечни, относится еще к античным временам. И выводить их за «скобки образования Русского государства» – это антиисторический подход. Но, к сожалению, он практикуется. Вот пример: 4 ноября объявили Днем восстановления русского единства, когда в 1612 году прогнали поляков Лжедмитрия I из Кремля. Стоит памятник Минину и Пожарскому – освободителям. А где упоминание татарско-башкирской конницы, где упоминание горских всадников князя Черкасского (который, кстати, первым бросил клич «похода на Москву»)? Без них никакие Минины и Пожарские не смогли бы освободить Москву! Все это хорошо описано в историческом романе Загоскина, который, кстати, очень любил А.С. Пушкин.

Все эти малые народы (или многие из них) проявили высокую активность при создании Русского государства. К примеру, татары и башкиры, имеющие свою тысячелетнюю историю, да и другие народы, например, удмурты, якуты и т. д. И первые, и вторые, и третьи, и четвертые вместе с русскими вели войны против многочисленных противников, желающих покорить богатые территории Руси, по крайней мере начиная с писаной истории⁴⁰.

Поэтому государствообразующими народами России – с точки зрения исторических, культурно-ценностных, национально-этических и политических предпосылок и условий – правильно считать все народы России, столетиями проживавшие на своих современных землях, это – их земля, их родина, как и Российская Федерация – родина всех ее народов.

Критики

Федеративный договор даже сегодня подвергается ложным толкованиям и непрофессиональной критике. Вот, например, один из таких критических подходов. Мой давний друг со студенческих времен в МГУ Гавриил Попов пишет, вспоминая некоторые факты из истории этого выдающегося документа:

«Когда готовили Федеративный договор, я, тогда еще мэр Москвы, говорил Б.Н. Ельцину, что этот договор повторяет в России модель СССР. Отличие только в том, что в СССР был «многоэтапный вариант»: союзные республики, автономные области, национальные округа, а теперь в России все национально-территориальные субъекты равноправны.

Я говорил Ельцину, что Россия – не итог договора ряда народов, она создавалась именно русскими, которые то добровольно, то силовыми методами включали новые национальные части в Россию. Поэтому Россия должна быть единым государством, а проблему ее народов надо решать совершенно на иных, чем территориальные, принципах.

Ельцин со мной не согласился. В итоге для одних народов рамки Федеративного договора оказались «не по плечу» большими, а для других – как Чечня или Татарстан – недостаточными. А третьим – евреям, полякам, грекам, корейцам, немцам и т. д. – вообще не нашлось места в структуре Российского государства. Расплата наступила сразу же – в виде войны в Чечне»⁴¹.

Вроде бы логичное, здравое рассуждение, если бы не одно существенное «но». Весь пафос «беседы» имеет тревожные значения, поскольку Ельцин вообще не занимался Федеративным договором: ни он сам, ни его подчиненные, ни его правительство. Они там, в Кремле и в правительстве, не имели даже понятия о том, как идет эта сложная работа. Видимо, и Попов этого тоже не знал. А ситуация была тревожная: стараниями «демократов-реформаторов», уничтоживших СССР (8 декабря 1991 г.), зимой – весной 1992 года замаячила огромная тень, несущая гибель уже собственно молодой российской государственности. Как минимум четверть республик, областей, краев – уже не просто мечтали о «полном суверенитете» (не только Чечня и Татарстан); были провозглашены Дальневосточная, Сибирская, Уральская республики и т. д. У федерального Центра не было ни силового элемента, ни денег, чтобы нейтрализовать этот убийственный процесс, – нужны были только серьезные, терпеливые переговоры с лидерами регионов; Кремль и правительство безучастно наблюдали за ним. И лишь чрезвычайно активная позитивная деятельность руководства Верховного Совета привела к принятию Федеративного договора как концепции единства Российской Федерации, пусть даже с элементом «Договорной Республики». Не

---

⁴⁰ См., напр.: *Олжас Сулейменов*. Аз и Я. Алма-Ата, 1979; *Лев Гумилев*. Древние тюрки. М., 2002, и др.

⁴¹ *Г.Х. Попов*. Предупреждение Марка Розовского. «Московский комсомолец», 29 октября, 2014. С. 4. Марк Розовский активно выступил против расправы ельцинистов с Верховным Советом 3–4 октября 1993 года, резко критиковал Ельцина. Этой позиции он остается верен и сегодня.

подписали только Чечня и Татарстан, но это уже было не особенно важным; был уверен – скоро и они подпишут. Подписание договора было выдающимся политическим, экономическим и социальным достижением, которое, кстати, мгновенно оценил Ельцин, позвонив мне и поздравив.

В ходе работы над проектом документа я десятки раз встречался с президентами республик и председателями их Верховных Советов, областных и краевых Советов, губернаторами, мэрами, выдающимися учеными-конституционалистами и иными влиятельными людьми, убеждая их принять активное участие в этой работе. И только мэр Москвы почему-то не принимал в этом участия; но, как он пишет, высказал свои опасения президенту, о которых он сообщает спустя более двадцати лет после события. Причем этот президент никакого участия в подготовке этого исключительно важного для судеб страны документа тоже не принимал, как и сам мэр Москвы Попов. Очень интересно, не правда ли?

Ну, хорошо, нашел мэр «слабое место» в этом договоре (хотя не в отмеченном им было его слабое место, а в совершенно другом, которое Г.Х. Попов «не заметил»). Спрашивается: а как надо было ему действовать? Да хотя бы сообщить тому должностному лицу, которое этим вопросом занимается, и изложить свое видение! Здесь, как видим, у автора нет позитивной позиции. Вообще-то говоря, всех тогдашних демократов-либералов роднила одна общая черта: беспощадно критикуя Горбачева, Рыжкова, а иногда – Ельцина, они никогда не выдвигали собственных идейных конструкций. Даже сегодня не нахожу ответа на эту их загадочную линию поведения – не могу убедить себя в том, что у них не было конструктивных идей. Например, зная хорошо Гавриила Харитоновича Попова со студенческих времен, всегда был уверен, что он – один из умнейших людей и талантливых экономистов страны. Но почему он никогда не предлагал их, например, руководству Верховного Совета? И, судя по его воспоминаниям, не предлагал и Ельцину. А его замечания в части некоторых положений Федеративного договора попросту неверны. Например, причина войны в Чечне – какое это именно отношение к договору? Да ровным счетом никакого. Об этом я много писал в книгах и, наверное, сотнях статей, говорил во множестве интервью.

Возможно, поэтому Ельцин отнесся к неожиданной отставке мэра, мне показалось, даже с каким-то облегчением. Когда я спросил Ельцина: «Почему вы отпускаете Попова?» – он ответил буквально следующими словами:

«Да пусть уходит! Все равно с него толку мало, «заболеет на две недели», а сам пишет очередную книгу!» Я был изумлен.

Другой вопрос: почему Попов, зная, что договор разрабатывается в Верховном Совете, не пришел ко мне (как другие) и не изложил свои сомнения, прекрасно зная, что эта проблема разрабатывается у нас, в Верховном Совете, а вовсе не президентскими людьми?

Но так или иначе, Федеративный договор явился важнейшим звеном, дополнившим многообразную деятельность Верховного Совета в 1992 году. Он сыграл огромную роль в «сцепке» регионов в единую государственно-территориальную целостность. Этого не понял Гавриил Попов, впрочем, как и многие другие аналитики политических событий того времени.

Шутка африканца!

У меня была большая переписка с разными людьми – соотечественниками, и не только; я непрерывно получал письма и телеграммы из множества стран на самые разные сюжеты. Был один забавный случай: какой-то африканский журналист, присутствовавший на моей пресс-конференции, написал в популярной газете своей страны (тогда довольно процветающей) целый очерк обо мне, поместил цветную фотографию, сообщил, что русский спикер молод, холост. Ищет жену-африканку. Вся почта Верховного Совета недели две была зава-

лена письмами от «невест», улыбающихся на всю Сахару на фоне пальм, страусов и прочей живости, – с подробными описаниями своей внешности, быта, семей, образования (большинство из них окончили английские колледжи).

Но это – экзотика. Большинство писем имело прозаический характер, связанный в том числе с обидами и тяжкими размышлениями о нелегкой жизни, разочарованиями в реформах. Я по возможности сам отвечал адресатам и пересылал должностным лицам для рассмотрения.

Но вот одно очень интересное письмо из Италии.

La Repubblica Editoriale S.p.A.
MOSCOW BUREAU
KUTUZOVSKIJ PROSPEKT
DOM 14, KV12
Tel. 2436778
Telex 413485 Rep. SU
*Председателю Верховного Совета
Российской Федерации,
господину ХАСБУЛАТОВУ Р.И.*

Уважаемый Руслан Имранович!

Несмотря на то что уже нет «железной занавеси», Запад и в частности Италия испытывают большой голод в получении достоверной и прямой информации вокруг того, что происходит в России.

Политические и экономические изменения в обществе, которые начались с момента провозглашения Перестройки, возбудили у всех газет и журналов большой интерес.

В результате этого интереса все ведущие западные средства информации расширили численность корпунктов в Москве. Кроме того, все чаще стали приезжать специальные корреспонденты по особым темам. Естественно, поток информации стал несравнимым с тем, который существовал в так называемые времена «застоя». Однако если разрешен вопрос о количестве, то качество передаваемой информации часто искажает реальное положение вещей. Это объясняется тем, что любой журналист, даже самый квалифицированный, видит то, что «хочет» видеть.

Мы считаем, что только прямая информация, а не та, пропускаемая через журналистские «фильтры», помогла бы нашему обществу глубже разобраться в тех сложных макропроцессах, которые происходят в вашем многонациональном государстве.

У нас сложилось впечатление, что Вы, Руслан Имранович, один из немногих политических и государственных деятелей современной России, который говорит прямым языком.

Для нас была бы большая честь, если бы Вы согласились писать для нашей газеты регулярные статьи о тех процессах, связанных с Возрождением России, восстановлением Российской государственности и местом России в современном мире. Очень рассчитываем на Ваш положительный ответ.

С большим уважением,
Виктория Карлуччи-Соколова

Виктория Карлуччи, конечно, знала от своих московских коллег, что я неплохо владею пером, пишу свои книги, статьи, доклады и выступления на Верховном Совете и съездах, а также иных собраниях и форумах, и самое главное – достаточно откровенен в высказываниях личной точки зрения на самые важные изменения, происходящие в России и международных отношениях, размышлениях о будущем. Я написал ей любезное письмо, поблагодарил за предложение и сообщил, что не могу обещать писать для La Repubblica регулярные статьи. Но готов время от времени предоставлять таковые, в том числе такие, в которых могу освещать интересующие газету темы, а также материалы в жанре интервью.

Балканизация России остановлена: трудные судьбы Федеративного договора

...В 1989–1992 годах процессы прямого распада доминировали не только в отношениях между союзным центром и союзными республиками. Лидировала в стремительном развитии этих процессов Россия – здесь публично, с неимоверным пылом разного рода политики обсуждали вопросы о перспективах Уральской, Вологодской, Сибирской, Дальневосточной и иных республик, которые, на их взгляд, должны были стать «преемниками» РСФСР. Не говоря уже о том, что ее автономии, а их было 21, должны были, по мнению тогдашних «демократических аналитиков», получить «полную независимость». Разные «теоретики» той эпохи, чьи взгляды абсолютно доминировали в столичной прессе (дело обстояло приблизительно так, как ныне происходит с идеями кремлевской бюрократии), рассуждали о том, что на «территории РСФСР должна появиться целая группа независимых государств». Высказывание Ельцина в адрес автономий «глотаите суверенитета столько, сколько проглотите...» не было импровизацией – он находился под сильнейшим влиянием взглядов этих людей. Для них некоторые западные лидеры типа Маргарет Тэтчер были непререкаемыми авторитетами. И ее высказывания, что на месте России «должно появиться 15 самостоятельных государств», были восприняты с детским восторгом. Но я тогда занимал слишком сильные позиции во власти, и никто не мог игнорировать меня – поэтому все то, что я говорил, мгновенно публиковалось, обсуждалось и... подвергалось злобному шельмованию в столичной прессе.

У меня в тот период была совершенно другая позиция, покоившаяся на четких классических представлениях о том, что такое государство. С самого начала дискуссий относительно «суверенитетов республик» я публично заявил (можно сделать подборку газет и журналов того периода с моими статьями и интервью на эту тему), что «суверенитет республик, входящих в состав России, может быть достаточно обширным, но ограничиваться тем пределом, когда начинается распад государства Российского. Здесь, по моему мнению, следует руководствоваться отношениями между целым и частями этого целого, то есть между «государством как целым» и «его республиками как частями» этого «единого, целого и неделимого»... «Часть» не может стать равной «целому» – такова логика и диалектика...».

Помнится, возмущенный моей жесткой позицией в этом вопросе, председатель Верховного Совета Башкирии Муртаза Рахимов, человек прямой и честный, на одном из совещаний, которое проводил Михаил Горбачев в Кремле, пожаловался на меня. Он тогда сказал примерно следующее: «Михаил Сергеевич, вы разберитесь с Хасбулатовым. Председатель Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин нам, автономиям, дает столько суверенитета, «сколько мы можем проглотить», а его первый заместитель Хасбулатов отнимает этот суверенитет у нас – он утверждает, что в таком случае следует ждать распада РСФСР, ссылаясь на Аристотеля, Платона и Гегеля. Но нам, республикам, Гегель ни к чему – нам нужен суверенитет...» Горбачев благодушно улыбается, чертит руками круги, говорит, что «поправит Руслана», «не беспокойтесь»...

В общем, дела обстояли очень плохо... Общество, находившееся в шоке, охваченное процессом разложения в результате «гайдаровских» реформ, даже не замечало, что дело идет к стремительному распаду Российской Федерации. Сепаратистская активность Татарии, и особенно Чечни, ее главаря, отставного генерала Дудаева, преподносилась столичной печатью как «героическая борьба с остатками империи». Практически все либеральные издания (выступающие ныне с иных позиций) тогда были переполнены восторженными описаниями каждого жеста, мимики, слов... Дудаева – этого «последнего доблестного солдата империи», ведущего «неравный бой с Хасбулатовым, цепляющимся за... прогнившую Российскую империю...». Таковы были слова и мысли публикаторов этих газет, ныне «забывших» эту свою позицию и полагающих, что История тоже предаст ее забвению. Наивные люди! История ничего не забывает. Уйдут в небытие доминирующие ныне в политической жизни страны ельцинисты, и все станет предметом беспристрастного анализа со стороны теперешних наших ребятишек – студентов, которые сами разберутся в правде 90-х годов.

Несмотря на все баталии вокруг экономической реформы, мы в Верховном Совете не могли не заниматься еще более сложной проблемой, какую представляла собой задача сохранения единства страны. Еще на II съезде народных депутатов, осенью 1990 года, я делал доклад относительно Союзного и Федеративного договоров. Тогда многие мои слова оказались вещими. В частности, мною было сказано, что, «если мы не сумеем в ближайшее время подготовить и заключить Союзный договор, страну ждут большие беды». После распада СССР процессы дезинтеграции перекинулись на Россию – автономные республики требовали чуть ли не полной самостоятельности, области и края пытались также провозгласить себя «республиками», шантаж регионами Центра приобретал всеобщий характер. На это у «центра» было мало сил, а главное – денег.

Слабое до беспомощности, крайне неэффективное и неавторитетное федеральное правительство само являлось источником роста сепаратизма и регионализма республик, областей и краев. И можно со всей ответственностью заявить: если бы центр политического процесса в 1991–1993 годах плавно не переместился из Кремля в Дом Советов – Парламентский дворец, не было бы сегодня единой России. И скорее всего реализовалась бы идея некоего конгломерата полукOLONИальных государственных образований (10–15 субъектов) на территории России, как прогнозировали в своих тогдашних публикациях и зарубежных выступлениях лидеры радикал-демократов. Только такое расчленение России, полагали они, может «окончательно» решить вопрос о «русской империи». Забегая вперед, скажем: этими концептуальными идеями руководствовались они, когда открыто поддержали мятежный режим генерала Дудаева. Они хихикали в прессе, когда грозненские мятежные власти приняли провокационное решение о «лишении депутатского мандата Р.И. Хасбулатова»...

Правительство и президент, столкнувшись с непреодолимыми для них препятствиями, вообще отказались от задачи разработать и подписать более или менее приемлемый Федеративный договор. Страна неумолимо двигалась в направлении распада. Зарубежные печатные органы 1992 года были переполнены статьями, авторы которых, кто с тревогой, кто с оптимизмом, писали о неминуемом хаосе в России, который наступит в результате федерализации Российской Федерации.

Вот в такой обстановке я лично взялся за разработку Федеративного договора, который скрепил бы все субъекты России в едином конституционном акте, в котором были бы четко определены права, полномочия и взаимоотношения на трех уровнях: республики, области и края, автономные области.

Не буду описывать все проблемы и трудности, которые приходилось преодолевать, сообщу лишь, что мне лично приходилось подолгу беседовать со всеми руководителями регионов, согласовывать с ними едва ли не каждый пункт Договора, учитывая при этом временные ограничения. Полагаю, что лишь высокий авторитет парламента, понимание

всей российской провинцией того обстоятельства, что именно парламент в настоящее время выступает единственной дееспособной государственно-политической властью в стране, помогли нам добиться успеха. 29–30 марта в стенах Парламентского дворца состоялось полное одобрение текста Федеративного договора. Он состоял из трех блоков, или трех разновидностей договора.

Первый блок. Это Договор между Российской Федерацией и республиками в составе России.

Второй блок. Это Договор между Российской Федерацией, областями и краями России.

Третий блок. Это Договор между Российской Федерацией и национальными округами и Еврейской автономной областью.

Все они были представлены председателями местных парламентов и главами исполнительных органов власти. И все они, как главы субъектов Российской Федерации, подписали три документа (республики – один, области и края – второй, национальные округа – третий). Таким образом, сторонами договора стали с одной стороны – субъекты Федерации, с другой стороны – Россия, в лице ее центральной власти – Верховного Совета. И соответственно от имени России – центральной власти – все три документа подписал председатель Верховного Совета России, а от имени ее субъектов – главы администраций и председатели соответствующих парламентов (Верховных Советов республик, областей, краев, национальных округов). Все эти три документа в своей совокупности составили ФЕДЕРАТИВНЫЙ ДОГОВОР; он на очередном съезде (VI) народных депутатов был инкорпорирован в Конституцию России. Таким образом, мы скрепили единство и целостность Российской Федерации. Так был разрушен автономный процесс распада Российской Федерации, остановлены процессы ее балканизации, они были повернуты вспять.

И самое интересное – ни у кого из участников этого судьбоносного совещания не возник вопрос: почему этот Федеративный договор не подписал президент Ельцин, не говоря уже о Доме Советов – Правительстве России? Ответ прост: руководители автономных республик, краев и областей раньше других политических и иных сил поняли (в силу своей вынужденной «заземленности»): политическая и государственная власть реально находится в Парламентском дворце, у Верховного Совета, а не в Кремле. До подписания Федеративного договора о таком факте говорили только отдельные аналитики, а с этого момента, 30 марта 1992 года, не понять это было уже невозможно – слишком наглядным было это историческое событие.

Содержанием Федеративного договора являлось точное установление полномочий субъектов Федерации и описание этих полномочий. Тем самым был положен конец долгим спорам относительно предмета ведения полномочий Центра и провинций этого Центра. Отныне политические дискуссии, расшатывающие Россию, прекращались, а в случае возникновения спора начинали действовать конституционные суды.

Это был грандиозный успех (и, несомненно, мой личный успех); и даже не просто Верховного Совета – огромный результат всей нашей государственной политики, выдающееся достижение страны. Успех был достигнут благодаря нашей решительности, динамизму, умению найти компромисс, не выходя за рамки Конституции, уважительному отношению к лидерам всех и каждого из субъектов страны.

В течение двух дней (чуть ли не до полуночи) я и мой заместитель Юрий Яров – не считая наших парламентариев и большой группы ученых-специалистов в области конституционного и административного права – работали с этими руководителями, уделяя им повышенное внимание. В случае затруднения с каким-то конкретным должностным лицом из региона я приглашал его в свой кабинет, шел разговор – и согласие достигалось, и работа продолжалась. В ней не участвовали только руководители двух республик – Татарии и Чечни. Но это я не считал уже большой проблемой – был уверен, что и с ними мы достигнем согласия. «С

«двумя» я как-нибудь справлюсь», – размышлял я, будучи совершенно уверенным в полном успехе всего этого нелегкого предприятия.

Другой фактор успеха – это правильная тактика по отношению к Кремлю. Если бы были «подключены» люди Ельцина – это был бы неминуемый провал. Ельцин поручил бы это «дело» кому-нибудь из чиновников (например, Сергею Шахраю), тот неумолимо начал бы конфликтовать с лидерами провинций. Последние, в свою очередь, раздраженные таким отношением, просто покинули бы Москву. Поэтому я строго запретил Ярову приглашать кого бы то ни было из Кремля, а проекты наших рабочих документов – никому не показывать, если не будет инициативы лично со стороны президента. Эта тактика дала блестящий успех...

Это событие оказало ошеломляющее воздействие на Кремль... Я еще подводил «промежуточные» итоги, выступая перед участниками этого исторического совещания (а в соседнем помещении, там же, на 2-м этаже Белого дома, накрывались столы для торжественного ужина), как мне позвонил Ельцин.

Ельцин: Руслан Имранович, я слышал, что вы успешно завершили работу с Федеративным договором, подписали документ. Это очень хорошо. Но, может быть, я тоже поставлю свою подпись – я ведь президент страны. А тут такое дело, как будто меня и нет... Как вы смотрите на мое предложение? Люди еще не разъехались?

Я: Борис Николаевич, это хорошая идея. Будем считать, что я подписал с руководителями субъектов своего рода «предварительный договор». От имени Российской Федерации подписи мы можем поставить вдвоем. Я не только не возражаю, но и приветствую ваше решение. Но учтите только одно – никакой ревизии документа, иначе все «взорвется».

Ельцин: Я понимаю, уверен, что в тексте все то, что следует отразить, я знаю, что вы все контролировали лично.

Я: Хорошо, Борис Николаевич, дайте нужные указания к торжественному акту.

Ельцин: В таком случае я даю задание, чтобы завтра, 31 марта, в Большом Кремлевском дворце приготовили все необходимое для этого торжественного события.

Я: Согласен, я выделю для оказания помощи Юрия Ярова, пусть с ним свяжутся организаторы. Попросите также пригласить председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, а может быть, и весь состав Суда.

Ельцин: Хорошо, это будет правильно.

Я: Борис Николаевич, надо, чтобы был хороший ужин.

Ельцин (довольный): Конечно, а как же без ужина? Я скажу, чтобы все было на высшем уровне...

Я вернулся в зал – все заметили мой выход в соседний кабинет, ждут. Я сообщил, что звонил Ельцин (они это знали и с тревогой ждали), передает нам всем свою искреннюю благодарность и поздравления. Он приглашает всех в Кремлевский дворец для торжественного акта подписания и дает ужин.

Кто-то спросил: а не будет ли попытки «пересмотра» положения договора? Я успокоил, заверив, что об этом и речи не может идти – я сразу же предупредил Ельцина, что не будем рассматривать содержание. Он ответил: «Согласен! Мне сообщили, что документ хороший. Вопросов – нет!»

Все были необычайно довольны. Их, региональных лидеров, не меньше нас, в руководстве страны, конечно, беспокоила неопределенность позиции Кремля в отношении Федеративного договора. И завершение этой огромной работы с таким согласованным результатом, конечно, рассматривалось ими как выдающийся успех в нашем общем деле по сохранению единства страны. Ведь они по большому счету были искренними патриотами России.

Вечером 31 марта в Большом Кремлевском дворце мы подписали Федеративный договор уже с участием Ельцина и председателя Конституционного суда Зорькина. Помню слова Валерия Зорькина, уже на торжественном ужине:

«Руслан Имранович, кроме вас, никто в стране не сумел бы разработать этот документ и привести субъекты к его подписанию. Вы сами представляете значение того дела, которое вы только что сделали?» Конечно, я понимал.

Затем мы инкорпорировали этот договор на VI съезде народных депутатов в Конституцию страны, и он приобрел конституционный характер. Так была буквально спасена Российская Федерация от грядущего распада, к которому она приближалась, в том числе благодаря ельцинско-гайдаровской деятельности в 1992 году. Мне и ныне кажется, что какие-то могущественные силы планировали расчленение России именно к концу 1992 года.

И вот, в ходе заседания съезда, просит слова председатель Верховного Совета Карелии Виктор Степанов.

Степанов В.Н., Пряжинский национально-территориальный избирательный округ. Республика Карелия.

Уважаемый Руслан Имранович! Уважаемый съезд!

Позавчера состоялось совещание председателей Верховных Советов республик, на котором председательствовал Руслан Имранович Хасбулатов. Мы убедительно просили бы, прежде чем переходить к обсуждению второго вопроса, сделать сообщение о Федеративном договоре, поскольку часть Федеративного договора вошла составной частью в проект поправок Конституции и в проект новой Конституции...

Хасбулатов Р.И., председательствующий: Хорошо, я согласен.

Сегодня утром на Президиуме съезда этот вопрос обсуждали. Но я бы попросил президента Бориса Николаевича – если он согласен – выступить по этому вопросу. Президент внес выдающийся вклад в дело успешного завершения проблемы Федеративного договора. Это наш общий вклад в дело единства страны.

Ельцин Б.Н., Президент Российской Федерации: Уважаемые народные депутаты!

В отношении Федеративного договора.

Да, он рождался очень мучительно, поскольку, когда республики согласны, регионы не согласны, автономные образования – другого мнения, и этот процесс шел очень долго. Но наконец все-таки нашли оптимальное, очень интересное предложение – Федеративный договор в трех разновидностях появился, и его подписали полномочные представители всех республик, кроме Татарстана и Чечни. Но сейчас с ними идут переговоры, и я думаю, что мы найдем такое компромиссное решение, чтобы подписать договор с этими двумя республиками. Может быть, дополнительно предусмотреть для них три-четыре функции. Это будет правильным, хорошим решением, и мы сейчас к этому идем.

Договор подписали представители всех краев и областей, республики. Я считаю, что в связи с подписанием Федеративного договора должны прекратиться все разговоры, которые шли в стране, в России, в мире, в отношении того, что Россию ждет тот распад, который постиг Советский Союз. Тем более что в договоре прямо указано, что он должен быть составной частью новой Конституции Российской Федерации в виде отдельного блока. Я считаю, что договор практически гарантирует сохранность России от распада.

Россия была, есть и будет целой, неделимой и сильной, в этом я убежден! Спасибо⁴².

Р.И. Хасбулатов: Прошу проголосовать: кто за включение Федеративного договора в текст Конституции Российской Федерации?

Результаты голосования

Кворум для принятия решения 525

---

⁴² См.: Шестой съезд народных депутатов Российской Федерации. Т. 2. С. 16.

Проголосовало «за» 848
Проголосовало «против» 10
Воздержалось 40
Всего проголосовало 898
Не голосовало 2

Р.И. Хасбулатов: Большое спасибо! Уважаемые народные депутаты! После такого выступления президента вряд ли есть необходимость специально заслушивать заместителя председателя Верховного Совета Юрия Ярова по Федеративному договору». (*Аплодисменты.*)

Огромный Кремлевский зал заседаний, почти тысяча депутатов, более тысячи гостей, сотни журналистов, дипломатический корпус – все встали, аплодировали. Таким образом, этот Договор стал составной частью Конституции. Это была большая победа. Я еще раз выразил благодарности: народным депутатам, президенту Российской Федерации Борису Николаевичу Ельцину за выдающийся вклад в достижение этой очень большой победы на пути укрепления Российской Федерации как единого федеративного государства!

Пожалуйста, второй микрофон.

Степанов В.Н.: Уважаемый Руслан Имранович, народные депутаты! Уважаемый президент!

Думаю, что выражаю мнение представителей всех республик, присутствующих в этом зале, и хотел бы сказать огромное спасибо съезду за столь дружную поддержку Федеративного договора, который позволяет цивилизованным путем решать те проблемы, которые стоят перед нашим государством на одном из первых этапов его государственности.

И я бы внес предложение (это предложение мы уже вносили, и оно получило поддержку при заключении договора): день подписания договора объявить Днем национального согласия в Российской Федерации. Руслан Имранович, эту часть съезда надо показать в полном объеме по телевидению, по первой программе. Я считаю, что это одно из крупнейших политических событий в жизни Российской Федерации за последнее время. Спасибо! (*Аплодисменты.*)

Постановление съезда народных депутатов Российской Федерации о Федеративном договоре

Заслушав сообщение о подписанном Федеративном договоре – Договоре о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации; краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации; автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации, – съезд народных депутатов Российской Федерации постановляет:

1. Одобрить подписанный 31 марта 1992 года Федеративный договор – Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации; краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации; автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации.

2. Включить содержание Федеративного договора как составную часть в Конституцию Российской Федерации.

Председатель Верховного Совета Российской Федерации

Р.И. Хасбулатов

Москва, Кремль, 10 апреля 1992 года.

Это было важнейшим достижением VI съезда народных депутатов, положившее начало объединительному процессу в Российской Федерации, тогда как с 1989 года развивались сепаратистские процессы в политической и экономической жизни в России (особенно после принятия известной Декларации о суверенитете РСФСР). Они отчетливо стимулировались той экономической политикой, которую сознательно проводило правительство Гайдара – Бурбулиса – Чубайса, при самом непосредственном воздействии американских «специалистов», в том числе агентов разведывательных служб США. Они, несомненно, ставили своими задачами слом Российской Федерации. Эту задачу, возможно, невольно поддерживали и некоторые депутатские группы, а также влиятельные силы в президентско-правительственной власти. На съезде я публично поддержал Ельцина, заявив о его большом вкладе в работу над Федеративным договором, хотя многие депутаты хорошо знали, что ни он, ни правительство не принимало равным счетом никакого участия в этом исключительно важном деле. Но зато мы, сторонники единства России, послужили поддержкой Ельцину, который, увидев успешное завершение этого проекта и, главное, то, что этот проект мощно поддерживался общественным мнением, буквально впрыгнул «в последний вагон» Федеративного договора, создав благоприятную для себя позицию борца за единство России. Но это было неважно, главное было сделано – с того момента сепаратизм и регионализм в Российской Федерации исчезли окончательно и уже не развивались по восходящей линии, да это уже стало даже «не модно» в глазах обывателя.

Глава 5 Начало атаки

С весны 1992 года, когда стали обнаруживаться провалы той модели реформы, которую предложил Гайдар и его американские советники (при полном одобрении со стороны президента), вполне естественно, началась их критика и со стороны парламента. Это вполне ожидаемая реакция, обычная практика в демократических странах. Но и президент, и правительство стали реагировать на эту критику неадекватно. На передний план начавшейся борьбы с парламентом выдвинулся один из наиболее приближенных к Ельцину деятелей – министр печати Михаил Полторанин.

Король лживых измышлений

Михаил Полторанин, министр печати и заместитель премьера, был одним из самых приближенных (как и Бурбулис) царедворцев Ельцина, и он же – непревзойденный лгун и мошенник слова и пера. Так, он выдвинул идею о том, что председатель Верховного Совета... готовит государственный переворот, опираясь на вооруженные отряды, подчиняющиеся парламенту. Эти бредни он высказал в интервью газете «Унита». В этой связи газета полагала эти высказывания не просто необычными, а сенсационными для высокого должностного лица. Она задавалась вопросами: какие цели может преследовать автор подобных обвинений в действительности? Какие последствия для России могут иметь и имеют такие демарши высокопоставленных руководителей страны в столь сложный период?⁴³

Такие вопросы возникали практически всегда после очередного интервью М. Полторанина зарубежным средствам массовой информации. Любопытно, что громкие «разоблачения» со стороны этого должностного лица сопровождались последующим шумом в средствах массовой информации России и зарубежья, тогда как ничего нового они, как правило, не содержали. Идейная основа политических заявлений Полторанина, писала «Нью-Йорк таймс», представляет собою не что иное, как воспроизведение классических образцов из учебников по классовой борьбе. Схема проста: определение главного противника – «вычисление» его вождей – поиск «подпольного» центра, готовящего переворот (заговор)⁴⁴. Цитируем автора (материалы ИТАР-ТАСС): «По имеющимся сведениям... готовят свои акции из подполья структуры коммунистической ориентации. А тут еще прослеживается координация их деятельности из «Белого дома»; «...депутатами бывшего СССР». А теми, кто готовит съезд, руководит кто-то из «Матросской Тишины». И далее: «общество должно знать, что с Хасбулатовым дальше иметь дело просто опасно. Он именно тот взрыватель, запал, который способен взорвать ситуацию в стране»⁴⁵.

Запугивание, сообщала эта газета, – особенность тактики Полторанина. Запугивание переворотом, войной, диктатурой. Запугивание граждан своей страны, жителей ближнего и дальнего зарубежья, руководителей иностранных государств и собственного президента. Вот что говорил этот лжец: «Только слепой не видит за эксцентрическими поступками Руслана Хасбулатова продуманной тактики на ослабление демократических институтов, на укрепление личной власти, на дискредитацию конституционных структур. Хотел бы ошибиться, но будет поздно о чем-либо рассуждать, если нагрянет Второе Пришествие Ста-

---

⁴³ См.: New York Times, 13 April 1992.

⁴⁴ См.: ИТАР-ТАСС, 14 марта, 1992.

⁴⁵ См.: Там же, 9 октября, 1992.

лина»⁴⁶. Далее «Унита» пишет: «Михаил Полторанин... подверг уничтожающей критике Президента СССР Горбачева. Он считает теперь неизбежной гражданскую войну с огромным риском применения в ней ядерного оружия» (из интервью газете «Джорно»⁴⁷); Страна может двинуться к «новой диктатуре, более опасной, чем фашизм», если сторонникам жесткой линии, пытающимся заблокировать реформы правительства, будет позволено брать под политический прицел средства массовой информации»⁴⁸. Интересно мнение Полторанина, что какая-то диктатура может быть более опасной, чем фашизм, – похоже, совсем заговорился глупый министр. Здесь уместно заметить, что в большей степени «запуганными» остаются, как правило, не россияне, а граждане зарубежья и особенно предприниматели. Понятно, что ожидать каких-либо серьезных шагов в экономической сфере со стороны западных партнеров в условиях постоянных пророчеств «переворотов и заговоров» не стоит.

Еще одна особенность, характерная для тактики Полторанина, – навязывание общественному мнению предполагаемого в качестве действительного. Цитируем «Гардиан»: «Полторанин заявил, что на предстоящем съезде народных депутатов оппозиция планирует свергнуть правительство и провести довыборы в Конституционный суд. Это позволило бы им объявить большинство указов президента неконституционными, избавиться от самого поста президента... и сделать пост президента номинальным»⁴⁹. Кстати, этот прием – толковать предполагаемое в качестве действительного – вообще «естественен» для некоторых политических деятелей сегодняшней России. Цитируем далее «Монд» от 17.10.92, поместившую отчет об известной встрече Г. Бурбулиса, М. Полторанина, А. Чубайса и А. Козырева с группой иностранных журналистов: «Он (Полторанин. – Р.Х.) сделал акцент на том, что председатель парламента «прикрывает тех, кто готовит государственный переворот», а также на том, что в распоряжении председателя Верховного Совета есть «собственные вооруженные формирования». По свидетельству корреспондента «Монд», присутствовавшие на встрече журналисты выглядели «все более озадаченными», тогда как члены российского правительства излагали им предполагаемую тактику действий своих противников»⁵⁰. Конечно, не будет справедливым утверждение о том, что отмеченные особенности тактики политической «полемики» Полторанина являются, так сказать, собственными его наработками, отмечала газета. И с точки зрения «методологических» оснований, и с позиций терминологии – в интервью, довольно ясно видно влияние Геннадия Бурбулиса. Это отмечали и журналисты: «Наиболее активно на встрече с иностранными корреспондентами выступал Г. Бурбулис», – писала *Le Monde*⁵¹. Эту же тему развивал министр печати и информации М. Полторанин. Но в чем нельзя отказать этому деятелю, это – в самостоятельности разработки подхода в решении организационных и иных вопросов в отношении средств массовой информации – то есть в политике лжи и фальсификаций, грубых нападках на законодательную власть, оскорблениях – чем не гибель Геббельса? В разработке и реализации такой тактики, которая характеризуется, говоря словами «Фигаро», «склонностью к интервенционизму», и проявился особый авантюризм и лживость этой деградировавшей личности. Наиболее ярко эта черта проявляется в безудержном стремлении к глобальному контролю над СМИ, в попытках контролировать не только «все и вся» информационные потоки, но также путем постоянных реорганизаций СМИ «прибрать к рукам» и материальную базу, и источники информации. Характерно, что своих планов в этой связи Полторанин не скры-

⁴⁶ См.: Там же, 12 октября, 1992.

⁴⁷ *Jorno*, 18 February 1992, Rome.

⁴⁸ «Торонто стар», 22.10.92, Торонто.

⁴⁹ *Gardian*, 20 October 1992, Toronto.

⁵⁰ *Le monde*, 17 Oct. 1992, Paris.

⁵¹ *Le monde*, 17 Oct. 1992, Paris.

вает. Цитируем автора: «... в Верховном Совете есть люди, которые хотели бы взять под контроль средства массовой информации... Но им не удастся взять прессу под контроль»; «Я вам заявляю здесь прямо, что, пока я в этом министерстве, оно не пойдет на это. Мы не будем перерегистрировать «Известия». И мы с вами, кому дорога свобода слова, должны быть начеку и принимать какие-то превентивные меры»⁵². Мастером тактических шагов назвала Полторанина боннская «Хандельсблат»⁵³. В оригинальности тактики по достижению цели по контролю за СМИ Полторанину действительно не откажешь. Только несколько примеров: в январе 92-го этот деятель по существу берет под контроль имеющиеся в России информационные каналы (указ президента по объединению ТАСС и части бывшего АПН), в мае 92-го создается им же руководимый «Совет по информационному обеспечению реформ» при Российском правительстве; тогда же он становится председателем «Специальной комиссии по архивам при Президенте России».

Таким образом, берет под контроль наиболее взрывоопасные для многих российских и зарубежных политиков суперсекретные архивные документы (в интервью газете «Унита», опубликованном 9 июня 1992 года, эта гнусная личность заявила, что может «сбить Горбачева одним ударом»). Вскоре появляется постановление правительства «О защите печати», которым министерство Полторанина берет под контроль процесс распределения газетной бумаги.

В октябре 1992 года для «усиления информационного обеспечения реформ» указом президента Полторанину передается Санкт-Петербургская телерадиокомпания. Декабрь 92-го – создано новое «министерство правды» – Федеральный информационный центр России с Полтораниным во главе. А сколько идей, высказанных мошенником, еще ждут своей реализации! Конфедерация «всех творческих союзов», «Российского информационного концерна» и т. д. и т. п., вопрошала газета. Полторанин, конечно, интуитивно понимал, что только организационно-административными методами СМИ удержать под его контролем невозможно, даже при том, что он щедро наделял их бюджетными деньгами. Поэтому «мы будем проводить государственную политику через средства массовой информации, используя чисто экономические методы», – заявил в интервью первому каналу «Останкино»⁵⁴. Еще несколькими днями ранее, 26 декабря, в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС он сформулировал свое понимание стратегии возглавляемого ИГП Информцентра: «Наша задача в том, чтобы объяснять людям, куда идет Россия, обрисовать контуры и модель будущего государственного устройства»⁵⁵. Для достижения этих политических целей министр-авантюрист стремится сконцентрировать под своим контролем все важные органы, учреждения, так или иначе связанные с производством и распространением информационных потоков.

Наша тактическая задача, сказал этот чиновник, ясна: концентрация в «наших» руках, в преддверии референдума, всех средств обработки общественного мнения. Но в стратегическом плане верность Полторанина объявляемому им сегодня «курсу на верность президенту» вызывает большие сомнения, указывала «Хандельсблат»⁵⁶. В этой связи всего лишь напомним слова самого Полторанина из совсем близкого его прошлого из интервью газете «Джорно»: «В 1985 году я входил в его (Горбачева) команду; лично для меня он не представляет никакого интереса. Со своей стороны, я знаю, что Горбачев никогда не вернется, как политик он кончился 10 июня 1992 года». И последнее характерное высказывание в интер-

---

⁵² Le Figaro, 20 oct. 1992.

⁵³ См.: Handelsblatt, Bonn, 21 oct. 1992.

⁵⁴ Интервью от 31 декабря 1992.

⁵⁵ Интервью от 26 декабря 1992.

⁵⁶ См.: Handelsblatt, Bonn, 21 okt. 1992.

вью пражскому еженедельнику «Сигнал»⁵⁷: «Господин Полторанин, что вы думаете о будущем Ельцина?» Ответ авантюриста: «Думаю, что он уже сыграл свою историческую роль, помог развитию демократии». Бурбулис и Полторанин – два могущественных сановника, получивших огромную власть из рук президента, два председателя-негодяя: один стал распространять слухи о скорой смерти Ельцина, другой упреждал, что Ельцин должен уйти, он сыграл свою роль.

Письмо президенту Б.Н. Ельцину
от вице-преьера А.Н. Шохина

«... Считаю своим долгом еще раз обратиться к Вам, чтобы попытаться предупредить опасное развитие ситуации, которая складывается вокруг Российского дома науки и культуры (РДНК) в Берлине и грозит нанести непоправимый ущерб нашему государству и скомпрометировать его руководство. На наших глазах разыгрывается спектакль, постановщиком и исполнителем главной роли в котором с российской стороны выступает, по всей вероятности, М.Н. Полторанин. М.Н. Полторанин преследует следующие цели:

- свести разговор о правовом статусе РДНК в плоскость якобы существующих межведомственных разногласий между ФИЦем и РАМСом;
- закрепить здание и имущество на балансе ФИЦа, чтобы им распоряжаться единолично и завершить его переоформление на германское общество с ограниченной ответственностью (ГМБХ), руководимое А. Убероем.

Еще задолго до создания ФИЦа М.Н. Полторанин по-своему распорядился судьбой российского имущества в Берлине. Как я вам уже докладывал, 6 мая 1992 года во Франкфурте-на-Майне были подписаны договоры, по которым РДНК площадью 29 тыс. кв. м и стоимостью около 800 млн. дойч марок (по рыночной стоимости) и земельный участок, на котором он расположен, безвозмездно передавались вышеупомянутому ГМБХ, зарегистрированному с минимальным по законодательству ФРГ уставным капиталом в 50 тыс. ДМ (ДМ – немецкие марки).

5 июня 1992 года от имени правительства Российской Федерации М.Н. Полторанин документально подтвердил заключенные 6 мая договоры, хотя никаких полномочий на то не имел. 26 июня 1992 года М.Н. Полторанин, выступая уже от имени Российской Федерации, на что также не был уполномочен, выписывает генеральную доверенность на распоряжение РДНК на имя С.М. Байгарова, заместителя главного редактора газеты «Россия», который, в свою очередь, от имени российского правительства передоверил распоряжаться российским имуществом в Берлине некоему У. Хофману – менеджеру, работающему в предпринимательской группе А. Убероя. 12 августа 1992 года А. Уберой и выступавший от Российской Федерации У. Хофман подписывают договор, который фактически за 4 месяца до издания Указа Президента Российской Федерации «О Федеральном информационном центре России» оговаривает условия взаимодействия сторон по созданию информационно-культурного центра на базе РДНК. Подписание договора от 12 августа 1992 года имело, как можно предположить, целью закамouflировать слишком очевидный

---

⁵⁷ См.: «Сигнал», 2 мая, 1990, Прага.

мошеннический характер сделки от 6 мая 1992 года, из-за чего по законодательству ФРГ сделка могла быть просто расторгнута.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что предпринимательская группа А. Убероя специализируется исключительно на торговле недвижимостью и никакого отношения к деятельности в области информации и культуры не имеет. Все документы по РДНК, подписанные с санкции М.Н. Полторанина, тщательно скрывались от правительства Российской Федерации и от российского посольства в ФРГ. 28 декабря 1992 года М.Н. Полторанин в письменном виде предостерег нотариуса, оформляющего сделку, от разглашения, заявив при этом, что он является единственным полномочным представителем Президента Российской Федерации по данному вопросу. Только в феврале 1993 года российское правительство получило возможность ознакомиться со всеми подробностями сделки с российским имуществом.

Исходя из того, что М.Н. Полторанин ни исполнительной, ни законодательной властями не был уполномочен распоряжаться собственностью Российской Федерации в ФРГ, а также принимая во внимание очевидный ущерб интересам государства, наносимый заключенными вышеупомянутыми договорами, и положения действующего соглашения между правительствами СССР и ГДР (правительство ФРГ является правопреемником ГДР по этому договору), в соответствии с которым «в случае, если у советской стороны возникнет намерение передать право собственности (на РДНК) третьей стороне, то компетентным органам ГДР принадлежит преимущественное право приобретения здания», от имени Председателя Совета Министров – правительства Российской Федерации В. С. Черномырдина германской стороне было заявлено о непричастности российских властей к документам, подписанным с санкции М.Н. Полторанина, и поставлен вопрос об их опротестовании.

Заявление М.Н. Полторанина о том, что РАМС якобы пытается удержать за собой здание РДНК, переданное ему Указом Президента Российской Федерации от 14 августа 1992 года, не более чем попытка завести вопрос о судьбе российского имущества в сферу исключительно межведомственных противоречий. Существо дела в другом – будет ли имущество стоимостью в 800 млн. ДМ по-прежнему находиться в распоряжении Российской Федерации или будет для нее раз и навсегда утрачено. Считал и считаю, что до тех пор, пока не будут расторгнуты договоры и окончательно не подтвердится правовой статус РДНК как собственности России, никакой межведомственной дележкой этого имущества заниматься не следует.

Все возможные усилия в настоящее время необходимо направить на опротестование сделки с российским имуществом в судебном порядке, пока не сделано окончательной записи о его перерегистрации в земельной книге Берлина. Усилия же М.Н. Полторанина, как можно судить, сосредоточены на достижении прямо противоположного результата. Сразу же после своего возвращения из ФРГ, где он находился по приглашению А. Убероя и смог удостовериться, что переоформление российской собственности на ГМБХ благодаря демаршам, предпринятым российским правительством и посольством в ФРГ, приостановлено, М.Н. Полторанин ставит перед Вами вопрос о немедленной передаче РДНК на баланс ФИЦа.

Можно не сомневаться, что, как только такая передача состоится, М.Н. Полторанин постарается сорвать усилия российского правительства по опротестованию договоров, заключенных с его санкции, произойдет окончательное переоформление российской собственности на нового владельца, и она будет навсегда утрачена для Российской Федерации.

М.Н. Полторанин пытается мотивировать обоснованность своих действий тем, что его схема позволит получить от ГМБХ А. Убероя деньги на политические цели демократического движения (проведение референдума, предвыборной кампании). Во-первых, считаю безнравственным строить подобные планы на базе мошеннической сделки, во-вторых, нет никаких оснований считать, что ГМБХ А. Убероя, получив в свою собственность здание в Берлине, будет исправно выполнять условия соглашения с М.Н. Полтораниным и перечислять ему часть доходов от эксплуатации РДНК (сделка, построенная на обходе российских законов, провоцирует и на нарушение всех прочих договоренностей), наконец, в-третьих, нарушение условий межправительственного соглашения об учреждении РДНК позволит властям ФРГ забрать его в свое ведение при минимальной компенсации российской стороне.

Пользуясь доступом к Вам, Борис Николаевич, М.Н. Полторанин пытается ввести Вас в заблуждение по поводу сделки с РДНК (чем, безусловно, «подставляет» в сложный политический период) и одновременно предпринимает попытки дискредитировать и устранить меня из правительства, с тем чтобы ликвидировать главное препятствие на пути реализации своей дурно пахнущей сделки.

Исходя из вышеизложенного, до окончательного решения вопроса о правовом статусе РДНК и его функциях предлагаю безотлагательно принять специальный Указ Президента Российской Федерации «О Российском доме науки и культуры в Берлине» (проект прилагается).

Приложение: 1) упомянутое на 1 листе; 2) материалы юридической экспертизы договоров, подписанных по РДНК, на 4 листах.

А. Шохин

06.04.1993⁵⁸.

Вот такое интересное письмо одного министра, вице-премьера, с обвинением в мошенничестве другого министра, тоже вице-премьера, более могущественного. Чего стоят все жалкие «разоблачения» Полторанина, этого проходимца, место которого – в тюрьме, в том числе его обвинения в «заговоре» председателя Верховного Совета?

«Жалкий лепет оправдания»

«Российские вести» напечатали комментарий по поводу публикации (в «Правде» и «Рабочей трибуне») письма А. Шохина президенту Ельцину, излагающего точку зрения вице-премьера на ситуацию, сложившуюся вокруг Российского дома науки и культуры (РДНК) в Берлине. Это сугубо конфиденциальное письмо, содержащее обвинения в адрес руководителя Федерального информационного центра Полторанина, по утверждению пресс-службы Шохина, «кто-то выкрал». Вот что сказал «Российским вестям» по поводу «правдинской» публикации Михаил Полторанин: «Это – продолжение политической акции,

---

⁵⁸ «Рабочая трибуна», 1993.

направленной против президента и его единомышленников. Сегодня практически любая информация может быть куплена. Мне трудно поверить, что письмо украли – слишком уж выгодна утечка Шохину и его ведомству».

Здесь другой вопрос: может ли считаться вор, мошенник – политиком? На мой взгляд, нет. Вор, как говорил Жеглов из известного фильма Станислава Говорухина, «должен сидеть в тюрьме». Политикой должны заниматься другие люди, не связанные с воровством и казнокрадством. Будучи пойманным «за руку», Полторанин вдруг вспомнил о Верховном Совете, как «высшем судии» «для его» дела. Вот что он стал говорить: «Считаю, что Черномырдин в сложившейся ситуации просто обязан издать распоряжение проверить, сколько на «доме» заработано и куда ушли деньги. Скажу больше: пусть Верховный Совет поручит прокуратуре, чтобы у всех, не считаясь с должностью, – у президента, вице-президента, членов правительства, депутатов, – были проверены счета в зарубежных банках. Личные и по доверенностям, вот тогда все станет ясно. Говорю это с легким сердцем, потому что у меня таких счетов нет»⁵⁹.

Что может быть более позорным явлением: один заместитель главы правительства обвиняет другого заместителя главы правительства... в коррупции! Это – реальное свидетельство разложения самого правительства, всего политического режима, сформированного президентом. Разве не следовало президенту отправить в отставку все это правительство со всеми их коррупционными делами, склоками, взаимными обвинениями и контробвинениями? Этот вполне естественный для данной ситуации шаг президент не сделал, ограничившись тем, что назначил другого министра печати (Федотова), а Полторанин так и остался руководителем Федерального информационного центра, которому подчинялось и это Министерство печати.

«Вице-премьер Шохин в ответ на попытки со стороны Полторанина оправдаться перешел в новую атаку на него. На встрече с журналистами он снова обвинил Полторанина в нанесении «реального ущерба России». По его словам, «некая сумма (уже весьма скромная, всего в 1 млн марок), заморожена на счетах арендаторов», использующих помещения Российского дома науки и культуры (БДНК). Однако потенциальный ущерб от деятельности Полторанина, ответственного за БДНК, может быть значительно большим, поскольку возникла угроза экспроприации Дома науки и культуры в Берлине германскими властями. Г-н Шохин считает, что действия Михаила Полторанина привели к смене владельцев БДНК: «Советский Союз был собственником дома, а Россия, как записано в земельной книге Берлина, только пользуется этим домом». Теперь, после мошеннических операций Полторанина с сообщниками, необходимо «судебное разбирательство», «чтобы вернуть в собственность России этот дом». В завершение обвинительной речи Шохин заявил: «Я не хочу сказать, что Михаил Никифорович – германский шпион, но тем не менее он играет на руку федеральным властям Германии, которые могут... изъять этот дом при минимальной компенсации российской стороне. А стоимость этого дома – 800 млн марок»⁶⁰.

Намеки вице-премьера на причастность Полторанина к процессу измены интересам России, возможно, были трудно доказуемы, но факты коррупции все же были очевидны. Конечно, ни одно западное правительство и тем более ни одна западная спецслужба не была в состоянии предложить этому человеку материальные условия, сопоставимые с объемом контролируемого им, как руководителем Федерального информационного центра, имущества, – писали аналитики. Полгода назад в соответствии с указом президента России в «непосредственное подчинение» ФИЦ перешла телерадиовещательная компания «Россия» и пресс-центр правительства. ФИЦ также осуществляет «координацию и руководство»

---

⁵⁹ Михаил Полторанин. Сегодня любая информация может быть куплена. «Российские вести», 22 мая, 1993.

⁶⁰ Российские власти, 22 мая 1993.

агентством ИТАР-ТАСС и телекомпанией «Останкино», «в ведение» ему переданы Дома российской прессы в Москве, БДНК в Берлине, здание в Москве (по ул. Люблинской, д. 1) и подведомственные Минпечати телерадиовещательные компании⁶¹. По действующим, явно устаревшим расчетам (точную оценку дать невозможно, так как здания, сооружения и оборудование числятся на балансе указанных организаций, то есть на порядок ниже современных оценок их стоимости в сметных ценах советского периода), Полторанин управляет собственностью в 1,5 трлн руб., или 1,5 млрд долл., из которых треть приходится на БДНК. Полторанин, как известно, лелеял мечту создать консорциум, где ФИЦу, вероятно, отведена роль холдинга, обладающего контрольным пакетом акций всех своих подразделений. И как предполагаемый хозяин гигантской информационной структуры, Полторанин, писал автор цитируемой газеты, естественно, не заинтересован в утрате БДНК. Если же вопросы принадлежности этого «дома» до сих пор не урегулированы, то, по-видимому, потому, что для Полторанина защита от притязаний Шохина на это монументальное задание представляется более актуальной, чем борьба с потенциальной пока угрозой захвата его властями ФРГ. Свою «оправдательную статью Полторанин назвал «Сегодня любая информация может быть куплена»⁶². Это – суцая правда! Но именно этот мерзавец Полторанин внес самый весомый вклад для того, чтобы российская пресса стала предметом купли-продажи.

Раковая опухоль коррупции, бесконтрольность власти и как Лужков стал мэром столицы

Общество никак не ожидало, что первые ростки свободного предпринимательства принесут появление в феноменальных масштабах коррупции, прежде всего в самом государственном аппарате. Скорее всего это было связано в значительной мере с общим ослаблением государственных институтов, уходом из политической системы мощного аппарата КПСС, который выполнял контрольные функции, ослаблением (и депортацией) правоохранительных органов, спецслужб, прокуратуры и суда. Сами эти органы быстро стали также коррумпированными – их давила общая среда накопительства, жадности, дикая страсть к богатству легким (любим!) путем. Одновременно сформировались организованные преступные группы, некоторые из которых стали устанавливать постоянные связи с государственными и муниципальными работниками, а также с правоохранительными органами. Этому же способствовали либерализация режима въезда-выезда граждан и в значительной мере поток иностранцев-авантюристов из всех частей мира, которые под видом бизнесменов слетались, как вороны, в крупные города России в целях быстрой наживы на сомнительных операциях. Они находили удивительно скоро таких же российских авантюристов, устанавливали «деловые связи» с должностными лицами и обогащались. Вывозили все: военную технику, машины и оборудование, руды и металлы, нефть, газ, лес, металлом и т. д. Взамен обычно обязывались поставлять продовольственную или гуманитарную помощь. Это была какая-то всеобщая маниакальная страсть – обеспечить продовольствием страну, на полях которой собирали богатый урожай и паслись десять миллионов крупного рогатого скота, овцы, козы, свиньи, сотни миллионов птицы и т. д., – абсолютно никаких признаков возможного голода не было и в помине.

Но все – и общество, и власть, и новые предприниматели, и СМИ – все только и говорили о проблемах с продовольствием. Спустя много лет я пришел к такому выводу, что это была хорошо спланированная глобальная мистификация с целью подчинить Россию Западу через быстрый рост продовольственной зависимости. Этот «новый порядок» ускоренно был

---

⁶¹ Там же.

⁶² См.: Михаил Полторанин. Сегодня любая информации может быть куплена.

введен при Ельцине, который не видел в этом опасности. А первоочередная задача состояла в том, чтобы заставить малопрофессиональное правительство Гайдара, а затем – Черномырдина заключить долговременные соглашения на поставку больших объемов продовольствия из Запада в Россию по завышенным ценам. В США и Западной Европе было много стратегических запасов продовольствия, вот его и надо было сбыть, причем по дорогим ценам, в Россию. Эта «операция» была успешно выполнена благодаря ельцинской политике. На этом заработали многие: банкиры, спекулянты, предприниматели, авантюристы, перекупщики из США, Канады, Австрии, Франции и, конечно, мошенники из России, в том числе должностные лица в правительствах и иных властных и деловых кругах, имеющих отношение к такого рода внешним операциям.

Самые масштабные коррупционные явления стали развиваться в Москве и Петербурге, почти одновременно с приходом к власти известных в обществе депутатов СССР. И вдруг – целый поток сигналов о растущей коррупции в обеих столицах. Причем сигналы обоснованные и исходящие в том числе от городских депутатов, с указанием реальных событий, фактов, суммы незаконных сделок с какими-то сомнительными компаниями, при «содействии» мэрий и их ответственных сотрудников. Некоторые депутаты из Моссовета и питерского Совета мне стали передавать целые папки «бумаг», – правда, я вскоре отказался их принимать, сославшись на то, что «разбирать» эти вопросы – не в моей компетенции. Аналогичные сведения приходили отовсюду – от Калининграда до Владивостока, и в не меньшей мере – из национальных республик, южных краев и областей; поступали сообщения о крупнейших аферах вокруг имущества Западной группы войск (ЗГВ). В общем, страну буквально захлестнули воровство, подкупы, взятки – все хотели быстро разбогатеть за счет государства.

Я имел непосредственное отношение к тому, что Попов и Собчак были избраны мэрами. Дело в том, что в соответствии с действующим тогда законодательством, население городов избирало депутатов в городские советы. А последние избирали исполнительные комитеты этих советов как коллегиальных органов исполнительной власти; одновременно эти советы избирали председателя исполнительного комитета. Кстати, почти такие же системы существуют в ФРГ, Австрии и даже в ряде штатов США. Мы поторопились разрушить превосходно работающую управленческую модель.

Спустя много лет после ликвидации этой системы мы видим, как предельно вульгарно организована власть и управление в России в современных условиях, мне кажется, что та, прежняя, была и разумной, и вполне демократичной. После устранения роли всесильных партийных органов она представляла собой наиболее оптимальную модель организации власти в городах, селах и деревнях – обеспечивая прямую связь с избирателями и подконтрольность органов управления законодательству. В то же время, как показала практика, за четверть века, которые прошли после ликвидации модели Советов, которые были почти идеальными органами местного самоуправления, – новая система организации местных органов власти, мало связанная с волей избирателей, – это, по сути, профанация, издевательство над самими понятиями «самоуправление» и «демократия».

Публика в России в отличие от европейской имеет свои давние, многовековые традиции и психологические особенности национального характера. В частности, подчинение и поклонение прямой силе, повышенное значение авторитета силы, а не силы авторитета. Отсюда – легкость, с которой общество всегда подчинялось грубой силе, давлению. Потому и Ельцин не желал считаться с парламентом, исходя из убеждения: как же так, меня же избрал народ, почему я должен считаться с какими-то «парламентариями»? Точно так же рассуждают губернаторы, мэры и прочие руководители, – которых в кресло возвели не избиратели через парламенты, а вышестоящая власть. В этом еще одно принципиальное отличие – в данном случае психологии огромной армии исполнительной власти в России всех уров-

ней от поведенческих мотивов соответствующего корпуса чиновничества в западных странах. (Не во всех, а в тех, которые составляют «ядро» культуры западноевропейского сообщества.)

Отсюда мое твердое убеждение: в России может успешно действовать исключительно как парламентская республика, и все должностные лица должны назначаться (избираться) через «парламентское сито». Любая другая модель неизбежно ведет к авторитаризму, произволу и самолюбованию власти, коррупции в гигантских статистиках, и в конечном счете – гибели государства.

Тогда, в начале 90-х, а это происходило непосредственно после подавления августовского (1991 г.) путча, Гавриил Попов обратился в Президиум Верховного Совета с ходатайством позволить провести в Москве выборы мэра непосредственно избирателями. И хотя Московский городской совет в лице своего председателя Николая Гончара возражал, я этот вопрос вынес на решение Президиума Верховного Совета и добился его согласия (как эксперимент). Интересно, что к концу заседания пришел запыхавшийся Анатолий Собчак с «кучей бумаг» и тоже стал просить нашего разрешения на выборы в Петербурге губернатора (мэра) аналогичным образом. Мы, конечно, не стали читать все эти «бумаги», я предложил согласиться с предложением Собчака, возражений не было. Оба – и Попов, и Собчак – вскоре были избраны. Первый – мэром Москвы, второй – Петербурга. Попов вскоре ушел добровольно, его первый заместитель Юрий Лужков не имел ни одного шанса стать мэром – ни москвичи, ни депутаты города (Моссовет) и районов не допустили бы этого, его популярность была в пределах 1–2 %, как сообщали СМИ.

После ухода Попова я и Ельцин столкнулись с выбором нового руководителя Москвы – мы оба знали, что стабильность в столице – это важный элемент общей стабильности в стране. И понимали, что москвичи не выберут серенького чиновника Лужкова мэром. Напомню читателю, что Московский Совет народных депутатов был избран, как и парламентарии Российской Федерации, на самом пике горбачевской демократической реформы. Поэтому избиратели столицы направили своими представителями в Моссовет людей с самыми разными идейными воззрениями – от неистового трибуна Виктора Ампилова («русский Че Гевара», как называли его в западной прессе) до рафинированного интеллектуала с умеренными демократическими взглядами Сергея Станкевича, вместе с известным союзным депутатом профессором Гавриилом Поповым. Моссовет был свободным, раскрепощенным, и в ходе его работы разворачивались целые политические баталии. Попов и Станкевич стали широко известными благодаря их частым критическим высказываниям в адрес Михаила Горбачева на съездах народных депутатов СССР. Попов, как я выше писал, был избран председателем Моссовета, а Станкевич стал его первым заместителем. А вот Юрия Лужкова в качестве своего ставленника на пост исполнительного комитета Попову удалось провести с огромными трудностями. Многие помнили Лужкова со времен прихода Ельцина в 1985 году к руководству Москвой, когда он назначил Лужкова руководителем аграрно-промышленного комплекса и тот благополучно провалил дело – снабжение города только ухудшилось, это помнили москвичи. Поэтому было очевидно, что ни выборы населением, ни выборы Московским Советом не дадут шансы Лужкову стать главой Москвы после «тихого» ухода Гавриила Попова.

«Мне нужен Лужков во главе Москвы, Руслан Имранович, – сказал мне тогда Ельцин. – Подумайте, найдите выход из этой ситуации. Вы знаете, насколько важно сохранить в Москве стабильность. Я верю, что Лужков с этим справится, других кандидатур я не вижу, хотя и Лужков – не особенно сильная личность. Я помню его – так, добротный середняк. Пусть поработает год-два, а потом посмотрим».

Я был согласен с президентом. Часто встречался с Лужковым по разным вопросам, включая те из них, которые были связаны со строительством жилых домов для депута-

тов России, и многим другим вопросам. Он показывал желание помочь, оперативно решал вопросы. Мне тогда представлялось, Лужков может стать неплохим градоначальником. Вопросы возможной деградации в плане мошенничества, коррупции и пр. – это даже не приходило в голову.

Через дня два я поехал к Ельцину и передал ему проект совместного постановления, который должны были подписать президент и председатель Верховного Совета. В нем Юрий Лужков назначался мэром до истечения срока с периода избрания ушедшего в отставку мэра Гавриила Попова. Ельцин внимательно прочитал, потом подумал и сказал: «Да, пожалуй, это самое правильное решение. Против этого документа, подписанного нами вдвоем, даже самые ярые противники Лужкова возражать не будут». Так и произошло – Моссовет согласился с нашим решением. Так, со 2 июня 1992 года Юрий Михайлович Лужков стал мэром Москвы. Он оказался весьма неблагодарным человеком и никогда не упоминал, что стал мэром не по воле москвичей, а по милости председателя Верховного Совета и президента России, и ложно утверждал, что был избран москвичами.

Оба, и Собчак, и Лужков, так и не смогли найти взаимопонимания со своими парламентами, непрерывно воевали с ними, стремились стать «над ними», выходили за пределы своих полномочий, откровенно злоупотребляли своей властью. Мне постоянно приходилось успокаивать депутатов двух столиц, выслушивать их жалобы, а затем – вести соответственные «беседы» с двумя предельно выраженными автократами, в которых было столько же демократизма, сколько в грибоедовском Скалозубе.

И вот – вал жалоб депутатов обеих столиц (прежде всего, со стороны «демократов»), пухлые папки с компроматом, чуть ли не ежедневные публикации в питерских и московских газетах разной ориентации – от прохановского «Дня» до суперлиберальных «Московских новостей» и «Новой ежедневной газеты» – с целыми повествованиями о мошеннических проделках в системе управления столиц. Это было предельно неприятно. Я, как выше писал, к обоим героям относился хорошо (даже в страшном сне не мог представить себе, как низко, подло будут они вести себя в сентябре – октябре 1993 года по отношению ко мне и Верховному Совету). Одним из первых по поводу противоречивой деятельности Лужкова забил тревогу знаменитый журналист, публицист и писатель Юрий Щекочихин. 10 сентября 1992 года в «Литературной газете» появилась его обширная статья «Страх». Это была бомба, журналист провел криминальное расследование, в центре которого оказался мэр Москвы Ю. Лужков. Ниже – некоторые из изложенных им фактов.

«Так, еще на посту вице-мэра, – писал Щекочихин, – Лужков участвовал в так называемом «оргкомитете» – по существу частной фирме – по приватизации нежилых помещений, в которую сплошь входили ответственные чиновники московского правительства. Уже впоследствии, изучая документы «оргкомитета», я поразился, с какой легкостью он распоряжался городским капиталом и даже, не стесняясь, проводил лжеаукционы, где первоначальная стоимость квартир на продажу равнялась сумме, которую за эту квартиру учредители аукциона получили, и при этом покупатель был обозначен одним и тем же номером». И далее: «Как он (Ю. Лужков. – Р.Х.) объяснит, какие доходы позволили ему провести отпуск с женой – в декабре (1991 г.) прокатиться в Англию?» Щекочихин направил сведения о фактах коррупции со стороны Лужкова в письмо на имя президента Ельцина – это, по его словам, было обращение к «своему бывшему коллеге по межрегиональной группе в Союзном парламенте, а также и человеку, за президентство которого он, Щекочихин, отдал свой голос», – так писал Щекочихин в «Литературной газете». Никакого ответа он не получил. О реакции Кремля на письмо Щекочихина другой журналист писал: запомнилась гробовая тишина, наступившая на какой-то период в ошарашенной Москве и официальных средствах массо-

вой информации⁶³. Воцарился своего рода «заговор молчания». Запомнилось смятение Лужкова, запечатленное телекамерой во время посещения Ельциным Третьяковки. Мэр предстал тогда в смиренной позе кающейся Марии Магдалины. Но мэрия – не Мария. По данным, приведенным Юрием Щекочихиным, только «недопоступление» от проданной в 1991 году в Москве гуманитарной помощи превысило 200 млн руб. (по нынешним ценам это – миллиарды). А, следовательно, «наша кающаяся Магдалина скорее сравнима с Вараввой»⁶⁴.

Помните его историю? В Древнем Иерусалиме в честь праздника Пасхи был обычай отпускать на свободу одного узника; то есть это тот исторический выбор, который вошел в Книгу Книг. Был выбор между Иисусом и Вараввой. Посредником был римский консул Пилат. Кого же предпочел освободить народ? Варавву – разбойника и душегуба! Кто был распят? Правдолюбец и правозащитник Иисус. Вот вам «свободное волеизъявление» еврейского народа! (Как оно похоже на «волеизъявление» первого народного референдума 25 апреля 1993 г.!)

Свою блудливую роль и в 1993 году, и две тысячи лет назад сыграла официальная пропаганда. Как свидетельствует Библия, «первосвященники и старейшины возбудили Народ простить Варавву, а Иисуса – погубить». Правда, к чести тогдашнего римского правителя Иудеи – Понтия Пилата, он трижды просил за Христа и только после этого «умыл руки».

Попытки принципиального главного контролера Юрия Болдырева провести инспекцию дел в Москве были жестко пресечены лично Ельциным. А сам «железный Феликс» (то есть Болдырев) российского контроля попал в опалу. Вот как, по его словам, обстояло дело, согласно его интервью «Московским новостям»: «Я отказался выполнять переданное мне устное поручение президента (прекратить проверку) без письменного подтверждения. Письменное поручение приостановить проверку (хотя я был с таким решением не согласен) выполнил. Но ответственность за прекращение проверки на себя брать не стал».

Ну и что? Кому какое было дело до Болдырева, если президент лично решил прикрыть мошенников? Другой журналист, Юрий Глухов, писал: «Что ж, на каждый роток не накинешь платок, хоть он и президентский. Платок разоблачительных материалов нарастает, от тактично щадящих до убийственно безжалостных («Лужков, ты коррумпирован!») – шумит на всех углах «День»). В войну против Лужкова включился Моссовет, начав кампанию за перевыборы мэра. Если все предъявленные обвинения – ложь, то странно, что никто из обличителей до сих пор не привлечен к суду за «клевету», да и сам «пострадавший» (Лужков) не торопится искать судебной сатисфакции. При отсутствии открытого выяснения существа дела в установленном законом порядке стопроцентное алиби, выданное Лужкову сверху, выглядит как индульгенция. Оправдательный вердикт с большевистской формулировкой «человек, преданный делу» не очень-то впечатляет. Представим себе, что хотя бы сотая доля выдвинутых обвинений – истина. На какие злоупотребления может пойти должностное лицо, занимая такой пост, чтобы замести следы? Ведь в его распоряжении силы ОМОН, финансовые средства для их поощрения, он проводит инструктаж, то и дело председательствуя на совещаниях работников МВД. В его распоряжении – канал телевидения и многие печатные органы, не говоря о прочих административных «мелочах» (как жилой фонд и т. д.). Зададимся вопросом: вправе ли вообще человек с мало-мальски запятнанной репутацией обладать такими рычагами власти? Отдавать указания о разгоне народных демонстраций, разрешения о проведении митингов, читать морали съезду народных депутатов? По крайней мере, видимо, ему надлежит, хотя бы временно, приостановить свою деятельность до полной публичной реабилитации своего имени и своей чести. Это элементарно. Личная безупречность – неписаный закон для претендентов на государственное место. Бесстыдство власти

---

⁶³ См.: Глухов Юрий. Бесстыдство власти. «Правда», 5 марта, 1993.

⁶⁴ Глухов Юрий. Бесстыдство власти.

– феномен сегодняшней российской действительности. От разгула демократии мы пришли к демократии разгула»⁶⁵.

Кстати, об уровне компетентности руководства мэрии свидетельствует и то, что еще в конце 1991 года оно обратилось в доживающий свои дни Союзный комитет по управлению делами СССР – с просьбой дать деньги на приобретение 30 000 автомобилей марки «Мерседес» для московского такси! В грязную, оплеванную, не убирающуюся тогда Москву запустить «Мерседесы»! Каково? Какой размах мысли! Прямо по Остапу Бендеру, только в отличие от призрачных мечтаний Остапа приобрести 1 млн руб. московские правители получили сотни миллионов, не особенно утруждая себя хитроумными комбинациями.

«Это бесстыдство власти», о котором писал журналист, проявилось в наиболее отвратительной форме в провозглашении жены мэра «первой бизнес-леди» России, владеющей предприятиями на миллиарды долларов. И то обстоятельство, что следственные и судебные органы не провели тщательное расследование всех неприглядных дел московского мэра и вокруг них, позволяя ему в течение 20 лет разрушать столицу страны – это лучший показатель слабости власти, ее податливости сомнительным влияниям дельцов от политики и бизнеса.

Не лучше обстояло дело и в Петербурге в связи с деятельностью Собчака, вокруг которого не утихали разного рода коррупционные скандалы, в том числе в связи арестом руководителя «Балтийского морского пароходства»⁶⁶. Продажа квартир, земельных участков, передача нежилых помещений в аренду, строительных подрядов и т. д. и т. п. – все это фигурировало не только в СМИ, но и множестве справок, докладов и отчетов разных организаций, включая городской Совет. Здесь приводилась и деятельность предприятия «Мариинский фонд», созданный Собчаком (во главе с женой – ну как же без жены?), финансирующий в том числе зарубежные путешествия семейства⁶⁷. Реакции властей, включая правоохранительные органы, – никакой.

В такой атмосфере Верховный Совет приступил к разработке закона о борьбе с коррупцией, соответствующие комитеты подготовили неплохой проект и вынесли его на обсуждение Верховного Совета. В проекте был учтен богатый международный опыт, а также рекомендации ООН. Казалось бы, закон надо принимать, к этому склонялся Верховный Совет. Но вдруг выступает Михаил Митюков, председатель комитета по законодательству, и буквально громит проект (ныне – член Конституционного суда). Чисто субъективный, необоснованный подход Митюкова (бывшего судьи) был очевиден, но сомнения среди парламентариев он породил. В результате проект закона был утвержден в первом чтении и... отложен.

А через неделю, 4 апреля 1992 года, появился указ президента «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» (точное название проекта закона, обсуждавшегося на Верховном Совете). Спрашивается – какой в этом смысл? Разве не логично было бы президентской стороне внести свои соображения в закон? Здесь, разумеется, было очевидное проявление какой-то неумной конкуренции с законодателем, попыткой его подменить через «указное право» – излюбленный подход диктаторских, авторитарных правителей. И заодно не допустив принятия нормативного акта, которого опасались прежде всего носители исполнительной власти всех уровней. Указ носил следы поспешности, в нем отсутствовала необходимая конкретизация, да и ответственность нарушителей указа не могла быть сравнимой с той, которую содержал проект закона Верховного Совета. Поэтому он не обеспечил реализацию тех задач, которые в нем ставились. Однако этот указ сыграл свою предельно нега-

---

⁶⁵ Глухов Юрий. Бесстыдство власти.

⁶⁶ Овчаренко Георгий. Валютные приработки мэра, или Почему А. Собчак давит на следствие. «Правда», 22 апреля, 1993.

⁶⁷ Воицанов Павел. Золото добывают в семье. «Новая ежедневная газета», 7 мая, 1993.

тивную роль, он заблокировал окончательное рассмотрение и принятие указанного выше закона. (Его удалось принять лишь летом 1993 г.)

Коррупция поедает Россию. Справится ли государство с этой бедой?

Под таким названием была опубликована большая статья в газете «Правда». Спустя несколько месяцев газета вернулась к этой теме, задавшись вопросом: что последовало за выступлением газеты? Главное, это перемены в руководстве Контрольного управления администрации президента⁶⁸.

На место Ю. Болдырева пришел А. Ильюшенко. Казалось бы, следовало ожидать кардинальной перестройки всей системы этого органа с целью усиления его роли в борьбе с коррупцией. К сожалению, предложения о радикальном укреплении Контрольного управления учеными, аналитиками, народными депутатами России, профессионалами из центральных аппаратов Минюста, Генеральной прокуратуры, МВД, МБ на конкурсной основе были проигнорированы. Без долгих размышлений в должностях утверждались прежние сотрудники управления, многие из которых серьезно скомпрометировали себя, – А. Шестак (юридический отдел), Д. Шабанов (территориальная инспекция) и другие. Словом, вновь пришло 95 % «бывших». Причем происходили странные вещи. Так, симпатичные секретарши-машинистки стали... кто зав. сектором, кто консультантом, кто экспертом. «Ветераны» территориальной инспекции также через две-три ступени назначались на должности руководителей подразделений.

По существу, – писали журналисты, расследовавшие деятельность этого ведомства, – произошел захват Контрольного управления радетелями теплых чиновничьих мест, объединенных в некую стаю и не ориентированных на усиление борьбы с коррупцией и укрепление Российского государства. Легализовавшихся «теневиков» и их пособников в государственном аппарате это всегда устраивало. Не наводят ли подобная ситуация, сомнительная кадровая политика, длительное непринятие мер на печальную мысль о реально существующей всесильности коррупции, влиянии мафиозных сил на высшие органы управления? И не заставляет ли это задуматься об истинных причинах создания в стране общегосударственной системы коррупции и превращения нашего государства в криминальное? – задавала вопрос газета. Раньше в ходу было выражение «расправа за критику». То же самое происходит с нами и сейчас – создана обстановка самой настоящей нетерпимости. Прошло уже много времени, но нам не было сделано ни одного должностного предложения – пишут сотрудники Контрольного управления. Нам не дают никаких поручений, мы фактически не у дел. Более того, уже предлагают освободить кабинеты. Ясно: мы здесь неужодны⁶⁹. Кстати, газета «Гардиан» отмечала, что «взяточничество во всех звеньях российского государственного аппарата встречается так часто, что стало чуть ли не общепризнанной практикой»⁷⁰.

Министры плачутся и просят помощи у Запада в их борьбе с... Верховным Советом России

Представьте себе на минуту: премьер Дмитрий Медведев со своими влиятельными заместителями, при молчаливом одобрении со стороны президента Владимира Путина, устраивает пресс-конференцию для иностранных журналистов с одной целью: просить у

---

⁶⁸ См.: «Правда», 18 февраля, 1993.

⁶⁹ Джафаров С., Кудашкин Б. Какие ревизоры нужны Кремлю? «Правда», 25 мая, 1993.

⁷⁰ Gardian, 20 may 1993, USA.

Запада помощи от... нападок Государственной думы и Сената. Этого не может быть никогда! – скажет читатель. Но это было в недавней истории России. 18 октября 1992 года, в пятницу, состоялась пресс-конференция для иностранных журналистов, которую провели в Москве Г. Бурбулис, М. Полторанин, А. Чубайс и А. Козырев. Выступившие – это самые влиятельные члены правительства Ельцина – дружно говорили о существовании «реваншистской угрозы», которая исходит от ряда парламентских фракций, «подпольных группировок, связанных с запрещенной Компартией, и даже – от Министерства внутренних дел». При этом косвенно намекалось, что идейным вдохновителем всех этих «групп» является председатель Верховного Совета Российской Федерации Руслан Хасбулатов⁷¹, – писал Дж. Стил, обозреватель «Гардиан».

По словам М. Полторанина, на предстоящем съезде народных депутатов оппозиция «планирует отстранить от власти нынешнее правительство и провести довыборы членов Конституционного суда. Это необходимо с целью сместить нынешних его членов, назначенных Ельциным, – отмечает «Гардиан». (Неверная информация! Все члены Конституционного суда избирались, согласно закону, тайным голосованием депутатами съезда, их кандидатуры выдвигались председателем Верховного Совета – это не прерогатива президента. – Р.Х.) Это позволило бы объявить многие президентские указы неконституционными, лишить президента полномочий главы исполнительной власти и превратить этот пост в чисто номинальный», – пишет Дж. Стил в газете, ссылаясь на высказывания М. Полторанина. Газета обращает внимание на его обвинения в адрес председателя Верховного Совета РФ Руслана Хасбулатова, «под крылом которого, как утверждается, готовится переворот»⁷². Не отличались оригинальностью утверждения Чубайса, Бурбулиса, Козырева – они, как заведенные пропагандисты, твердили о «коммунистическом заговоре». Другой вопрос, который, по-видимому, волнует Кремль, – это отсрочка съезда народных депутатов. «Файнэншл таймс» объясняет стремление Б. Ельцина отсрочить проведение съезда тем, что на этом форуме возможна «попытка осуществить конституционный переворот»⁷³. Газета «Times» приводит слова А. Чубайса о том, что съезд был намечен на декабрь 1992 года с целью «помешать массовой приватизации промышленных предприятий, которая должна начаться в январе 1993 года». Решение перенести дату проведения съезда народных депутатов, указывает «Таймс», свидетельствует о растущей озабоченности Ельцина деятельностью противостоящих ему сил в парламенте и царящей в стране атмосферой подавленности. Обращаясь с просьбой об отсрочке съезда, сторонники президента тем самым признают серьезную опасность вынесения вотума недоверия самому Ельцину или и.о. премьер-министра Е. Гайдару. «Опасения антипрезидентского заговора, подготавливаемого консервативно настроенными военными, директорами предприятий и коммунистами, высказываются на протяжении уже нескольких недель, и решение о переносе съезда служит самым убедительным доказательством, что правительство боится за свою судьбу», – отмечает «Таймс». Как пишет газета, программа экономических реформ в России садится на мель в обстановке растущего нажима со стороны так называемого центристского лобби в лице военно-промышленного комплекса. «Российские реформаторы вновь вынуждены обороняться. Советники президента Ельцина опасаются, что съезд – консервативный оплот старого партийного аппарата – воспользуется своей конституционной властью, чтобы замедлить ненавистные экономические реформы, попытаться сместить правительство Гайдара и, возможно, даже добиться отставки президента страны»⁷⁴. Пользуясь обеспокоенностью населения ростом

⁷¹ См.: Стил Дж. Guardian, 19 oct. 1992.

⁷² Стил Дж.. Guardian, 19 oct. 1992.

⁷³ Times, 19 oct. 1992, London.

⁷⁴ Там же.

преступности, гиперинфляцией, разгулом спекуляции и неспособностью России защищать свои интересы в бывшем Советском Союзе, не говоря уж об остальном мире, новые заговорщики мечтают установить авторитарное правление, предупреждает «Таймс», повторяя глупые измышления экстремистов-либералов из президентского окружения и группы радикалов из Верховного Совета. По ее мнению, в такой обстановке Запад не должен игнорировать отчаянные крики «караул» в стане российских демократов, впадающих в отчаяние, указывала газета, не желая объективно разобраться в российской ситуации.

Информируя о решении президента Ельцина создать Совет глав республик Российской Федерации, «Гардиан» пишет: «Хотя Б. Ельцин уговорил лидеров республик поддержать идею создания Совета, даже сторонники российского президента в парламенте были удивлены учреждением этого нового органа». «Монд» публикует отчет своего московского корреспондента Ж. Корзе об упомянутой выше встрече членов российского правительства с группой иностранных журналистов. В ходе продолжительной беседы, пишет автор, «цвет наиболее реформистского крыла в правительстве и ближайшем окружении Ельцина» – заместители председателя правительства М. Полторанин и А. Чубайс, министр иностранных дел А. Козырев и государственный секретарь Г. Бурбулис – описывали широкий заговор, готовящийся их противниками, и открыто просили помощи у международной прессы⁷⁵. Г. Бурбулис, в частности, отметил, что оппозиция воспользовалась паузой последних месяцев для того, чтобы укрепить свои позиции в выборных органах власти всех уровней, а также в МВД, органах прокуратуры, провинциальных вузах и «прокоммунистических структурах», таких, как Конфедерация независимых профсоюзов. Из выступления государственного секретаря следует, отмечает газета, что опасность исходит также от «генералов от промышленности и сельского хозяйства», интересы которых пытается представлять «Гражданский союз» А. Вольского, и, безусловно, от председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова, «методично торпедирующего» реформы для того, чтобы укреплять собственную власть».

По мнению выступавших на встрече членов российского правительства, продолжает «Монд», тактика действий их противников заключается в том, чтобы 1 декабря 1992 года созвать съезд народных депутатов, который положит конец деятельности нынешнего правительства и остановит процесс реформ; параллельно «будут предприняты маневры, направленные на то, чтобы парализовать деятельность президента», в частности, будет сделана попытка добиться признания Конституционным судом незаконности его указов, связанных с реализацией программы реформ. В этих условиях, отмечает газета, соратники президента намерены добиться отсрочки «чрезвычайно опасного съезда» до будущей весны, рассчитывая за этот период изменить в свою пользу соотношение сил и настроений в обществе.

Французская «Эко» также не удержалась от клеветнических изложений – она отметила, что съезд «известен своим враждебным отношением к политике реформ, и поэтому российский президент имеет все основания опасаться, что депутаты попытаются сместить правительство и лишит главу государства представленных ему год назад дополнительных полномочий». Кроме того, Конфедерация независимых профсоюзов – одна из ведущих организаций российских рабочих – намерена провести в субботу «день действий», и, если эта акция приобретет достаточно широкий размах, это также может поколебать позиции исполнительной власти. Но, по мнению газеты, наибольшее беспокойство в окружении президента вызывает то, что Б. Ельцин, видимо, пытается сблизиться с «Гражданским союзом», известным своим сдержанным отношением к политике реформ. В этом случае, считает «Эко», ряд наиболее активных сторонников реформ могут быть вынуждены выйти из состава правительства.

⁷⁵ Le Monde, 19 oct. 1992, Paris

Меня буквально поражал низкий уровень анализа со стороны влиятельных органов иностранных СМИ социально-экономической и политической ситуации в России, их догматизм и шаблонный подход. Это было объяснимо, когда речь шла о «полторанинских СМИ», но эти – Times, Le Monde, «Эко» и другие известные зарубежные газеты? – зачем им все эти «дешевки» и «штампы»? Уму непостижимо! Однако все объяснялось довольно просто – Ельцин и правительство стали «клиентами Запада», полностью управлялись и подчинились его интересам.

Деятельность законодателя – некоторые штрихи

Интерес к российским преобразованиям осуществлялся главным институтом России – Верховным Советом; был высок со времени первых демократических выборов в российский парламент в 1989–1990 годах. Тогда его возглавил Борис Ельцин. (Я был его первым заместителем до 12 июня 1991 г., когда он был избран президентом.) Тогда, напомним, немедленно начались сильнейшие противоречия между Ельциным и Горбачевым и в целом между союзным и российским руководством. Уже одно это весьма интересовало не только иностранных корреспондентов, но и политиков ведущих стран мира, дипломатов, в том числе из США и Западной Европы, Китая, Японии и других стран.

Было много серьезных деловых организаций и отдельных представителей мирового бизнеса – они хотели прежде всего уяснить для себя, насколько мы, новые лидеры России, являемся серьезными государственными деятелями, способными повести страну по пути реального развития. Только в этом случае, считали они, и это было естественно, возможно иметь с Россией серьезные деловые связи. Но было и много иных, представлявшихся как «серьезные бизнесмены», на самом деле – авантюристы, которых приводили, в частности, ко мне, чаще всего наши депутаты, с просьбами «подписать» какие-то «бумаги», суля огромные выгоды от неких сделок с некими организациями. Я довольно быстро научился их распознавать.

Роналд Рейган, Мишель Камдессю

Вскоре после подавления путча (в августе 1991 г.) к нам прибыл экс-президент Роналд Рейган в сопровождении внушительной группы его сотрудников и дипломатов. Я и Ельцин встречали его в нашем Белом доме на ступенях. Затем перешли в кабинет. Он вначале что-то оживленно выспрашивал у Ельцина, но вскоре умолк. Сидевшая рядом со мной американка шепнула мне: «Скажите Ельцину, чтобы не затягивал разговор, Рейган быстро устает, он не может выдержать беседу более 25–30 минут». Я подозвал министра Козырева и передал ему эту информацию, он тут же передал Ельцину. Уходя, Рейган, уже в дверях, обращаясь к Ельцину, сказал: «Мы с вами должны спасти этот мир!» Мне было немного смешно, но я удержался от улыбки. Рейган был уже серьезно болен, об этом я уже знал из американской прессы, начальная стадия болезни Альцгеймера (потеря памяти).

Вскоре (ноябрь 1991 г.) я встретился и имел большую, продолжительную беседу с директором-распорядителем МВФ Мишелем Камдессю. Это для меня было куда интереснее, чем протокольная встреча с больным Рейганом.

После любезного приветствия я спросил гостя: с какой повесткой он прибыл в Москву и чем мы, в парламенте, можем содействовать сотрудничеству России с МВФ?

Камдессю кратко рассказал о том, что МВФ оказывает финансовую помощь многим странам, у Фонда уже были налажены связи с правительством СССР, и он хотел бы установить отношения с Российской Федерацией. Но его интересует: станет ли Россия самостоятельной или СССР будет существовать и далее – в форме Федерации или Конфедерации? Что

думает по этому вопросу глава парламента? От этого зависит уровень нашего (МВФ) сотрудничества с Россией либо с «реформированным СССР», о чем ему вчера говорил Михаил Горбачев.

Не знаю, насколько знающим финансистом был господин Камдессю, но дипломатом он был, причем умным и тактичным. В результате продолжительной беседы через некоторые фразы и намеки я понял, что гость беседовал по этим вопросам не только с Горбачевым и Ельциным, но и Бурбулисом и Гайдаром, знаком с разрабатывающейся программой правительства по ускоренному осуществлению экономических реформ. Но ничего хорошего относительно судьбы СССР ему не сообщили. Я высказал свое мнение относительно наших (то есть России) будущих отношений с МВФ.

Первое: во всех случаях, независимо от возможного статуса в будущем Союзном договоре (а я тогда все еще верил, что СССР сохранится хотя бы в конфедеративном типе государства), статус России будет достаточно высок, чтобы осуществить самостоятельные международные отношения, разумеется, согласовывая их с будущим Союзным Центром (каким бы он ни был). Он будет иметь достаточные властные возможности брать на себя международные финансовые обязательства и нести за них ответственность.

Второе: я также высказал свое несогласие с тем, что МВФ предоставляет кредиты (называя это «помощью») под жесткие политические условия. В частности, только в тех случаях, когда правительства проводят такую экономическую политику, которая соответствует некоторым требованиям (критериям) МВФ. Мне они представляются неверными, они не помогают странам решить свои проблемы, а загоняют их вглубь. Я привел примеры, в частности, по странам Латинской Америки.

Камдессю, как мне показалось, был несколько удивлен моими мыслями: все предшествующие встречи с российскими политиками были однотипными с точки зрения высказываний – они все хотели займов на любых условиях, а вот спикер парламента сам выдвигает свои условия, не связанные с кредитами. Как пишет автор книги, Камдессю говорил о том, что глава парламента профессор Хасбулатов первоначально поддержал политику «шелковой терапии Гайдара». Это, конечно, было не так, я довольно резко высказался против доктрины «Вашингтонского консенсуса»! Мой гость даже был удивлен тем, что я неплохо знаю этот документ.

Европейские институты и Верховный Совет

У нас стали устанавливаться хорошие деловые отношения с европейскими институтами, прежде всего с Европейским парламентом, Евросоюзом, ОБСЕ. Я был приглашен в Европейский парламент, тепло встречен и выступил с небольшим докладом относительно ситуации в России и желания Верховного Совета установить добрые, деловые отношения с Европарламентом и другими европейскими институтами. В Страсбурге я знакомился со многими главами национальных парламентав – членов ЕС, а также ассоциированных с ЕС стран (то есть кандидатов). Запомнились беседы с главами парламентав Франции, Англии, Чехословакии (Александр Дубчек), Турции, Болгарии. А в сентябре (23 сентября – 1 октября 1992 г.) в России с первым официальным визитом находилась делегация Европейского парламента во главе с Магдаленой Хофф. Руководители делегации (М. Хофф из ФРГ, ее заместители лорд Н. Бетелл из Великобритании и португалец К. Пимента) имели продолжительные встречи со мной, а также с моими заместителями, председателями комитетов и комиссий Верховного Совета, заместителем председателя правительства Александром Шохиним, заместителем министра иностранных дел Сергеем Лавровым (он иногда сопровождал меня в зарубежных поездках).

В Парламентском центре Российской Федерации состоялись дискуссии с делегациями Европарламента, с большой группой руководителей комиссий и комитетов Верховного Совета по проблемам, касающимся хода и перспектив социально-экономических реформ, сотрудничества с европейскими сообществами по вопросам положения в гуманитарной сфере. Разбившись на две группы, делегация посетила Республику Саха (Якутия) и Челябинскую область. Интересно, что при обсуждении проводившихся реформ в России европарламентарии советовали с осторожностью использовать польский опыт «шоковой терапии», который рискует не сработать в конкретных российских условиях. Представитель ФРГ В. Ромберг, ссылаясь на опыт Восточной Германии, отметил, что в бывших социалистических странах рынок «сам по себе» не пробьет дорогу, его необходимо подготавливать постепенно, с помощью государства, которое не должно терять все рычаги контроля за экономикой. При этом особенно важно создать грамотный управленческий аппарат и не пытаться «на скорости», без соответствующей подготовки формировать рыночные структуры. Это мнение было особенно интересно услышать, поскольку я размышлял примерно так же, и мне хотелось убедиться в верности собственных суждений.

Делегация Европарламента в целом положительно восприняла информацию о процессе приватизации в России, подчеркнула необходимость последовательно продвигаться по этому пути, но не торопясь. Предметно обсуждались вопросы содействия иностранным инвестициям. Отмечалось, что для их привлечения нужны соответствующие политические, экономические, налоговые условия, соответствующая деловая среда, в том числе на местном уровне. От имени Европарламента глава делегации М. Хофф заявила о готовности к упрочению и углублению контактов с Верховным Советом, к оказанию российской стороне содействия, в частности, при разработке новой Конституции Российской Федерации. Она информировала российских коллег о положении дел в Европейском сообществе. Сейчас, когда в странах ЕС с немалыми сложностями проходит процесс ратификации Маастрихтского договора о политическом, экономическом и валютном союзе (1991–1992), Союз оказался на решающем, поворотном пункте своего развития. По ее утверждению, западноевропейская интеграция в рамках ЕС существенно способствовала снятию взаимных антагонизмов между странами-участницами. Трудно представить, чтобы эти страны решали сейчас проблемы своих взаимоотношений военным путем, сказала она. Было заявлено о намерении стран ЕС быть открытыми для внешнего мира, не превращаться в «неприступную крепость», а сотрудничать со всеми, и «в первую очередь со своими соседями на Востоке континента». М. Хофф высказала надежду, что ЕС и Россия также имеют реальный шанс идти совместным путем к созданию новой Европы. С обеих сторон высказывалась твердая убежденность в необходимости продолжения контактов между Верховным Советом и Европарламентом. Сотрудничество в законотворчестве и нормотворчестве со странами ЕС важно для того, чтобы Россия могла лучше вписаться в европейское правовое пространство. При рассмотрении я передал руководителю делегации М. Хофф специальное послание председателя Верховного Совета России в адрес председателя Европарламента Э. Клепша и наш «Меморандум о сотрудничестве между Верховным Советом и Европарламентом». Эти документы, разумеется, были оформлены совместно Управлением международных отношений ВС и МИДом России и окончательно отредактированы мной.

У меня создалось устойчивое мнение, что эти европарламентарии намного лучше разбирались в «капитализме» и «рынке», чем наши члены правительства и некоторые депутаты «демократической России», с комиссарской решительностью стремящиеся насильственно взрастить этот рынок, «как картошку», как писала когда-то Екатерина Великая Вольтеру, ссылаясь на сложные российские условия, где эта «картошка» (демократия) может попросту «замерзнуть и не дать всходы».

Наши радикалы-неудачники здорово постарались, чтобы всего лишь через один год это благожелательное отношение Европарламента к Верховному Совету изменилось на откровенно враждебное.

Маргарет Тэтчер

...Британский посол, посетив меня, пригласил на завтрак в посольство с участием госпожи Маргарет Тэтчер, прибывшей с неофициальным визитом в Москву. В 1990 году она проиграла пост лидера Консервативной партии соратнику по партии Джону Мэйджору, и ей пришлось уйти с поста главы правительства после 11-летнего почти авторитарного правления. Я охотно согласился. Завтракаем, разговариваем о чем-то, я делаю комплименты относительно ее удачной экономической политики в 80-х годах, хотя на самом деле эти реформы были не совсем удачными, а часто были направлены против трудящихся, но хотелось сказать приятное старушке. Она, как оказалось, очень любила комплименты, заулыбалась. И, в свою очередь, стала расспрашивать о законодательной деятельности Верховного Совета; заметно восхищается нашей августовской (1991 г.) победой. Вдруг открывается дверь, входит посол и... Гайдар. Госпожа Тэтчер с наигранной радостью приглашает гостя (Гайдара) присоединиться к нашей «интересной беседе». Разумеется, я поддакиваю с не меньшим радушием, хотя про себя думаю: что это за затея?

Постепенно Тэтчер переводит разговор на «взаимоотношения», говорит: «Вы, господин спикер, человек очень талантливый и опытный. Господин Гайдар не такой опытный публичный политик, как вы, но он очень хорошо понимает, какие реформы нужны России. И поэтому вам обоим нужно работать дружно». Я удивился – какая наглость! Но вида не подал, поддакиваю: «Да-да, конечно».

Гайдар вступает в разговор, говорит, что напрасно Руслан Имранович критикует его, Гайдара, за либерализацию цен: «Госпожа Тэтчер может подтвердить, что такая мера – необходимое звено на начальной стадии реформы. Теперь надо приступить к массовой приватизации, и все будет в порядке, успехи реформе гарантированы».

Тэтчер восклицает: «Совершенно верно!» И начинает по-старчески увлекаться, долго и скучно рассказывает о ситуации, с которой она столкнулась в Англии, когда пришла к власти в 1979 году, какие ей препятствия чинили и как она одержала великую победу над лейбористами, профсоюзами и забастовщиками и пр.

Гайдар с жаром продолжает тему, рассказывает о планах правительства, приватизации. Прошло минут тридцать в такой «их» беседе-диалоге. Мне скучно, молчу, изредка вставляя какие-то ничего не значащие реплики, в том числе одобрительные, когда говорила Тэтчер. Наконец Тэтчер обращается ко мне с вопросом:

– Как вы думаете, господин спикер, получится у вас совместная работа с господином Гайдаром?

– Госпожа Тэтчер, могу вам, – так же как и всем другим, кто задает мне этот вопрос, – ответить самым искренним образом: все зависит от самого господина Гайдара. Если он найдет в себе силы работать совместно с парламентом, мы, несомненно, найдем самые лучшие решения для успеха. Россия – это не Великобритания с историей капитализма в 600 лет. У нас другие условия, другая история. Поэтому и парламенту, и правительству надо учитывать эти наши конкретные российские условия. Если говорить о нашем правительстве, оно, по нашей Конституции, не является избранником народа и несет полную ответственность за свою деятельность не перед народом, а перед президентом и парламентом. Если правительство Гайдара добьется успехов в проведении реформы – оно долго будет управлять страной, если нет – уйдет в отставку. Мы все – и парламент, и правительство, и президент – не коммунистические вожди, мы не должны во что бы то ни стало цепляться за власть... А теперь,

если вы позволите, госпожа Тэтчер, господин посол, я вынужден вас покинуть, меня ждут дела».

И я ушел.

Советы «заезжие бабешек»

...Через некоторое время один «эпизод» в связи с госпожой Тэтчер вызвал повышенный интерес в нашем российском и британском обществах, во всяком случае в прессе наблюдался ажиотаж. Давая кому-то интервью, госпожа Тэтчер допустила крайнюю бестактность – она высказалась в том плане, что российский парламент не отражает «новую ситуацию» и ему следует самораспуститься; он оказался не способен принять демократическую Конституцию. Кстати, в очередной раз будучи в России, она повторила эти же слова, которые многократно публиковали московские газеты и тиражировали все каналы ТВ, восторгаясь «мудростью леди Тэтчер». Жалкие рабы!

Буквально в эти же дни, когда наша пресса оживленно обсуждала высказывания «великой Маргарет Тэтчер» – низкопоклонства в русском обществе всегда хватало, – у меня была телевизионная беседа с Олегом Попцовым, руководителем российского телецентра. Его, конечно же, интересовали мои «впечатления» относительно «рекомендаций» госпожи Тэтчер.

Я ответил следующим образом: «Мне не интересны дилетантские суждения разного рода «заезжих бабушек» – гастролеров, которые с умным видом говорят большие глупости... Что же касается конкретно госпожи Тэтчер, я посоветовал бы ей обратить внимание на то, что у Англии вообще нет конституции – никакой. Но я ведь не пытаюсь им «советовать», как было бы хорошо, если бы Англия приняла конституцию...»

Или возьмем другой вопрос – что это за прославленная британская демократия, когда верхняя палата парламента формируется некими наследственными джентльменами – дворянами? Где же здесь демократия? Непорядок! Срочно отмените эту «палату», пусть эти джентльмены занимаются охотой на лис в своих поместьях! Или другая британская проблема: десятилетиями идущая война в Северной Ирландии – Ольстере. Так что у Англии множество своих внутренних проблем, и их политикам следует искать пути их решения, а не соваться дилетантски в дела чужие. Мы лучше всяких «заезжих бабушек» знаем, как надо решать наши проблемы...»

Вся страна была в восторге от словосочетания «заезжая бабушка». Ну, а радикал-демократы неистовствовали: «Как посмел Руслан Имранович так высказаться об уважаемой леди!»

Даже министр финансов Борис Федоров в своем обычном плебейском стиле выступил с бранью в мой адрес.

...Принимал я позже, спустя какое-то время, делегацию палаты общин британского парламента. Один из депутатов, прощаясь, говорит: «Господин спикер, некоторое время тому назад вы задали нелегкую работу для всего нашего парламента, не говоря уже о госпоже Тэтчер, – мы искали точный смысловой перевод понятия «заезжая бабушка». Нам дали чуть ли не десяток толкований, пока мы не поняли истинный смысл. У вас хороший юмор...»

*Проф. Д-р Карл-Хайнц Хорнхус
Заместитель Председателя
Фракции ХДС/ХСС в Бундестаге ФРГ
30.10.1991 г.*

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР
Господину Руслану ХАСБУЛАТОВУ**

Глубокоуважаемый господин Председатель, Дорогой господин Хасбулатов!

Я сердечно поздравляю Вас от себя лично и от имени фракции ХДС/ХСС в Бундестаге с Вашим избранием на пост Председателя Верховного Совета РСФСР.

В решении сложных задач я желаю Вам больших успехов и благословения Бога.

С дружеским приветом,
Проф. Д-р Карл-Хайнц Хорнхус.

А вот еще одно письмо от весьма влиятельного руководителя бизнес-сообщества Германии:

*Отто Вольф фон Амеронген, Восточный комитет экономики ФРГ,
председатель
Мариенбургштрассе 19
5000 Кельн 51, 30 октября 1991 г.*

Профессору Руслану Хасбулатову
Председателю Верховного Совета РСФСР
Москва – Белый дом

Глубокоуважаемый дорогой господин Хасбулатов!

По случаю вашего окончательного избрания Председателем Верховного Совета РСФСР хотел бы выразить Вам свои сердечные поздравления.

Я уверен, что Вы своим личным престижем и участием и в дальнейшем будете поддерживать расширение и углубление германо-российских экономических связей.

Восточный комитет и заинтересованные в долгосрочном сотрудничестве с Вашей стороны фирмы высоко ценят это участие.

Пользуясь настоящим случаем, я хотел бы еще раз поблагодарить Вас за интересный разговор, который состоялся в Белом доме 2 октября 1991 года.

Вы уже знаете, что господин президент Борис Ельцин принял мое приглашение на встречу с ведущими представителями экономики ФРГ 22 ноября 1991 года в Кёльне.

Еще раз я очень хотел бы вкратце вернуться к направленному Вам моему приглашению посетить Германию в 1992 году.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш Отто Вольф фон Амеронген.

В Германии я был, кстати, вначале по приглашению Отто фон Амеронгена, где главным мероприятием было собрание огромного количества деловых людей Германии. Перед ними я выступил с большой лекцией, затем целый час отвечал на вопросы. Тогда же произошло мое знакомство с Владимиром Путиным вместе с другими сотрудниками посольства и иными служащими в Германии. А вот еще одно письмо, которое я получил и, по просьбе его автора, принял делегацию.

*STATE OF COLORADO
COLORADO INTERNATIONAL TRADE OFFICE*

OFFICE OF THE GOVERNOR
1625 Broadway, Suite 680
Denver, Colorado 80202 U.S.A.
Председателю ВС РСФСР
Г-ну Хасбулатову Р.И.

Уважаемый Руслан Имранович!

Имею честь информировать Вас, что 10 ноября в Москву с официальным визитом прибывают губернаторы двух штатов США: Рой Ромер (Roy Romer) – штат Колорадо, и Микаэл Н. Кастл (Michel N. Castle) – штат Делавэр.

Поездка осуществляется по поручению Национальной ассоциации губернаторов США (NGA), объединяющей губернаторов всех штатов. Национальная ассоциация вырабатывает согласованную позицию губернаторов по ключевым вопросам внутренней и международной политики, оказывая существенное воздействие на формирование политического курса президента и Конгресса США. Глава делегации губернатор Рой Ромер избран на пост Председателя Ассоциации и займет его в 1992 году.

Цели визита:

- получить прямую информацию о положении дел в стране и республиках и по возвращении лично проинформировать об этом губернаторов;

- обсудить виды, принципы и размеры помощи республикам по линии Национальной ассоциации губернаторов, включая гуманитарную помощь зимой 1991–92 года;

- выяснить потенциал сотрудничества в области конверсии и переподготовки кадров военнотружущих;

- определить направления государственных и частных капиталовложений в экономику республик;

- установить личные контакты с ведущими представителями политического и делового мира и т. д.

В ближайшее время губернаторы Р. Ромер и М. Кастл, основываясь на результатах данного визита, намерены вновь приехать в СССР и республики с делегацией бизнесменов США, имея пакет конкретных предложений о сотрудничестве в области инвестиций, административного управления, подготовки кадров, сельского хозяйства, конверсии и т. д.

Р. Ромер и М. Кастл просят о краткой встрече с Вами (30 минут) в удобное для Вас время с 11 по 14 ноября с.г.

Эта встреча, благодаря Вашему личному участию, придавала бы наибольший авторитет идее сотрудничества и взаимопомощи, лежащей в основе данного визита.

С уважением,

По поручению губернаторов Р. Ромера и М. Кастла, Генеральный секретарь Национальной ассоциации губернаторов США

Би Селлер.

Москва, 9 ноября 1991 года.

Эти приведенные два письма – всего лишь небольшая, но выразительная иллюстрация того внимания со стороны множества иностранных деятелей и организаций к работе Вер-

ховного Совета, его высокого авторитета в тот период. Конечно, я принял этих губернаторов. У нас состоялась интересная беседа. Они обещали пригласить наши делегации для ознакомления с опытом их деятельности. И исполнили эти свои обещания.

Приходилось встречать множество иностранных делегаций, вести переписку с должностными лицами, лидерами политических партий, руководителями парламентов, представителями деловых кругов самых разных стран.

График работы у меня всегда был напряженным, если не было сессионных заседаний, я принимал разные делегации: представителей организаций и учреждений, должностных лиц, предпринимателей и банкиров, руководителей советов, ученых, профсоюзных деятелей, иностранных бизнесменов, послов и, конечно же, – своих товарищей из МГУ и Плехановского института, профессоров и земляков с Кавказа, разных республик – Чеченской, Дагестанской, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Татарии, Башкирии и др.

Три залпа по общественному согласию на фоне ухудшения обстановки в стране

Первый мощный залп по общественному согласию Ельцин нанес в ходе V съезда (октябрь – ноябрь 1991 г.), предложив «сереньких людишек» в правительство в самый ответственный исторический момент для страны, находящейся в тяжелейшей ситуации. И тогда же осуществив либерализацию цен, вызвавшую обнищание населения. Второй залп по нему был нанесен в Беловежской Пуще 8 декабря, когда тройка заговорщиков разрушила СССР. И вот третий залп Ельцин решил нанести уже по российскому парламенту. Кратко суть последующих событий состояла в следующей тактике.

«Успешно» завершив непримиримую борьбу с Михаилом Горбачевым ценой уничтожения Советского Союза, Ельцин скоро взял четкую ориентацию на установление своей единоличной власти. При этом ссылки были тривиальные: для проведения глубоких реформ нужна «сильная президентская власть», то есть парламент не нужен, или он должен иметь декоративный характер, как в недавние времена имели все «верховные советы» и все прочие «местные советы».

Так, в своем интервью в газете «Комсомольская правда» он выступил за введение в России президентского правления. «Единственный путь достичь этого, – заявил он, – сделать все быстро, стремительно. Поэтому надо провести референдум. И сделать все это надо к осени. К тому же я уверен, что съезд никогда не примет новой Конституции»⁷⁶, – заявил президент, вызвав новый виток возмущений в парламенте и сильнейшее возбуждение в обществе.

После этого заявления «вождя» экстремисты-либералы развернули движение за всероссийский референдум по этому вопросу, повсюду проводились крикливые кампании, особенно в Москве, Петербурге, Екатеринбурге (родине Ельцина), соответственно процессы политической дестабилизации укреплялись и множились, а общество, вместо того чтобы сконцентрировать всю энергию и силы для экономического восстановления, бездумно устремилось в политическую борьбу, выискивая «белых» и «красных». Так, лично Ельцин спровоцировал крупнейший общественный и правительственный раскол в России в 1992 году, не исчезнувший полностью даже сегодня, спустя почти четверть века.

А между тем в экономике дела были катастрофическими. С марта 1992 года инфляция фактически стала «галопирующей», она быстро перешла в стадию гиперинфляции (о чем я сообщил на мартовском – VI съезде народных депутатов), хотя правительство почему-то не хотело признать этот очевидный факт. Спад производства приобрел большие обороты,

---

⁷⁶ «Комсомольская правда», 26 мая, 1992.

быстро накапливалась задолженность предприятий (неплатежи), в том числе самых современных, продукция которых пользовалась повышенным спросом (им не хватало оборотных средств). Их негде было получить: частная банковская система едва зарождалась, а государственные банки не могли предоставить финансовые средства предприятиям – этому препятствовала правительственная политика. Стремительно нарастало недовольство населения – недавние оптимистические ожидания от власти сменились крайним раздражением и недовольством ею. Мощный вал забастовок трудящихся, открытые протесты региональных властей, выступления профсоюзов и т. д. стали прямым результатом деятельности правительства. Конечно, все это не было естественным следствием «реформ», как утверждали тогда эти реформаторы-неудачники и столичная пресса, это было следствием контрреформ. Они в своей деятельности мало учитывали реальные производственно-экономические факторы и, самое главное, не была подведена под «свободные цены» рыночная инфраструктура. А без этого, как известно, невозможны даже малейшие элементы конкуренции, вне которой невозможен рынок. Таким образом, все эти «реформы Гайдара» угрожали снести не только правительство – появилась реальная угроза для целостности государства. Именно на таком фоне разрастались процессы регионализации и сепаратизма, усилились дезинтеграционные процессы.

При этом надо учитывать следующие обстоятельства. Первый этап приватизации – «малая приватизация», был «запущен» еще до прихода этого правительства, а именно с сентября – октября 1990 года, целым рядом решений съезда депутатов, нормативными актами Верховного Совета и его президиума, а также деятельностью правительства Ивана Силаева. Этот процесс получил дополнительные импульсы в результате целой серии президентских указов и правительственных постановлений в самом конце 1991 года и в начале 1992 года.

Этот первый этап приватизации в целом, несомненно, имел позитивный характер, способствовавший оживлению торговли, особенно в сфере создания некоего «предрынка» в сфере продовольственного обеспечения населения крупных городов. Двигателем этого процесса являлись быстро развивающиеся кооперативы, аренда и т. п. Но этот этап касался исключительно сферы обращения, то есть он был ограниченным. Далее, постановление Верховного Совета, принятое нами в конце сентября 1991 года, прекращало монополию государства на внешнюю торговлю в сфере импортно-экспортных операций, оно давало полномочия государственным и частным предприятиям, в том числе и кооперативам, вести такого рода деятельность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.